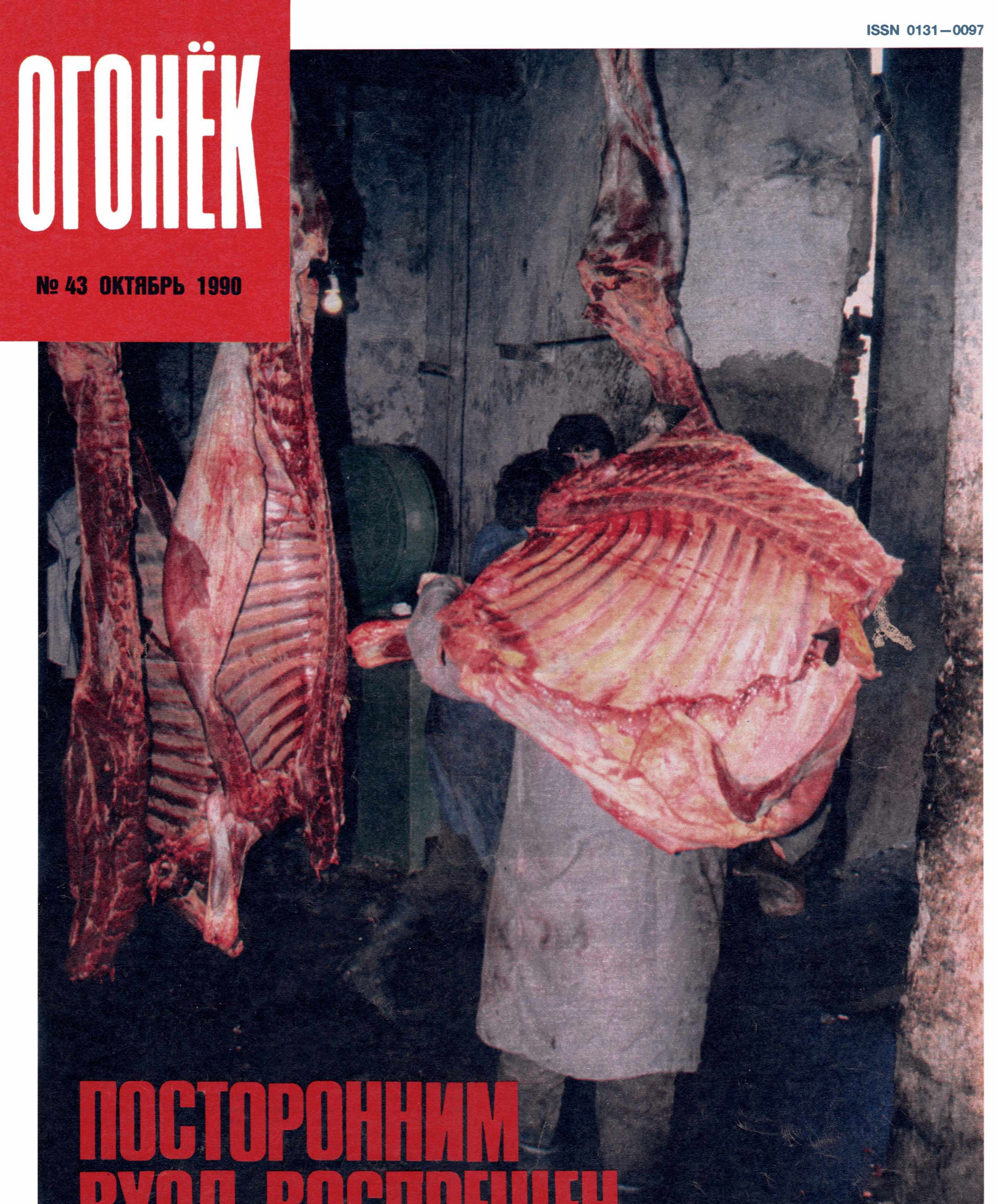
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 43 ОКТЯБРЬ 1990

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 43 (3301)

20 — 27 октября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Объект повышенного внимания. (См. в номере материал «Можно ли жить не воруя?».)

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.

Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 01.10.90. Подписано к печати 16.10.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2833. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

К проходной Кыштымского мясокомбината мы подъехали, когда смена уже закончилась. Встали немного в стороне, как раз возле тропинки, что ведет к автобусной остановке. Мимо нас беспечно шли работники мясокомбината, не подозревая, что в машине «Скорой помощи» находится бригада сотрудников ОБХСС.

— До чего у нас народ изобретательный! — сказал начальник ОБХСС Кыштымского городского отдела внутренних дел Борис Иванович Фрайс, не прекращая наблюдения из окна машины.— Как вы думаете, сколько мяса за раз может вынести на себе человек через проходную? Не знаете? А не хотите двадцать семь килограммов? Специальные пояса изготавливают, с крючками. Сосиски — через шею и в рукава. Мясо тонкими ломтиками нарезают и к ногам привязывают. Худым, конечно, проще... По самым заниженным, самым скромным прикидкам, в день с обычного комбината выносят полтысячи килограммов мяса!

Сразу захотелось посчитать. Значит, если умножить 500 килограммов мяса на 800 (примерно столько у нас в стране крупных мясокомбинатов), а еще учесть, что в год в СССР производится 10 миллионов тонн мяса... Любопытная арифметика...

«СПРАВКА. Об основных тенденциях преступности в сфере экономики в первом полугодии 1990 года и прогнозе криминогенных последствий перехода к рыночным отношениям.

В истекшем полугодии криминогенная обстановка в сфере экономики оставалась напряженной. Органами внутренних дел зарегистрировано свыше 152 тысяч хищений, должностных и хозяйственных преступлений. Рост по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составляет 4 процента. На четверть больше вскрыто хищений в крупных и особо крупных размерах.

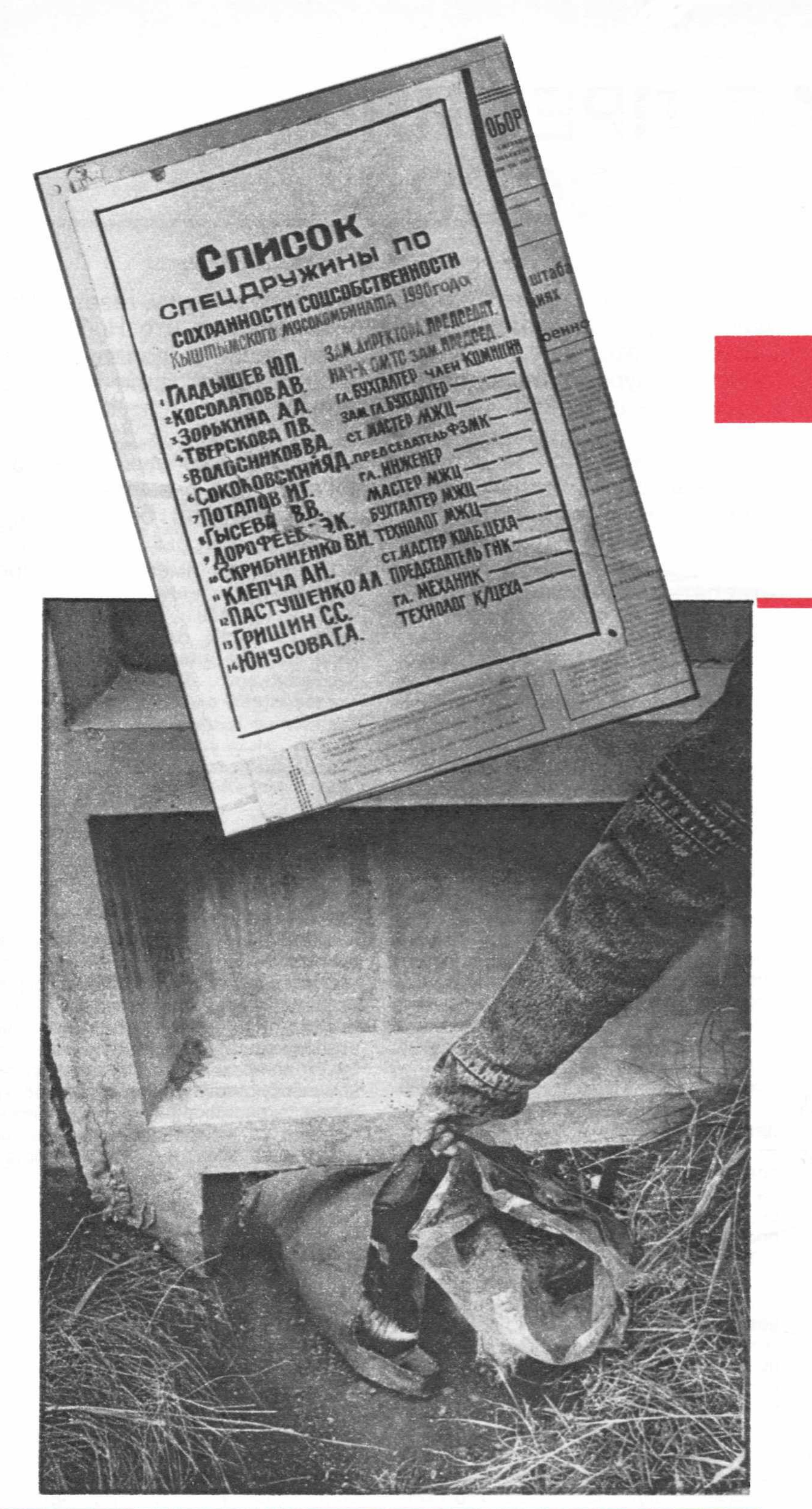
С учетом исключительной сложности преодоления происходящих в обществе кризисных явлений есть основания полагать, что в ближайшее время будут сохраняться предпосылки для дальнейшего роста преступности. Следует ожидать устойчивого роста корыстно-насильственных преступлений.

Практически не ограниченные возможности для этого дают ставшая

МОЖНО ЛИ ЖИТЬ НЕ ВОРУЯ?

По самым осторожным прикидкам ОБХСС в день с каждого мясокомбината выносят 500 килограммов мяса...

Людмила САЛЬНИКОВА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

привычной бесхозяйственность, существующая система «узаконенных» непроизводительных расходов, непомерно большие нормы списания на потери.

Повсеместно ощущается нехватка мясопродуктов. Количество преступлений на объектах мясной промышленности возросло на 7 процентов, хищений в крупных и особо крупных размерах — на 44 процента. Только в столице выявлено 80 уголовно наказуемых правонарушений на объектах хранения и переработки мясопродуктов.

МВД СССР».

Интересный разговор пришлось прервать, поскольку оперативники возвращались к нам с симпатичным молодым человеком, в руке у которого тяжело покачивалась матерчатая сумка.

— Мы, наивные, у проходной караулим, а у них в десяти метрах отсюда, за углом, «ларек» вовсю работает. Этот товарищ спокойненько шел по улице и забрал из тайника под забором сумочку. Подкоп у них под забором, понимаете?

Мы поспешили увидеть «ларек» своими глазами. Как все просто! Можно воздвигнуть глухой забор в два человеческих роста, сверху пустить несколько рядов колючей проволоки, но достаточно прорыть внизу маленькую дырочку — и титанические усилия по отгораживанию мясного рая от окружающей действительности пойдут прахом. Кто-то прикинул, что строительство заборов обходится государству дороже, чем сами хищения, и все-таки в нашем Отечестве упорно продолжают возводить крепостные стены.

— У вас под носом воруют, а вы не видите! — обратился Фрайс к сидящей в проходной пожилой женщине.

— Я тут не виновата,— испуганно залепетала вахтерша.— У нас есть ответственный за периметр.

— Он разве не знает?

— Не спрашивайте! Сколько раз заделывали. Бесполезно. Фонари вдоль забора ставим — бьют, собаку заводим — травят. Беда...

Пока мы обходили пресловутый «периметр», Фрайс жаловался:

— А нам беда с этой вневедомственной охраной. Кто туда идет? Пенсионеры, инвалиды. В народе их называют «неведомая охрана». И еще — «ракетно-костыльное войско». Может ли бабушка задержать грабителя? Смешно! Зарплаты у них мизерные, естественно, идет подкуп. Каждый, уходя домой, сует ей рублик. У одной такой вахтерши дома мы нашли несколько трехлитровых банок, в которые, как маринованные огурцы, были утрамбованы эти самые рублевки...

Когда мы на обратном пути проходили мимо обнаруженного тайника, там нас ждал сюрприз — две туго упакованные мясом сумки. Их поднесли к лазу только что, и клиент «ларька» не успел забрать. Мы перенесли сумки в машину. У наших ног образовался волнующий натюрморт: из полиэтиленовых пакетов наполовину выскользнули матово блестящие куски парного, дышащего мяса с гладкими, без единой прожилки боками.

Фрайс начал составлять протокол. Задержанный представился ему Игорем, жителем Кыштыма, 1962 года рождения, беспартийным. Женат, имеет двоих детей, работает на машиностроительном заводе слесарем. За две бутылки водки договорился с рабочим мясокомбината на 8—9 килограммов мяса. Такая сделка у него впервые.

— А что делать, если жрать нечего? — вскинул на нас голову Игорь.— Поглядите, что в магазинах!

Каждому жителю города по талону положено 800 граммов мяса в месяц. Если удастся его купить, что случается редко. Приходится брать вареную колбасу, которую и местные кошки не жалуют. На рынке мясо нарасхват, цена — 6—7 рублей килограмм.

«СПРАВКА. О состоянии торговли отдельными продовольственными товарами и принимаемых мерах по пресечению злоупотреблений в этой сфере (по состоянию на 5 октября 1990 года).

Поступившая за прошедшую неделю информация с мест свидетельствует, что положение с обеспечением населения продовольственными товарами остается напряженным.

В пяти областях Украинской ССР не было в продаже крупы, чая; в Винницкой и Волынской областях — масла растительного. В Луганской и Днепропетровской областях нет ресурсов для отоваривания талонов на сахар, с перебоями осуществляется торговля растительным маслом.

Мясо и молокопродукты реализуются по выделенным лимитам, табачные изделия — по мере поступления в торговую сеть.

В Белорусской ССР сохраняется напряженное положение в торговле маслом растительным, крупой и табачными изделиями. Хлеб и хлебобулочные изделия имеются в продаже бесперебойно.

В Казахской ССР остается повышенный спрос на муку, крупу, макаронные изделия, растительное масло, рис.

В республике Молдова по талонам реализуются мука, макаронные изделия, сахар, крупа. Нет в продаже маргариновой продукции, перебои в торговле маслом растительным и животным. Табачные изделия продаются по мере поступления в торговую сеть при наличии очередей.

В Грузинской ССР положение с обеспечением населения продовольственными товарами первой необходимости с каждым днем ухудшается. Хотя торговля хлебом осуществляется бесперебойно, запасов зерна хватит на 1—1,5 месяца. Из-за нехватки вагонов зерно не поступает из Украинской ССР. В связи с прекращением поставок из РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР реализация масла животного и сахара, запасов которых хватит на 1 месяц, осуществляется по талонам. По-прежнему с перебоями проходит торговля крупой, табачными изделиями, спиртными напитками.

В Армянской ССР нет в продаже муки, снижаются остатки крупяных изделий, на которые установлена норма отпуска одному покупателю — 1 килограмм.

В Ленинграде среднедневная плановая поставка мяса выполнена лишь на 35,6 процента, хлеба и хлебобулочных изделий — на 95 процентов, масла животного — на 90 процентов, растительного — на 40,7 процента, макаронных изделий — на 76 процентов, крупы — на 60 процентов, муки — на 127 процентов.

В Москве холодильниками Росмясомолторга допущено 224 случая невыполнения заказов на мясо—птицу. Без говядины 642 магазина, без свинины — 901. Сахар отсутствует в 1282 магазинах, крупа — в 657 магазинах, яйца — в 1141 магазине, сыр — в 615 магазинах.

МВД СССР».

Для соблюдения формальностей предстояло удостоверить личность задержанного, и мы приехали к стенам машиностроительного завода. Пока Борис Иванович под ручку с похитителем мяса шли через проходную, кто-то на ходу поздоровался с Игорем:

— Коль, привет!

То есть как Коля? Какой Коля? В отделе кадров завода подтвердили, что никакого Игоря 1962 года рождения у них не числится. Вот тебе и раз... Значит, и насчет двоих детей, и насчет зарплаты в 170 рублей тоже выдумка?

— Не... Правда, ей-богу,— с жаром уверил Игорь, он же Николай. Однако еще что-нибудь правдивое сообщить о себе отказался.

— Вот что...,— задумался на мгновение Фрайс.— Давайте-ка вернемся на мясокомбинат. Сдается мне, что он оттуда.

Борис Иванович как в воду смотрел. Николай категорически отказался идти на комбинат на опознание.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ — ПРЕЗИДЕНТУ СССР

Михаилу Сергеевичу Горбачеву присуждена Нобелевская премия мира, одна из самых престижных наград такого рода.

«Норвежский Нобелевский комитет,— говорится в заявлении этой организации,— решил присудить Нобелевскую премию мира за 1990 год Президенту Советского Союза Михаилу Сергеевичу Горбачеву за его ведущую роль в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества».

Имя М. С. Горбачева поставлено в один ряд с другими нашими великими соотечественниками, прославившими Отчизну,— Иваном Буниным, Александром Солженицыным, Андреем Сахаровым, Иосифом Бродским...

Пока Михаил Сергеевич готовится к церемониалу, газета «Правда» уже успела разъяснить своим читателям, что Нобелевская премия — это еще и крупная сумма денег в долларах и что «многие лауреаты передавали эти средства в различные благотворительные фонды».

Что же касается нашего журнала, то мы от души, сердечно поздравляем Михаила Сергеевича Горбачева с выдающейся наградой как Президента, человека и политика, без появления которого многие факты нашей жизни были бы просто немыслимы, в том числе и «Огонек», который мы имеем честь представлять!

Уже знакомая нам вахтерша очень старалась помочь расследованию. Она предложила пригласить для консультации старых работников, знающих своих сослуживцев наперечет. Тут же нашлись и добровольцы, но, странное дело, если до нашей машины они шли бодрым шагом, то, как только приходилось встретиться глазами с задержанным и назвать его имя, стушевывались и начинали отнекиваться. Жалость одолевала? Просыпалось чувство солидарности?

«Вору потакать — что самому воровать», «воровство — последнее ремесло», «лучше свое отдать, нежели чужое взять» — так учат нас пословицы и поговорки. «Все вокруг колхозное, все вокруг мое», «богатое у нас государство — сколько воруем, никак разворовать не можем» — это уже из современного фольклора. Заметно смягчилось общественное мнение к расхитителю добра — общего, народного. Оправдание всегда находится. Вон, государство на ветер миллионы бросает, и никто не наказан, а тут самую малость взять нельзя, что ли?

Процедура опознания затягивалась. К счастью, нашелся сердобольный человек, подсказал:

— Да из жирового он, новенький... Начальницу цеха позовите.

Начальница смерила Николая взглядом строгой учительницы, признала в нем своего слесаря и заверила, что данный случай с ним — первый и последний.

Оставалось сдать мясо как вещественную улику. Приемщица плюхнула на весы по очереди все три сумки и записала в своих бумажках: принято 26 килограммов обрези.

— То есть как обрези? — возмутился Фрайс.— Вы что, не видите? Мясо-то отборнейшее!

— Ничего не знаю, я всегда так пишу,— равнодушно пожала плечами приемщица.— Вызывайте завтра экспертов.

— Видите, как ловко у них получается! — продолжал негодовать Фрайс, пока мы шли к выходу.— Филейные куски определяют как отходы, потому что тогда краденое мясо пойдет рубль за килограмм и сумма хищения не превысит 50 рублей. Мелочь!

Теперь становилась понятнее кое-какая статистика. По данным местной милиции, в прошлом году на Кыштымском мясокомбинате задержан 31 человек за мелкие хищения и лишь 9 из них привлечены к уголовной ответственности. Сумма похищенного ими составила 337 рублей, то есть примерно десятка на человека. А за 8 месяцев текущего года задержано 25 человек, ни на кого не заведено уголовного дела, а сумма ущерба оценена в 204 рубля. Интересно, какие десятые, а то и сотые доли процента от реальных объемов хищений составляют эти показатели? Мы сами только что держали в руках неподъемные сумки с мясом, за которые можно выручить 150—200 рублей!

Даже неспециалисту бросается в глаза, что на мясокомбинате существует тысяча и один способ безнаказанно красть мясо. Хотя бы потому, что взвешивается оно всего дважды: при забое скотины и в холодильной камере. Даже на трехкопеечном карандаше цена впечатана намертво, а здесь тонны мяса гуляют по цехам, никак не оцененные. Бери — не хочу!

Исчерпывающую информацию о способах воровства дал Владимир Павлович Макаров, старший оперуполномоченный ГУБХСС МВД СССР, четверть века занимающийся мясной промышленностью:

— Прежде всего есть объективные обстоятельства, помогающие создавать резервы продукции для хищения. Начать с неразберихи при приемке скота. В колхозах и совхозах животину взвешивают кое-как, приблизительно, и на мясокомбинате приемщик может сознательно весы подкрутить. Пользуется он и неграмотностью сдатчиков, ведь принимает скотину по живому весу, а расплачивается по чистому выходу мяса. Сколько его получится с одной коровы? Может, сорок процентов от веса, а может, и пятьдесят. Нормативы (а их в мясной промышленности 10 тысяч!) принимались еще при царе Горохе, они растягиваются, как резиновые, в нужную сторону. Ну, а колхозник рад всему, что ему в квитанции напишут. Я уж не говорю про крайне слабый контроль за работниками со стороны начальства. Ревизорская работа проводится чисто формально, бухгалтерский учет — на пещерном уровне. Мастера цехов, хоть и распоряжаются всей продукцией у себя в цехе, материально ответственными не являются. Можете себе представить! Это нелепое постановление, принятое аж в 1930 году, мы до сих пор отменить не можем.

А вы заметили, что на мясокомбинатах фактически нет складов готовой продукции? Склад ведь предполагает учет и охрану произведенного. Зачем? Гораздо сподручнее реализовывать мясо и колбасу с колес. Возможности красть прямо-таки безграничные. И у экспедитора, взвешивающего мясо (один из простейших способов смухлевать — снять у тележки на весах одно из колесиков), и у шофера, развозящего дефицитный груз по магазинам (липовые накладные наготове), и у продавца, принимающего товар (покупателю безразлично, «законную» ему колбасу продают или нет).

Тут мы с вами перешли к умышленным способам создания неучтенных излишков. Взять хотя бы нарушения технологии производства. Дозирующих устройств наша промышленность не выпускает, а купленные за границей автоматы, контролирующие рецептуру изготовления продуктов, почему-то очень быстро выходят из строя. А манипуляции с холодильником? По технологии продукция должна отпускаться в охлажденном виде, но горячее мясо тяжелее, вот и реализуют его чуть ли не парным, а колбасу — еще горячей. На каждые 100 килограммов выходит 3—4 лишних, неучтенных килограмма... Про все не расскажешь.

Николай, почувствовав, что легко отделался, заметно приободрился и попросил нашего шофера подбросить его до дома, а то жена давно ждет, волнуется. На следующий день пообещал прийти в милицию. Там же, в милиции, мы узнали, что он попадается не в первый раз, хотя и работает на мясокомбинате чуть больше года. Отделывается штрафами.

Так как же мы будем жить дальше? Этот вопрос с тревогой задает себе каждый, возвращаясь с пустой сумкой из магазина.

— Вопрос не к нам.— Этими словами встретил меня в своем кабинете заместитель начальника ГУБХСС МВД СССР полковник милиции Виктор Петрович Амбросимов.— Прежние экономические структуры, основанные на сверхцентрализации, рушатся, новые еще не созданы. И напрасно уповать на то, что правоохранительные органы могут призвать неуправляемую экономическую стихию к порядку. Сфера производства и распределения не в нашей компетенции. Спекуляция, хищения, приписки — все это отомрет само собой вместе с административно-бюрократическими методами управления экономикой. А пока мы будем идти по линии всевозможных запретов и ограничений, будем по-прежнему стимулировать экономическую преступность и обман. «Теневая экономика» — это неизбежная реакция на жесткий монополизм государства во всех областях хозяйственной и социальной жизни.

«В КОМИССИЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ.

О некоторых проблемах и состоянии преступности в сфере потребительского рынка.

Анализ уголовных дел и других материалов показывает, что крупные организованные преступления базируются на широко распространенной системе обманов, хищений, нарушений правил торговли. Часть присвоенных денежных средств используется для подкупа вышестоящих должностных лиц, от которых зависят выделение фондов и результаты выполнения плана товарооборота.

Даже в Минторге СССР решение коллегии по результатам проверки, проведенной МВД СССР и Прокуратурой СССР, о заслуженном наказании одного из руководителей Управления бухгалтерского учета и финансов было отменено, а к дисциплинарной ответственности вместо него привлечен начальник контрольно-ревизионного отдела.

Январь 1990 года

МВД СССР».

Этой справкой хочется и закончить, поскольку она заставляет иначе взглянуть на катастрофическую ситуацию с продовольствием в ряде городов. Сегодня по-прежнему тот, кто владеет фондами и распределяет их, получает возможность манипулировать общественными настроениями, а в конечном счете — политикой. Мы начинаем понимать, что имеем дело не только с хорошо организованной под «крышей» госпартаппарата «теневой экономикой», но и «теневой политикой». Мы начинаем понимать, что административно-бюрократическая мафия куда страшнее уголовной. И МВД тут не поможет.

Челябинская область — Москва

■

Я один из самых молодых участников Великой Отечественной войны, награжден орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалью «За отвагу», орден Отечественной войны 1-й степени получил уже после войны, когда награждали всех фронтовиков. Имею 2 ранения, из них одно тяжелое. Думаю, что имею право высказать свое мнение и затаенную боль о Великой Отечественной войне.

Мне коробит душу и оскорбляет честь то, что в ходе войны погибали на каждого убитого фашиста 4—5 наших солдат! Почему в конце концов мы отступали до Сталинграда? Отдали врагу огромную территорию с главным промышленным потенциалом. Позволили фашистам разрушить полстраны, бросили на произвол судьбы десятки миллионов советских людей. И после всего этого мы наносим врагу сокрушительное поражение под Сталинградом. Как можно здравому человеку понять все это?

Долгие годы нас пичкали тем, что мы были плохо вооружены, что Гитлер стянул со всей Европы танки, самолеты и другую технику и поэтому мы вынуждены временно отступать. Да, у нас было в то время еще много танков устаревших конструкций, но разве для обороны обязательно надо иметь танковый и авиационный перевес? Не думаю, чтобы этого не знали маршалы и генералы — наши командиры.

Как получилось, что серьезная естественная преграда на пути врага — река Днепр — была отдана врагу практически без боя. Не находит оправдания и опоздание с защитой Крыма.

Хуже всего то, что бои и тяжелые потери 41-го ничему не научили маршалов и генералов. Если в начале войны еще можно было говорить о внезапности, то в 1942 году творились не меньшие «чудеса». Бои под Харьковом, десант в Керчи, бездарно проведенные нашим командованием, создали условия для наступления немцев на Сталинград и Кавказ. И за всем этим сотни тысяч, миллионы солдатских жизней.

У нас в Донбассе Саур-Могила возвышается на открытой на десятки километров равнинной местности. И вот на эту открытую всем огням местность ползли наши воинские подразделения. Потери убитыми и ранеными исчислялись десятками тысяч солдат и офицеров. Чем объяснить, что на фронте протяжением в 3,5 тысячи километров не было иного удобного места для наступления? Да, как кажется мне, враг ушел с Саур-Могилы, опасаясь глубокого прорыва наших частей с Курской дуги. Если бы не это, положили бы еще 200 тысяч жизней.

Сейчас, когда прошло столько времени после войны и когда смотришь на торжества по случаю Победы, по случаю освобождения того или другого города, возникают неприятные ощущения. Торжества и помпезность исполнения далеки от памяти погибшим. Здесь на первом плане генералы, обвешанные орденами от плеч до пупа. Смотрите, мол, какие мы герои. А известно ли вам, товарищи генералы, что многие солдаты (я в том числе) не надевают орденов. Нам стыдно за такую Победу, за миллионы погибших, за разруху страны.

Во время войны нашими солдатами и офицерами было совершено много поистине героических подвигов. Но их слава заслоняется заградотрядами, которые направляли пулеметы в спину солдат. Скажите, где вера в солдат и где, в какой еще армии мира были такие заградотряды?

Генералы любят говорить о патриотическом воспитании молодежи на примере героических подвигов, но почему-то никогда и нигде не говорят, что в спину солдата были направлены пулеметы заградотрядов. Для окопника было два выхода — или победить, или умереть. С этого надо начинать патриотические речи.

Я не претендую на всеобъемлющий анализ хода Великой Отечественной войны. Но думаю, что неправильный подход к освещению хода ВОВ является первопричиной тех недостатков в армии, которые сейчас налицо. Генералы их не видят или не хотят видеть. Поэтому и обижаются на прессу. Все послевоенные годы наше общество несло непосильное бремя военных расходов. И это в то время, когда на нас никто и не думал нападать. Содержать многомиллионную армию лишь для того, чтобы пугать людей новыми военными опасностями,— не велика ли честь для генералов?

П. Ф. БОВКУНЕНКО,
ветеран Великой Отечественной войны и труда,
Донецк

■

Считаю, что наиболее ощутимый удар по аппаратчикам, партократам можем нанести только мы, члены партии, оставаясь до конца в ее рядах. КПСС, как партия, скомпрометировала себя в глазах всего нашего народа (хотел написать — советского народа, но, поверьте, язык не поворачивается) и в таком виде не имеет права на политическую жизнь. Но она упорно продолжает себя компрометировать и дальше, озлобляя против себя все большее число не только рядовых членов общества, но и членов партии.

Партократы! Остановитесь! Неужели вы слепы и не видите, куда привели и пытаетесь вести страну? Партия была изначально сильна. Но почему она допустила, что в ее ряды влезло столько стяжателей, воров, пьяниц, карьеристов, самых ничтожных среди нас людей, которые сумели проникнуть к вершинам власти, выдвинуть на самый верх садистов, волюнтаристов, застойников? И эта пена правила нами и страной. Наберитесь мужества и уйдите! Не мешайте народу жить по-людски. Вы же знаете, что наш народ не беспредельно терпелив.

Если партия не сможет самоочиститься, то мы, рядовые коммунисты, будем делать все, чтобы партия самораспустилась и на ее руинах возродились народные движения, способные обеспечить стране или странам-республикам экономическое процветание, противостоять разгулу преступности и расхлябанности.

Я лично подписался на четыре экземпляра вашего — моего журнала: один для себя, а три в качестве подарка для своих родственников, которые раньше его читали только у меня, но не подписывались. Журнал им очень нравится по содержанию. Я жду не дождусь, когда «Огонек» станет народным акционерным предприятием и все желающие смогут свободно купить его акции. Решайте, пожалуйста, этот вопрос.

Думаю, что было бы очень своевременным шагом разгрузить так сильно загруженные полиграфические мощности издательства «Правда» и печататься у иностранных издательств. При этом у подписчиков будет уверенность в надежности его постоянного и качественного издания.

В. СТАРЧЕНКО,
член КПСС с 1964 года,
Сумская обл.

■

Дальнейшее обострение межнациональных отношений в нашей стране не может не вызывать тревоги у любого здравомыслящего человека. Но одно требует полной и недвусмысленной ясности. Имеется в виду понятие так называемого коренного населения, или коренной национальности. В настоящее время под данным термином каждый понимает лишь то, что ему хочется, и использует это в своей политической игре.

Основной перекос здесь — это, по-видимому, административно-бюрократический. По мнению его сторонников, коренное население совпадает с административно-территориальным наименованием данной территории, то есть в РСФСР — это русские, в УССР — украинцы, в Литве — литовцы и т. д. Однако если придерживаться этой теории, то, например, в момент перехода Крымской области из РСФСР в состав УССР русские, живущие там, перестали быть «коренным» населением, а украинцы, наоборот, в тот же миг стали им. А как быть в районах, особенно на границах республик, где испокон веков проживают люди даже не двух, а трех, четырех и более национальностей? А в местностях, где до недавнего времени вообще никто не проживал? И вообще, как долго должны жить люди в данной местности, чтобы стать «коренным» населением?..

А. ПЕЛЬНЫЙ,
Шостка

■

Наша страна с 1922 года называется Союз Советских Социалистических Республик. Теперь, когда мы всматриваемся в свое прошлое, становится очевидным, что это название не соответствует реалиям.

Союз — ДОБРОВОЛЬНОЕ объединение РАВНОПРАВНЫХ лиц, групп людей, партий, государств для достижения общих целей. А у нас, коль исходить из фактов, составные вошли в целое в результате применения силы или хитрости, попали в подчиненное положение. События последних лет показывают, что подлинного союза меж частями страны у нас не было и пока нет.

Ленин перед Октябрем большие надежды возлагал на Советы как на органы реализации власти трудящихся. Однако на практике очень скоро Советы стали проводить линию партии большевиков, выполнять распоряжения действительных властителей — партийных функционеров. Декларируемая власть Советов оказалась фикцией. Следовательно, второе слово в названии нашей страны, как и первое, применено явно без достаточных оснований.

Полвека с трибун и в прессе утверждалось, что наше общество социалистическое. В последний период пошли разговоры об извращениях (деформациях) социализма. Но истина пробивает дорогу, и все чаще раздаются голоса трезвомыслящих людей, которые констатируют: социализма у нас не было, ибо его характерные черты, обозначенные теоретиками-марксистами, в жизнь не воплощены. Таким образом, в социалистические наше государство зачислено преждевременно.

Со словом «республика» дело сложнее. Оно применяется в отношении государств с выборными органами власти, включая верховные. Но известно, что выборы бывают разные, нередко они проводятся под давлением и даже фальсифицируются. Наши выборы, как теперь широко признано, до самой последней поры чаще всего были «липовыми».

Так что и республик, коль подходить принципиально, у нас фактически не было.

За отсутствием действительных успехов наши правители стали прибегать к хитростям, обману. Одной из характерных черт наших порядков была бутафория. Проявилась она и в названии страны.

В годы перестройки многое поставлено на свои места. Сейчас готовится новый Союзный договор, впереди принятие новой Конституции. Остается надеяться, что в них не останется обманных словес.

А. ЗВЕРЕВ,
п. Чернь Тульской обл.

■

Если вы хотите вызвать своего родственника или знакомого, проживающего в США, в гости в СССР, вы заранее обрекаете себя на долгое ожидание и немалые хлопоты. Механика оформления документов такова.

Вначале приглашаемое вами лицо должно получить визовые анкеты в посольстве СССР в Вашингтоне. Если пересылка анкет осуществляется по почте, на это уходит не менее месяца. Далее, заполненные анкеты пересылаются в СССР, к лицу приглашающему. Порою это занимает месяца два. После — двух-трехмесячное ожидание, покуда ОВИР выдаст разрешение на въезд в страну. Разрешение отправляется в Америку, по месту жительства вашего потенциального гостя, и теперь ему надлежит либо ехать в Вашингтон, чтобы сэкономить время, либо снова воспользоваться услугами почты. Так или иначе уходит еще один месяц, покуда из посольства СССР не будет получена виза на въезд в страну. Так что между возникшим желанием пригласить когО-либо в гости и реализацией такого желания проходит от полугода до года. Согласитесь, достаточное время, чтобы как следует подготовиться к визиту зарубежного друга.

А. МОЛЧАНОВ,
Москва

Борис Васильевич Петровский — одно из самых известных имен не только в советской, мировой хирургии. Знаменитый врач, воспитавший поколения учеников, создавший и возглавлявший самые престижные клиники, министр здравоохранения страны в течение пятнадцати лет, Герой Социалистического Труда, действительный член Академии наук СССР и Академии медицинских наук.

С академиком Б. В. ПЕТРОВСКИМ беседует корреспондент «Огонька» Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

Фото Г. КОПОСОВА

ВЛАСТЬ И ЗДОРОВЬЕ

— Борис Васильевич, вопросы мои, наверное, покажутся вам неожиданными. Вы лечили почти всех первых лиц в правительстве нашей страны. Как сказывалась власть на состоянии их здоровья? И, наоборот, как влияют болезни лидера, его плохое или хорошее самочувствие на управление страной? Есть ли здесь какая-либо зависимость?

— Вопросы просто шоковые. И не знаю, найдется ли человек, кто исчерпывающе ответит на них. Во всяком случае, не я.

Но вы правы в том, что врач, обладающий способностью психологического анализа, может составить свое довольно объективное впечатление о человеке, не всегда адекватное взглядам других.

Жизнь действительно сводила меня почти со всеми руководителями нашей страны. Многих из них я оперировал. Мне приходилось лечить и консультировать членов правительств и других стран: Насера, Садата, например. Я встречался с де Голлем, Никсоном.

Могу сказать с полным убеждением — сущность человека, его характер особенно ярко проявляются во время болезни, как собственной, так и близких. Не только работоспособность, решения, но и взгляд на мир Божий зависят от состояния здоровья в значительно большей степени, чем кажется. Думаю, что связь между состоянием здоровья главы государства и его решениями, его управлением страной, безусловно, существует.

С другой стороны, есть и обратная зависимость. Чем больше берет на себя человек, тем скорее изнашиваются его сосуды, сердце, мозг. Не от умственной работы (она, наоборот, оздоровляет организм), а от груза ответственности, напряжения, стрессов, порой страха за будущее, что часто сопутствует людям, обладающим большой властью. Разумеется, проявляется это у всех по-разному, в зависимости от характера и других свойств личности, в зависимости от обстоятельств.

Ленин умер в 53 года. О причине его смерти до сих пор рождаются легенды. Предполагали, что его отравил Сталин. Совсем недавно в печати промелькнула информация, что Владимира Ильича отравили грибами. За рубежом ходили слухи, что у него был наследственный сифилис. Ну а самая первая версия — причина смерти в отравленной пуле Каплан.

Лечить Ленина мне не приходилось, но я был допущен к секретным документам, связанным с его болезнью и смертью.

Основой его трагического конца оказался распространенный атеросклероз сосудов в связи с их преждевременным изнашиванием. Эта болезнь обычно поражает наиболее уязвимое место. У Ленина таким уязвимым местом был головной мозг, который систематически переутомлялся. В последние годы Владимир Ильич жил в постоянном напряжении, волнениях, непрерывном беспокойстве. Все это в первую очередь ударило по головному мозгу. Все симптомы болезни, подтвержденные материалами вскрытия, говорят о размягчении мозга в левом полушарии.

У Сталина же, как я понимаю, было тоже размягчение мозга, но в правом полушарии. Однако об этом я могу говорить лишь предположительно, по собственному заключению на основании моего врачебного опыта. Документы, связанные с болезнью и смертью Сталина, секретны, и я к ним не допущен.

— Вы не могли затребовать эти документы, хотя были 15 лет министром здравоохранения?

— К документам врачи не допущены. Да я, собственно говоря, и не добивался этого.

В личности Сталина меня, хирурга, занимал всегда другой вопрос: откуда его ненависть к врачам, страх перед медициной?

С молодых лет Сталин страдал псориазом — хронической кожной болезнью. Еще в тридцатые годы он прошел курс лечения белковыми препаратами — лизатами у некоего доктора Казакова. Инъекции этого малоэффективного, по сути знахарского препарата, несколько помогли Сталину, и тогда по велению вождя весьма посредственному врачу Казакову срочно создали специальный «Институт обмена веществ», оснастили первоклассным дорогостоящим импортным оборудованием.

Помню, мне позвонил заведующий отделом науки газеты «Известия» А. И. Банквицер и поручил ознакомиться с работой этого института, что я и выполнил. (Кстати говоря, там применялся распространенный сегодня метод голодания.) Надо откровенно сказать, что институт производил впечатление великолепным оборудованием, комфортным обустройством. Это я и написал в небольшой заметке о посещении «Института обмена веществ», не обмолвившись о научной значимости ведущихся там работ.

Доктор Казаков буквально процветал. Но произошло непредвиденное. Пятно, поразившее кожу генсека, стало вновь увеличиваться. Казаков, только что вкусивший славы, был арестован и казнен вместе с профессором Плетневым и другими. Им приписали отравление Куйбышева и Максима Горького...

Со старением Сталина, с ухудшением состояния здоровья его подозрительность вообще и его неприязнь к медикам, в частности, возрастали.

Вспоминается, как январским утром 1953 года, придя в клинику 2-й Градской больницы, я был буквально поражен сообщением, опубликованным в газетах: арестована группа врачей, якобы принимавших участие во вредительстве — устранении ряда крупных государственных и общественных деятелей, военачальников, ученых, писателей...

У нас в клинике в тот день было назначено несколько сложных операций, как и в любой обычный рабочий день. Врачи собрались у меня в кабинете, и мы стали советоваться: как быть? Решили пойти в палаты, поговорить с больными и отменить операции.

В большой двенадцатиместной палате меня встретил гул голосов спорящих, возбужденных больных. Когда я вошел, все смолкли, выжидательно и настороженно уставились на меня. Я по возможности спокойно сказал, что после публикации в сегодняшних газетах мы вполне понимаем их волнение, но у нас в коллективе вредителей нет. Тем не менее, учитывая происходящее, хотим отменить операции. Каково же было мое облегчение, когда больные твердо, почти хором закричали: «Мы вам верим! Не надо отменять операции!»

Свою операцию в тот день я запомнил. Это было удаление легкого по поводу рака. Все прошло успешно. Немалое значение имело поведение больных — бывших фронтовиков, которые собственными глазами видели работу врачей, особенно хирургов, на войне. Но в некоторых клиниках все же произошли неприятные эксцессы: нескольких врачей избили.

Через два дня мне позвонили из ЦК КПСС. Туда пришло письмо от московского рабочего Ч., которого я три года назад оперировал (и успешно) по поводу рака пищевода и желудка. Ч. писал: «...по-видимому, и профессор Петровский вредитель — он зашил мне во время операции какую-то опухоль под кожу». Письмо было явно несерьезным, но я разыскал больного, решив поговорить с ним.

Мрачный, с опущенными глазами сидел он передо мной. Я понял, что Ч. и сам хорошо знал, что я в полном смысле слова спас ему жизнь. Операция, которая ему была сделана, одна из немногих, выполненных в те годы

в мире. После войны хирургия пищевода только начиналась.

Я внимательно осмотрел больного. Ознакомился с анализами. Все, как и ожидал, оказалось в порядке, только в месте пересечения, а затем сращения реберного хряща прощупывалось небольшое рубцовое уплотнение. Я предложил сделать маленькую операцию, чтобы ликвидировать уплотнение.

На следующее утро Ч. вошел ко мне в кабинет с кровоподтеком под глазом. Оказалось, что слух о письме достиг ушей больных и кто-то из соседей по палате ударил его (видимо, не найдя более веских аргументов).

Ч. со слезами на глазах подробно рассказал мне, как его подучили написать такое письмо, и просил его простить. Сказал, что хотел сразу попросить прощения, но было стыдно, а на соседей по палате зла не держит, поделом ему.

Шли дни. Вдруг меня вызывают в ЦК КПСС. Я должен в составе партийной комиссии выехать срочно в Рязань. Секретарь Рязанского обкома партии Ларионов позвонил в ЦК КПСС и просил прислать комиссию для разбора «преступлений хирургов в Рязани».

И хотя решение нашей комиссии опровергло все обвинения, врачей спасло не наше заступничество, не торжество справедливости, а смерть Сталина.

— Мне кажется, что фигура «вождя народов» стоит тут несколько особняком. В последнее время много написано о комплексе неполноценности Сталина — маленького роста, врожденная сухорукость, обиды в детстве и юности и так далее. Это был озлобленный властолюбец, с трудом дорвавшийся до власти, жаждущий постоянных восхвалений...

— Любой лидер властолюбив. И все руководители нашей страны имели явные тенденции к возвеличиванию себя. Власть заразительна.

Возьмите Хрущева. Человек умный, наделенный здравым смыслом, он сделал много хорошего для страны и мне лично был глубоко симпатичен. Но как сильно под влиянием фактически неограниченной власти, длившейся десять лет, изменялись его характер и поведение: он полностью уверовал в собственную непогрешимость, вторгался в области, где мало что понимал. Все устали от его волюнтаризма.

Хрущев и раньше имел взрывной, непредсказуемый характер. А под влиянием фимиама, который ему курили (кстати, те же люди, которые потом отстранили его от власти), стал фактически неуправляем.

Помню, по какому-то торжественному случаю я должен был выступать в Кремлевском Дворце съездов на многотысячном собрании. Волнуясь, рассказывал о достижениях в области хирургии, об успехах по пересадке почки. Говорил и о наших нуждах.

Вдруг Никита Сергеевич меня перебивает: «Вот здесь наш известный хирург Борис Васильевич рассказывает о пересадке почки. Хорошо было бы, если бы он пересадил голову Мао Цзэдуну!»

Меня как кипятком ошпарило. В зале сидят делегации всех, как тогда говорили, социалистических стран. Вижу — демонстративно направились к выходу делегации Китая, Вьетнама, Северной Кореи. После короткой паузы я продолжил выступление.

На следующий день газеты опубликовали отчеты о собрании, но из стенограммы выступлений эти слова Хрущева, естественно, исчезли.

— Мы знаем теперь, как сказываются личные вкусы и мимолетные настроения главы государства на судьбах подчиненных, на политике. А как сказываются они на лечащих их врачах? Могли ли вы использовать близость к главе государства, если не в личных, то хотя бы в служебных целях, так сказать, во благо?

— Я был лечащим врачом семьи Хрущевых много лет. Лечил всех и когда Никита Сергеевич был уже в отставке, поэтому говорю со знанием дела.

Познакомились мы с ним в мае 1954 года. Я работал тогда Главным хирургом Лечсанупра Кремля. Большинство наших профессоров были совместителями, работали в институтах и других клиниках. Вдруг меня и профессора Маркова приглашают на квартиру Хрущева, который жил в доме напротив кремлевской больницы на улице Грановского. Заболела его супруга Нина Петровна.

Приходим. Большая квартира с казенной обстановкой на третьем этаже. Нина Петровна лежала в спальне. Только что у нее закончился сильный приступ болей в правом предреберье — доложил лечащий врач.

Мы поставили диагноз и на другой день госпитализировали больную. Требовалась операция, и Никита Сергеевич попросил оперировать меня, что, признаюсь, мне польстило.

Все прошло удачно.

Потом я часто посещал свою пациентку, бывал у Хрущевых на даче. Меня всегда гостеприимно приглашали выпить чаю. Всякий раз я старался воспользоваться случаем и как бы невзначай говорил о нуждах медицины. Но почти всегда зря старался. Хрущев меня словно не слышал. Медицину он не жаловал.

Однажды тогдашний министр здравоохранения СССР С. В. Курашов попросил меня переговорить с премьером по двум вопросам: о передаче в ведение Минздрава Союза двух мединститутов и о строительстве нескольких московских больниц.

Был полдень. Мы сидели за столом на правительственной даче и пили чай. Выпили и по рюмке коньяка. Беседа пошла оживленней. Никита Сергеевич обладал чувством юмора и любил пошутить. Он делился своими впечатлениями о работе на шахте. Лицо его выражало доброжелательность, он смеялся. И хотя до этого все его отзывы о медицине были скептическими, выбрав удобный момент, я передал ему просьбы С. В. Курашова. Хрущев рассердился. Настроение его сразу испортилось. «Вы что, заделались адвокатом у этого...? Кажется, вы пришли сюда как лечащий врач?» — гневно сказал он.

Нина Петровна стала его успокаивать, просила помочь медицине. Взяв себя в руки, Никита Сергеевич как бы забыл сказанное и опять превратился в очаровательного, гостеприимного хозяина.

Я пережил этот разговор тяжело и, честно говоря, опасался за судьбу нашего министра. Но ничего плохого с Курашовым не произошло.

Вообще, беседуя с Хрущевым, я понял, что он боится медиков.

— Сталин боялся, Хрущев боялся, Насер боялся... Власть порождает подозрительность?

— Ко мне лично вся семья Хрущевых относилась прекрасно. Мне пришлось оперировать сестру Никиты Сергеевича, его сына, дочь. Мы часто встречались на даче в Крыму, на торжественных обедах. Хрущев любил петь песни — наши старые комсомольские, поднимал тосты за всех присутствующих, с азартом устраивал состязания в стрельбе, сам участвовал в играх.

Вспоминается еще одна встреча с Хрущевым. Она произошла в трагической ситуации, вскоре после моего назначения министром, в конце 1965 года.

Мне позвонила Нина Петровна и попросила приехать на дачу в Петрово-Дальнее. Только я положил трубку, разумеется, пообещав немедленно приехать, и стал собираться к ним, как раздался звонок от Брежнева. Брежнев сказал, что Хрущев тяжело заболел и хочет, чтобы я его оперировал: «Вы ведь лечащий хирург семьи Хрущевых, сделайте все, что нужно».

Никиту Сергеевича трудно было узнать: он очень похудел, кожа обвисла. Желтуха. Боли в животе. Сердце работает плохо, тоны глухие. Осмотр показал наличие камней в желчном пузыре и общем желчном протоке. Требовалась операция. Но при таком состоянии пациента риск весьма велик. Я назначил диету, холод на живот, антибиотики. Завтра решил перевести больного на Грановского и там оперировать.

Держался он стоически. Я все сделал, чтобы успокоить Нину Петровну. Эта женщина во всех жизненных ситуациях являла такт, недюжинный ум, доброту, скромность и исключительное обаяние. Надо сказать, что с семьей нашему бывшему премьеру удивительно повезло: прекрасная жена, хорошие дети. Надежная психологическая ниша во многом сохраняла здоровье Хрущева, продлевая ему жизнь в отставке.

Мы сделали что могли. Дело пошло на выздоровление, у Никиты Сергеевича появился аппетит, вылечили желтуху. Он начал ходить.

Когда я приезжал в Петрово-Дальнее, Никита Сергеевич, бывало, после обязательного чая приглашал меня на прогулку. Вместе с его внуком и большой немецкой овчаркой мы ходили по парку, и он рассказывал мне о своем прошлом. Ни разу не заговорил о политике, о своем освобождении от работы, никогда не высказывал своих огорчений и обид. Но всякий, у кого вырывают власть, кто не отдает ее по своей воле, не забывает об этом. Психологически такое не проходит даром, оно гнетет.

Умер Хрущев в 1971 году от инфаркта миокарда...

— Борис Васильевич, вы упомянули, что среди ваших пациентов были Насер и Садат. Как у них обстояло со здоровьем?

— Оба болели сильным атеросклерозом, характерным для людей, обладающих большой властью.

Насер — яркая фигура, хотя далеко не однозначная. Прекрасный оратор, энергичный, умный. Во время своих выступлений он словно гипнотизировал аудиторию. Популярность его была огромной. Мне казалось, что в нем действует какая-то скрытая пружина, которая неожиданно для всех вдруг распрямлялась и давала ему, человеку больному, жизненный импульс.

Он страдал тяжелейшим атеросклерозом конечностей. Потерять власть сильно опасался, был подозрительным и в своей стране врачам не доверял. Лечился у нас. Но мне приходилось ездить и к нему на консультации. Он много работал, при таком напряжении физическом и моральном не мог долго протянуть. Лечился у нас, в Цхалтубо. Умер в 52 года.

Анвар Садат, по возрасту ровесник Насера, наоборот, казался мне человеком серым, неинтересным, он был третьим лицом в правительстве Насера. Осторожный, подозрительный ко всем, к врачам тоже. При встречах нервничал, глаза бегают...

— Хрущев получил власть почти в 60 лет и был отстранен к семидесяти. А дальше на ключевых постах у нас в правительстве оставались люди до совсем преклонного возраста — Брежнев, Андропов, Черненко... И под стать им оказались почти все члены Политбюро. За рубежом даже появился термин — «геронтологическое руководство СССР», что связывали с «застоем» внутри страны и агрессивной внешней политикой. Вам как медику кажутся правомерными такие утверждения?

— Сейчас Брежнева принято ругать последними словами. Но мы тут забываем свою историю. Брежнев в начале пути и в конце — два разных человека.

И как врач, я хотел бы разделить 18-летний период деятельности Леонида Ильича на два периода: один — это его приход к власти и последующие годы; второй — когда он начал болеть и фактически отошел от управления страной, передав его в руки «своих соратников». Я уже говорил, что люди так уж устроены, что их психика, настроение, принимаемые решения зависят от самочувствия. Раздражительный человек, к тому же старый и больной, наделенный полнотой власти, может ввергнуть страну в катастрофу, даже не отдавая себе в этом отчета. Ну а то, что во время болезни он полностью отстраняется от работы, роняет руль управления, который подхватывают подчас далеко не самые достойные из его окружения,— факт неоспоримый.

Мы это пережили и при Брежневе, и при смертельно больных Андропове и Черненко. Кстати, именно они ввергли страну в афганскую войну, упорствовали, настаивая на необходимости вести ее...

Когда мы познакомились, Леониду Ильичу было лет 56. Среднего роста, спортивного сложения брюнет с запоминающимися густыми черными бровями, он сразу же производил на собеседника хорошее впечатление своей доброжелательностью. Импонировала его сравнительная скромность и то, что он занял сначала только один пост — руководителя партии, оставив должности Председателя Совмина и Председателя Верховного Совета страны за другими лидерами (Подгорным и Косыгиным). Причем Подгорный в этой тройке являлся только послушным помощником Брежнева, но Косыгин, имевший свои принципиальные позиции и «крутой характер», стал как бы его оппонентом. Это все рассматривали положительно.

Кстати, не только в нашей стране, но и все зарубежные политики тогда приветствовали смену руководства СССР. О Брежневе как государственном деятеле в начале его пути многие были весьма высокого мнения.

С возрастом Брежнев начал болеть. Я не был его лечащим врачом, как, скажем, Хрущева, но знаю, что все чаще и очень подолгу он фактически выбывал из политического руководства страной. Старость и болезни уже сами по себе не способствуют трудоспособности. А тут еще постоянная перегрузка нервной и сердечно-сосудистой систем, бессонница, нелады с семьей, осложнения с дочерью, зятьями. Избыточный прием медикаментов, невнимание к этому его семьи привели к тому, что Брежнев в последние годы не мог жить без сильных успокоительных средств. Мог ли он быть полноценным руководителем страны?

Постарели и многие руководители «верхнего эшелона». Даже совсем старые руководители, очень старые не уходили на пенсию, что, конечно, отражалось на сфере их влияния. Им было не до перемен. Дожить бы при власти и полном собственном благополучии. Знаете, у врачей есть даже термин — «старческий эгоизм». Так вот, в годы застоя в руководстве страны прямотаки процветал «старческий эгоизм».

Не лучшим выходом, с моей точки зрения как врача, было выдвижение после смерти Брежнева на должность руководителя государства члена Политбюро Юрия Владимировича Андропова. Я его хорошо знал в бытность его заведующим международным отделом ЦК КПСС. Затем встречался в 1955 году в Будапеште, где он работал послом СССР. Встречались мы и в Москве, особенно во время эпидемии холеры.

Раньше Андропов был деловым, энергичным человеком, но на пост руководителя государства он был избран в разгар тяжелой, смертельной болезни, приведшей к полной гибели почек. Несколько раз в неделю он должен был находиться в отделении гемодиализа на искусственной почке, и только это поддерживало в нем жизнь.

С моей точки зрения, назначение Андропова на высокий пост было антигуманным, чрезвычайно опасным и для него самого, и для государства. Но в нашей стране в соответствующий период никто по своей воле от власти не отказывался. Те, кто прорвался в «первый эшелон», жаждут ее.

Скорая смерть Андропова никого ничему не научила. Смену его Черненко я считаю еще одной ошибкой. Руководителем страны он стал, будучи тяжело больным необратимой сердечно-легочной недостаточностью. Одышка мешала ему жить и работать. И государство фактически в тот период не имело руководителя.

Все они — Брежнев, Андропов и Черненко — были озабочены собственным здоровьем гораздо больше, чем здоровьем страны. При тяжелых болезнях и преклонных годах наших лидеров медицина могла им помочь мало. А отсюда — раздражение против нашего здравоохранения вообще, безразличие к его нуждам.

По долгу службы и как министр я должен был иметь дело с Косыгиным, властолюбивым, жестким человеком, руководителем, я бы сказал, брежневского типа. А тут у него еще после операции по поводу запущенного рака умерла жена. Оперировал прекрасный хирург — Маят. Поверьте, ничего нельзя было сделать.

Косыгин очень любил жену и глубоко страдал после ее смерти. Но хирург не Бог. Косыгин тогда в гневе сказал: «Я бы всех этих врачей...»

Однако справедливости ради следует сказать, что, столкнувшись во время болезни жены с состоянием медицины, именно Косыгин помог построить отлично оснащенные Онкоцентр и Кардиоцентр.

Я все сворачиваю на свою дорожку — отношение руководителей нашей страны к медицине. Я-то был тогда министром здравоохранения страны.

Помнится, в 1978 году дошел до ручки. «Все — министром работать не могу, хватит»,— сказал я самому себе. Один лишь выход — прорваться на прием к Брежневу и все объяснить. Я знал Брежнева до его болезни и надеялся на помощь. А тот уже никого не принимал, единственный человек, имевший к нему доступ, был Черненко. Ему я и позвонил. Резко сказал: нельзя содержать медицину на такие мизерные средства: в СССР 4½ процента, в США — 10 процентов от валового продукта.

Черненко принял меня сразу. Подали чай с бубликами. Я начал издалека — хочу, мол, с вами посоветоваться. Я человек тоже немолодой, родился и прожил девять лет до революции, пережил сталинизм, фронты Великой Отечественной, арест коллег-врачей, родственников... Знаю, к чему ведут подчас письма в правительство. Министерскую должность мне терять не страшно, а вот как ученый и хирург хотел бы еще поработать. Словом, написал я довольно резкое письмо Брежневу по поводу нашего здравоохранения, но на всякий случай не подписал письма. Хочу с вами посоветоваться, отдавать ли его. Прочтите, пожалуйста. Ведь сейчас вы один имеете доступ к Леониду Ильичу.

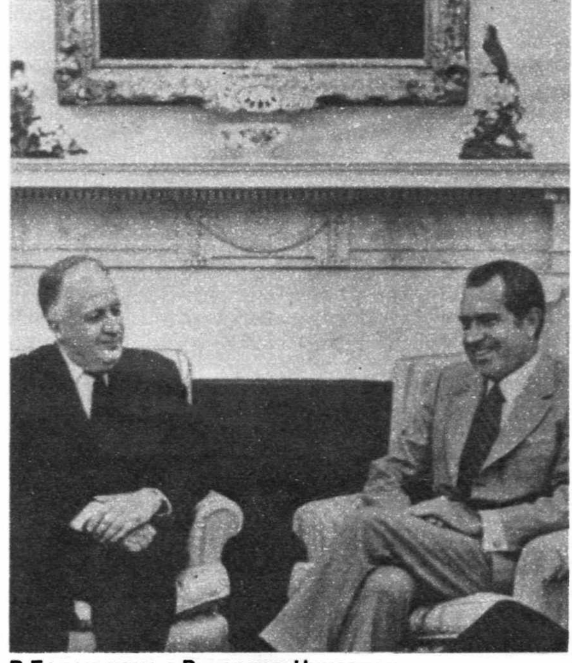
А письмо я заготовил заранее, взял с собой. Писал о бедственном положении здравоохранения страны, о том, что 70 копеек на лекарства на одного больного в день — смехотворно мало. Привел кривую смертности, в том числе и детской. Писал о нехватке техники, медикаментов, о неэффективных лекарствах. Предлагал создать фонд здоровья (кстати, первый в стране). Говорил о необходимости лучшего оснащения лечебных учреждений. Намечал конкретные меры, например, уменьшение количества наших нищенских больниц, где не лечат как надо. А в тех, которые останутся, создать нормальные условия для лечения. Словом, лучше меньше, да лучше. Предлагал одну из сессий ООН посвятить здравоохранению, наладить более тесные контакты между медициной мировой и отечественной...

Константин Устинович говорит: «Дайте ваше письмо». Прочитал его при мне. Подумал. «Написанное вами на меня произвело большое впечатление. Попробую показать Брежневу».

Оставил я письмо — будь что будет.

Здоровье этих лидеров интересовало Бориса Васильевича Петровского гораздо больше, чем их политическое лицо.

В Белом доме с Ричардом Никсоном.

Оперирует академик Б. В. Петровский.

А тут еще простудился — заболел воспалением легких. Черненко не звоню. Ровно через десять дней помощник Брежнева возвращает мне послание. На нем почерком Брежнева резолюция: «Письмо интересное, важное. Предлагаю создать комиссию под руководством Тихонова и доложить на Политбюро, заготовив предложения». И подпись Брежнева. А моей не было. И я подписал письмо после резолюции на него. Вот как получилось.

Моментально создали комиссию. И через три месяца было подписано постановление о развитии советского здравоохранения, постановление № 870.

Отличное постановление, но увы... так до сих пор и не выполненное. Я требовал его выполнения. Но строптивый министр не нужен. В 1980 году, еще при Брежневе, меня освободили.

Кстати, на состоянии моего здоровья потеря министерского кресла сказалась благотворно. Я получил возможность больше заниматься научной работой, уделять время ученикам, чаще оперировать, дольше отдыхать. Для лидера очень важно заранее психологически готовить себя к отставке. Это необходимо на всех уровнях, не только для главы правительства.

Недавно, например, когда я решил уйти с поста директора созданного мною научного центра хирургии, сам предложил четыре кандидатуры из лучших своих учеников на пост директора. Избрали одного из них — талантливого ученого, первоклассного хирурга, двадцать три года работавшего со мной,— профессора Константинова.

С возрастом надо избавляться от любых административных должностей и оставшиеся силы отдавать своему непосредственному делу, творчеству, науке.

— Однако руководители государств редко сами по своей воле подают в отставку...

— К сожалению, да. На моей памяти это сделал только де Голль. Причина в том, что у него стало сдавать здоровье. А ведь он был очень сильный, здоровый человек, крепкий физически.

Во время войны был такой случай. Летящий в Лондон самолет уже оторвался от земли, де Голль не успел сесть в кабину, но он ухитрился схватиться за руку сидящего там офицера и... оказался в самолете. Представляете, какая мгновенная реакция и огромная физическая сила нужна для этого!

Вообще, должен признаться, я был очарован де Голлем. С удовлетворением прочел недавно в «Литературке», что он и сегодня самая популярная личность в мире (97 процентов опрошенных признали его великим человеком).

Я приезжал в Париж в 1947, в 1951, в 1968 годах и наблюдал за отношением к де Голлю французов. Оно всегда было особым, хотя и неоднозначным.

При де Голле мы впервые подписали на уровне членов правительства Договор о сотрудничестве в области здравоохранения. Это первый такой договор с капиталистической страной. Помню, в ЦК тогда не было уверенности, что Франция пойдет на такое соглашение. Но я, как министр здравоохранения, был убежден, что надо приложить все силы к этому. Медицина во Франции на высоком уровне, и от такого сотрудничества мы получим немалую выгоду. Почему-то возлагал надежды именно на де Голля. И предчувствие не обмануло меня.

Я подготовил проект договора, и мы взяли его с собой. Прилетаем в Париж. Нас встречают представители МИДа Франции. При первой же беседе стало ясно, что договор они с нами не собираются заключать. У них даже не был подготовлен проект. Наши предложения встречают в штыки, из моего проекта сотрудничества ни одного пункта не поддержали.

И вдруг, всего через день, крутая перемена. Оказывается, нашими переговорами заинтересовался де Голль. Он прочитал мой проект и сказал: «Надо заключать договор по медицине, это важно для людей обеих стран».

Срочно собрали второе совещание и торжественно подписали договор в МИДе Франции. Де Голль дал нам обед. И тост произнес: пью за министров, у которых отцы были врачами! Таких нас за столом сидело трое: я, академик Кириллин и министр иностранных дел Франции Дебре. Видно, де Голль знал об этом факте нашей биографии.

Встречались мы и во время его визита в СССР. Де Голль посетил Москву и Волгоград. Наши медики вместе с его лечащим врачом сопровождали высокого гостя. Профессор Ефуни в шутку спросил лечащего врача президента Франции, как его пациент относится к вину и женщинам, что является в известной степени показателем хорошего состояния здоровья мужчины. И получил такой же шутливый ответ: «Наш президент — ого-го! Он пьет красное вино и любит смотреть на красивых женщин!»

И вот этот жизнелюбивый человек, прирожденный лидер, мужественный генерал, герой Сопротивления, сам подал в отставку с поста президента страны, как только понял, что не может работать с прежним напряжением. У него было обостренное чувство ответственности перед своей Францией. А ведь к его услугам были все достижения мировой медицины.

— Борис Васильевич, вы работали в спецбольнице, так называемой Кремлевке. Сейчас много говорят о ликвидации больниц для членов правительства. Как вы к этому относитесь?

— Одно дело, если под правительством понимать огромный, разбухший партийный и государственный аппарат, всех его служащих, другое — конкретно Горбачева, Рыжкова, Ельцина... Если речь идет о спецбольницах для бюрократической элиты — отношусь отрицательно; если для Горбачева, Рыжкова, Ельцина и некоторых других членов правительства — положительно. В лю-

бом цивилизованном государстве общество серьезно относится к сохранению жизни и здоровья своих лидеров. Это не привилегия и не льгота. Это норма. Вы знаете, как блестяще поставлен вопрос охраны здоровья лидера страны в Америке, во Франции?

Перед визитом де Голля в нашу страну к нам специально приезжала из Франции медицинская комиссия во главе с лечащим врачом президента. Французские медики внимательно осмотрели нашу хирургию, реанимацию. Побывали в Волгограде, который должен был по плану посетить де Голль, там тоже ознакомились с состоянием хирургии и реанимации. И все это заранее.

А когда де Голль прилетел в Москву (лечащий врач, естественно, был при нем), вместе с президентом прибыли из Парижа контейнеры с кровью для переливания, если вдруг возникнет в этом необходимость.

— Недавно я была непосредственным свидетелем происшествия с Борисом Николаевичем Ельциным, когда подбили его машину. Я живу рядом и часто вижу, как он едет на работу. В тот день я как раз оказалась на углу улицы Горького и переулка Александра Невского. Так вот, больше всего меня поразило, что специальная медицинская помощь не слишком торопилась. Хорошо, что еще все обошлось. А ведь речь шла о нашем российском лидере.

— Повторюсь, в цивилизованных государствах лидеров берегут.

Приведу пример с пребыванием у нас в стране Никсона, чему я тоже был свидетелем.

Перед тем как президент США должен был лететь к нам с визитом, у него обнаружился тромбофлебит. Но все-таки он решился лететь в Москву.

Заранее из Америки к нам прилетела группа врачей. Самым внимательным образом американские врачи ознакомились, как лечат у нас легочную эмболию (это было у Никсона). А здесь мы оказались на самом высоком уровне в мире. Только после этого медики дали согласие на визит Никсона в нашу страну. Как и в случае с де Голлем, вместе с президентом США прибыли контейнеры с кровью для переливания.

Я встречал Никсона на аэродроме. Потом виделись на приемах.

Тогда же в Москве был подписан договор по здравоохранению между СССР и США.

Вскоре, уже в Америке, во время поездки советской делегации в Вашингтон, мне предстояло еще раз встретиться с Ричардом Никсоном. А первый раз я увидел его в 1954 году, когда Никсон в качестве вице-президента США приветствовал врачей — делегатов II Международного конгресса кардиологов. Съезд проходил в Вашингтоне, и я был в числе его делегатов.

Тогда молодой Никсон показался мне похожим на боксера, спортивный, резкий в движениях. С годами он стал мягче, спокойнее, в чем я убедился во время его поездки в 1972 году в Москву.

И вот — новая встреча. Президент США пригласил нас на беседу в Белый дом. Я не ожидал, что он примет меня настолько сердечно. Подал руку и проводил к небольшому дивану на площадке, несколько возвышавшейся над залом. Мы долго беседовали. Вспомнили американских хирургов (он их знал лично), которые начинали контакты между нашими странами по медицине. Никсон придавал большое значение Межправительственному соглашению США и СССР по здравоохранению. Особенно его интересовало сотрудничество в лечении сердечно-сосудистых заболеваний и рака. Кстати, именно он посоветовал расширить рамки соглашения, включить в договор пункты, касающиеся совместных работ над проблемами гриппа, артрита, легочных заболеваний. Он показал серьезную озабоченность охраной здоровья людей.

Прощаясь, Никсон сказал, что прежде всего желает Брежневу здоровья, и попросил нас обязательно передать его пожелание. Мне показалось, что это не простая вежливость. Сам пережив тяжелую операцию, президент США прекрасно понимал, как важно для главы государства быть здоровым.

— А существуют ли медицинские критерии, которые разумно предъявлять к состоянию здоровья главы государства?

— Точно выработанных правил нет и, думаю, быть не может. Все индивидуально. Скажем, в США всегда печать уделяет этому вопросу много внимания. А если глава правительства заболевает или ложится на операцию, газеты печатают подробные отчеты. Общественность отрицательно реагирует, если у лидера есть дурные привычки, разрушающие его здоровье.

Когда выбирали Картера, например, специально дискутировался вопрос, курил ли он марихуану.

— Мы в этом отношении — страна особая. Нельзя представить себе другое государство, где бы руководители всех рангов работали ночами только потому, что у вождя бессонница. А во времена Сталина было именно так, даже совещания назначали на ночь. Наркомы, директора заводов, главные редакторы газет дремали в своих рабочих кабинетах, но не уходили домой, чтобы ночной звонок вождя застал их на месте.

— Это еще одна иллюстрация к тому, как сказывается состояние здоровья главы государства на управлении страной. Руководитель должен быть полноценным, здоровым человеком. Если он испытывает тяжелые страдания, знает о своей неизлечимой болезни, озлоблен от несправедливостей судьбы, решения его утрачивают объективность.

— Как же был президентом парализованный Рузвельт?

— Я сказал, что четких критериев, предъявляемых к состоянию здоровья главы государства, нет и быть не может. Возможны исключения. Рузвельт — яркая, талантливая личность. Он пользовался любовью американцев. Но его президентство — исключение. Лидера страны все-таки хотят видеть активным, здоровым человеком. На Западе считается естественным, что президент следит за собой, занимается спортом, соблюдает режим.

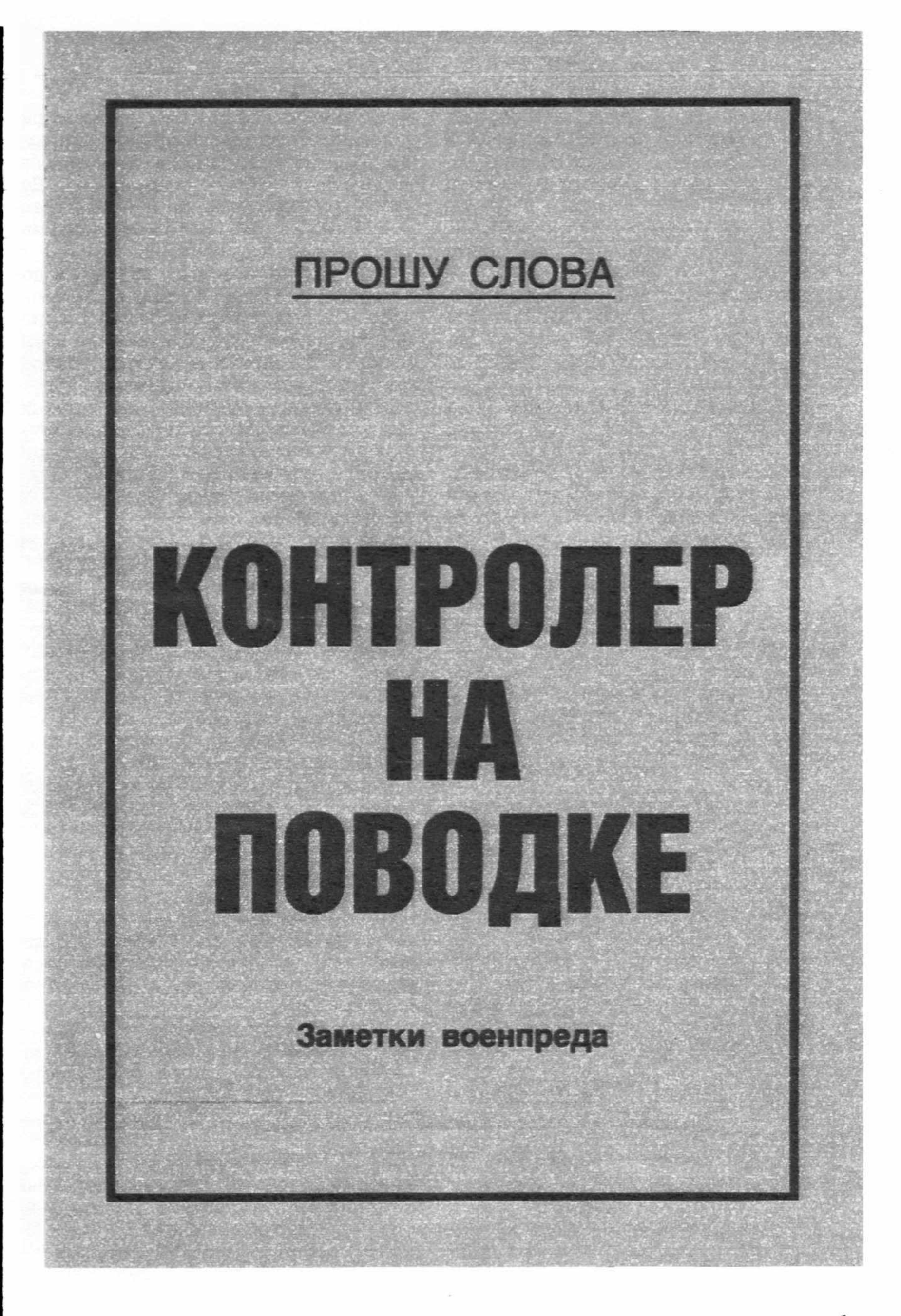
— Корреспондент «Пари матч» задал недавно вопрос Горбачеву, соблюдает ли он режим. И получил ответ, что «его режим — никакого режима».

— Вы думаете, что это похвальное отношение главы государства к своему здоровью? И хотя Михаил Сергеевич уверен, что здоровья ему хватит, чтобы завершить в ближайшие годы задуманное, я, как старый врач, хирург, сын земского врача, посоветовал бы ему все-таки соблюдать режим. И на месте лечащего врача Горбачева запретил бы нашему Президенту прерывать отдых, что Михаил Сергеевич делал уже не раз.

Чтобы успешно работать, надо уметь хорошо отдыхать. Это не отдых, когда между дачей руководителя страны и Кремлем циркулируют курьеры с бумагами, когда нет возможности полностью отключиться от государственных забот, от постоянного чувства ответственности. По-моему, Президент должен иметь в правительстве лицо, которое проводит его линию, которому он полностью доверяет, так же, впрочем, как и оппонента, заставляющего его критически оценивать свои решения и находить в их поддержку все новые аргументы.

В этом тоже необходимое условие успешной работы, залог здоровья руководителя государства. Но, к сожалению, в нашей стране мало об этом думают.

Вопрос этот очень сложный, особенно сегодня. Но, по-видимому, в дальнейшем здесь тоже должно быть принято определенное законодательство.

Анатолий КРАВЦОВ

Сколько же в стране различных ревизоров, инспекторов, уполномоченных и прочих «дьяков и подьячих» контрольно-бюрократической системы! Если взять промышленное предприятие, да к тому же выпускающее оборонную технику, то там к обычному аппарату ОТК прибавляется еще и специальная военная приемка. Около тридцати лет я причастен к ней, проработав долгие годы военпредом и старшим офицером отдела в заказывающем управлении Министерства обороны. По стране таких военных представителей насчитывается десятки тысяч, на их содержание тратят сотни миллионов рублей. Казалось бы, при таком количестве проверяльщиков ни одному дефекту не проскочить сквозь густую контрольную сеть.

И вот, представьте себе, несмотря на обилие контролеров и всяческих представителей, чаще и чаще прорываются на страницы печати сообщения о низком качестве не только гражданской продукции, но и — святая святых — вооружения и военной техники. О низкой надежности комплексов и систем все чаще «кричат» боевые офицеры из войск — пишут в газетах, обращаются в Центральный Комитет КПСС, к народным депутатам.

Да что слова! Недавние аварии и катастрофы говорят сами за себя. То вдруг самолет МИГ-23 отказывает в полете и, беспилотно пролетев не одну страну, убивает ни в чем не повинного бельгийского гражданина, то разбиваются один за другим самолеты Ил-76 из-за конструктивного дефекта двигателя, то по неизвестной причине рушится вертолет Ми-26, то падает самолет Ан-26. А ведь разработка их контролировалась военпредами, которые «дали добро» на серийное производство и эксплуатацию.

Довольно свежий пример: катастрофа самолета Ту-22 на Дальнем Востоке и гибель экипажа из-за отсутствия спасательных средств на борту самолета. Сотни миллионов рублей на самолет угрохали, но на костюмы для экстремальной ситуации, стоящие сотни рублей, денег не нашлось. И такой некомплектно изготовленный самолет был принят в эксплуатацию. Кто-то ничтоже сумняшеся подписал акт о приемке. Упал ли хоть волос с головы человека, действительно ответственного за эту катастрофу?

Но, может быть, лучше дела обстоят в Военно-Морском Флоте? Прочитайте «Красную звезду». Только по ракетно-артиллерийскому вооружению крейсер «Маршал Устинов» «привез» с одного цикла боевой службы 32 рекламации, эсминец «Отличный» — 12. На новом крейсере «Баку» антенные посты радиолокационных станций имеют слабую водозащиту. Как будто разработчики этих станций и строители кораблей не знали, что они будут эксплуатироваться в морских условиях.

На одном из ракетных крейсеров за десять месяцев эксплуатации только одной радиолокационной станции зафиксировано 28 отказов, треть из которых произошла в море, при несении боевой службы. На другом крейсере за девять месяцев такая же станция дала 13 отказов.

Огласив эти факты, морской офицер А. Кожевников справедливо спрашивает: «До каких пор предприятие, возглавляемое Г. Ивановым, будет поставлять на флот брак?» Но ведь на предприятии Г. Иванова имеются такие же, как и А. Кожевников, морские офицеры, принимавшие радиолокационные станции. Какова их доля ответственности за брак?

Вообще у нас упрочилась манера говорить о военных катастрофах сквозь зубы, вскользь или, когда умалчивать невозможно, в духе традиционного бодрячества — о проявленном героизме, стойкости, проблемах спасания. Именно так пишет Н. Черкашин в «Известиях» о гибели «Комсомольца» — статья называется «Подводники сделали все, что смогли...». В ней ни слова о производственных причинах катастрофы. Даже конструктивный дефект всплывающей спасательной камеры (ВСК) остается «за бортом» авторской оценки, а критика моряками этой ВСК характеризуется другими их коллегами как «очень эмоциональная оценка» — эдакое модное словосочетание, исподволь выбивающее стул из-под критикующего.

Чтобы и меня не упрекнули в излишней эмоциональности, обращусь к цифрам. Предлагаю читателю взглянуть на ряд событий, называемых инцидентами, а попросту на ряд аварий, известных всему миру из газет, радио, телевидения (сколько информации о подобных инцидентах в секретных папках нашего Военно-Морского Флота, можно только догадываться). Происходили они на Балтике, в Индийском океане, на Черном и Японском морях, в Атлантике, в Норвежском море с такой периодичностью: 1961, 1972, 1974, 1982, 1986, 1989 годы.

Речь идет о катастрофах подводных лодок и надводных кораблей, часть которых была сопряжена с последствиями (к счастью, не случившимися), сравнимыми разве что с Чернобылем. И ведь смотрите: чем ближе к нашему времени, тем такие события происходят чаще. Это укрепляет предположение, что качество военной техники прогрессирующе ухудшается. Между тем попробуйте отыскать в многочисленных выступлениях высокопоставленных лиц нелицеприятный анализ причин аварий и катастроф.

Заместитель министра обороны по вооружению генерал армии В. М. Шабанов, выступая в «Красной звезде», акцентирует внимание на подготовленности личного состава, призывает больше внимания уделять своевременному выполнению регламентных и ремонтных работ, не допускать сокращения их объема. Как будто войска предназначены не для обучения боевому применению техники, а для ее обслуживания и ремонта.

А чего стоит оброненное вскользь признание, что «допускаются подчас и послабления со стороны военной приемки на оборонных заводах»? Вот тут бы и развить эту мысль заместителю министра обороны по вооружению... Думаю, читателю было бы небезынтересно получить более подробную информацию об этих послаблениях.

Прежде всего следует сказать о документе, регламентирующем деятельность военных представителей. Ущербность его отмечают большинство военпредов. В нем закрепляется зависимость военной приемки от контролируемых оборонных предприятий. Если до выхода этого документа военпреды получали жилье, путевки в детсады для детей и другие социальные блага от Министерства обороны, то теперь — от контролируемых предприятий. Быт наш улучшился. В 1970 году я получил на заводе благоустроенную трехкомнатную квартиру. Дочь пошла в заводской детсад, затем отправилась в хороший пионерлагерь. Но ведь нас, в сущности, покупают. Каждый офицер понимает: если ты, военный представитель, оштрафовал «родное» предприятие за допущенный брак или рекламации, поступившие из войск, то коллектив стал беднее, меньше строит.

Недавно один знакомый молодой начальник военного представительства рассказывал, как ему директор на просьбу увеличить выделение квартир для офицеров ответил: «О каких же квартирах может быть речь, если с вашим назначением у нас появились миллионные штрафы, вот и нет у нас домов, так что пусть подождут ваши офицеры». Чтобы знали, как штрафовать.

Даже само существование и численность военного представительства зависят от руководителей предприятий и ведомств.

Формы подкупа военпредов и офицеров заказывающих управлений разнообразны. Тут тебе и продажа всевозможного дефицита, скажем, легковых автомобилей; выделение садовых участков и, что куда серьезнее, предоставление при выходе в отставку должностей уполномоченных периферийных предприятий при головных научно-производственных и производственных объединениях. Из двадцати уволенных при мне офицеров одного из управлений Министерства обороны три перешли на положение представителей предприятий Ижевска, Ульяновска, Тулы, преспокойно пребывают в Москве и проталкивают в том же управлении продукцию этих заводов. А сколько офицеров и генералов заняли «теплые места» в бывших подконтрольных конструкторских бюро и министерствах?

Качество любого образца вооружения закладывается в первую очередь на этапе проектирования и испытаний. Но здесь-то как раз при попустительстве заказывающих управлений и их весьма многочисленных представителей в конструкторских бюро, научно-исследовательских институтах сложилась практика отступлений от общепринятых правил. Этап технического проектирования пропускается, и разработка рабочей конструкторской документации ведется сразу же после эскизного проекта, без предварительного макетирования, натурного моделирования. Такие «перескоки» через этапы совершаются каждый раз под предлогом ускорения разработки. К чему это в конце концов приводит?

Например, изделие X, быстро, за два года, проскочив все ступеньки так называемой бумажной стадии — от этапа согласования тактико-технического задания до утверждения заказчиком эскизного проекта, не пройдя этапа технического проектирования, «застряло» затем в многочисленных переделках наскоро разработанных чертежей, корректировках чертежей и доработках «железа». Сроки изготовления опытных образцов и их испытаний неоднократно переносились. Только правительственных постановлений по этому изделию было выпущено десять. В результате от начала разработки до начала поступления на вооружение изделия прошло полтора десятка лет. Но и через 5—7 лет серийного производства оно не было доведено до полной кондиции. Войска лихорадят отказы и неисправности различных составных частей. Десятки доработчиков — представителей промышленности сидят непосредственно в частях. В одной из них в октябре 1988 года находилось более двухсот таких представителей.

А конструкторы? Как только образец вооружения сдан в эксплуатацию, они практически не несут никакой ответственности за его боеготовность. И в дальнейшем эксплуатационники расплачиваются за грехи разработчиков и изготовителей, с них спрос за качественное состояние вооружения да еще отчасти — с заказывающих управлений, контролирующих серийное производство. Непосредственные виновники конструкторского брака и пропустившие этот брак заказчики, контролировавшие разработку, и их военпреды умывают руки.

Они уже «спихнули» образец в серийное производство, более того — получили ордена, медали, премии.

Но если речь идет о боевых возможностях оружия, то здесь хоть что-то делается. Другие параметры, такие, как удобство эксплуатации, комфортность рабочих мест экипажей, соблюдение медико-санитарных требований, вообще игнорируются. Разве нормально, что экипажам стратегических самолетов перед многочасовыми дежурствами в воздухе приходится заниматься обезвоживанием организма, так как в самолетах отправления естественных надобностей «не предусмотрены».

А различные боевые машины сухопутных войск? В боевой машине одного из комплексов теснота в кабине такова, что члены экипажа постоянно ходят с шишками, в машине другого комплекса отопитель-вентилятор расположен так, что отработанные газы попадают прямо в кабину механика-водителя. В одном из комплексов еще на заре разработки, двадцать лет назад, планировалась установка кондиционеров. Сколько решений по этому поводу принималось в последующие годы! Вопрос рассматривался в самых высоких инстанциях, даже с участием секретаря ЦК КПСС О. Д. Бакланова. И что же? Средств обогрева-охлаждения до сей поры нет.

В тех же самых боевых машинах комплексов X и У нет нормальной звукоизоляции кабины. Этот конструктивный недостаток был отмечен государственными комиссиями при приемке на вооружение. Думаете, военпреды добивались оборудования кабин средствами глушения шума? Они согласились с предложением одевать экипажи в танковые шлемофоны. Что значит сидеть в шлемофоне в жару несколько часов или надевать его в мороз!

Упрощенный, облегченный подход не только к здоровью, но и жизненной безопасности военнослужащих, эксплуатирующих боевую технику, бытует среди тех, кто ее проектирует, производит и принимает. Попытки отдельных военпредов активизировать профилактическую работу наталкиваются на противодействие коллег и начальников.

Нелегко военпреду отстаивать свою позицию. Все против него, даже звезды на погонах директоров подконтрольных предприятий. Ведь во главе его стоит часто генерал, поспорь-ка со старшим по званию. И ведь немало предприятий, возглавляемых военными с большими звездами.

Имеется еще один «якорь», привязывающий заказчика к разработчику,— совместное «изобретательство». Оно особенно активизируется к концу разработки. Десятки офицеров заказывающих управлений становятся «изобретателями». Такой взлет творческих талантов среди аппарата может показаться странным, если не знать характера отношений звеньев военно-промышленного комплекса.

Проходя службу в одном таком управлении, я был свидетелем того, как около половины его состава становились соавторами изобретений. Начальники отделов и их заместители — стопроцентно. Некоторые из офицеров разных рангов сумели поучаствовать в нескольких заявках. Каюсь, и я, старший офицер отдела, «втиснулся» в одно из изобретений, что добавило к моему бюджету около полутора сот рублей.

Для непосвященных скажу, что секретные изобретения оформляются через заказывающие управления. Как тут не попасть в соавторы?

Таковы только некоторые из приводных ремней и рычагов механизма нашего отечественного военно-промышленного комплекса — машины для выкачивания колоссальных средств из государственного бюджета. Результатом монолитного единства разработчиков, изготовителей и заказчиков является, несмотря на огромные вложения в оборону, наше отставание в отдельных отраслях военной науки и техники.

Каков же выход из создавшегося положения? Думаю, что пора наконец принять долгожданный закон об обороне. В его статье, посвященной материально-техническому обеспечению, должен быть пункт следующего содержания: «Военные представительства содержатся за счет сметы Министерства обороны, полностью независимы от подконтрольных предприятий (ведомств) и контролируют комплектность и качество военной техники и вооружения на всех стадиях их разработки, производства, монтажа и эксплуатации».

В статью «Военная служба» следовало бы внести следующее положение: «Не допускается занятие должностей на предприятиях (ведомствах) генералами и офицерами, которые имели отношение к ним, как бывшие работники заказывающих управлений, военных представительств и других подразделений Министерства обороны».

Считаю необходимым обеспечить полную и реальную независимость заказчиков и военпредов от ведомств и предприятий.

Из промышленных ведомств, предприятий, конструкторских бюро надо вывести генералов и офицеров, проходящих там «службу», но числящихся в кадрах Министерства обороны.

Пора провести переаттестацию кадров военных приемок и заказывающих управлений, обеспечив приток для службы в них офицеров непосредственно из войск, с научно-исследовательских полигонов, из испытательных военных организаций, очистив от тех, кто не «нюхал пороха», сынков больших начальников.

И последнее. Коренное улучшение качества вооружения по всем параметрам — дело длительное. Однако безопасность эксплуатации требует срочного, приоритетного вмешательства. Крайне необходимо в кратчайшее время провести мероприятия, исключающие гибель и увечья людей, вредные воздействия на их здоровье.

«НАДО, НАДО УМЫВАТЬСЯ...»

Не очень веселые размышления о законах и превратностях юмора

Станислав **РАССАДИН**

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Есть анекдот, уж такой старый, что у меня нет расчета кого-нибудь им рассмешить. Расчет скорее как раз на то, что не рассмеются.

Напомню. Покупатель протягивает чек продавщице парфюмерного отдела:

— Будьте так любезны, два «Тройных» и один «Ландыш».

У той глаз наметан:

— Да уж брал бы сразу три «Тройных».

— Помилуйте! Как можно? С нами дама!

Анекдот, повторяю, давно устарел (в том числе и своей, так сказать, фактурой: где ж нынче достанешь «Тройной» одеколон?), мы над ним отсмеялись в свое время, но оттого тем отчетливей он обнажает обаяние... Да, обаяние, коим наделен чопорный этот алкаш. Обаяние, ну, скажем, маленького Чарли, который, поскользнувшись, плюхнулся в лужу и, сидя в ней, с достоинством поправляет галстук. То есть даже в момент падения, уж там духовного или всего лишь физического, человек все еще старается выглядеть человеком. Сохраняет приличие. «Тепло стыда», как выразился С. Я. Маршак («Старайтесь сохранить тепло стыда...»)

Он смешон, но еще не страшен. До поры, покуда не перестанет поправлять галстук, а уж тогда...

*

В мемуарной прозе Георгия Иванова «Петербургские зимы» зафиксировано недоумение Осипа Мандельштама: «Зачем пишется юмористика?.. Ведь и так **все** смешно». И чем дальше, тем чаще кажется: Мандельштам — прав. В самых, казалось бы, непредвиденных случаях.

Не так давно я прочел в журнале «Москва» восхитительное юмористическое сочинение, центральным персонажем которого является сам товарищ Сталин; если акварельно-водевильные краски, какими он там набросан, и не способны тягаться, допустим, с саркастически-мощной живописью «Пиров Валтасара», главы искандеровского «Сандро из Чегема», то что ж, ведь и Жванецкому с Гориным необязательно мериться силой фантазии с мэтром Франсуа Рабле. Говорю о хроникальной истории написания и редактирования Гимна СССР; впрочем, сегодня, имея в виду «текст слов», уже можно сказать, даже нельзя не сказать: бывшего Гимна. Если еще в позапрошлом году я, высказавшись в «Московских новостях» о поэтической скудости и политической несообразности как его «сталинского», так и «брежневского» вариантов, был обвинен чуть не в государственной измене, то нынче уже и автор, Сергей Михалков, бывший, как знаю, не совсем мною довольным, сам признает то, чего, правда, не признать уж никак невозможно. Да, увы: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки...» и далее, как говорится, по тексту — это звучит не вполне убедительно.

Но восхитившая меня хроника — не о том, как звучит, а о том, как зазвучало впервые, как было зачато и рождено поэтическое дитя Михалкова и Эль-Регистана по заказу, с участием и в постановке Генерального Акушера, Главного Режиссера и Лучшего Друга.

Решусь на отчаянную банальность: действительность выкидывает такие коленца, которые не под силу самому эксцентрическому уму. И потому спрашиваю: если бы этот богатый сюжет — вождь, заказывающий и редактирующий произведение, которое воспевает его державу и его самого,— вдохновил писателя с ироническим складом таланта, вознамерившегося сочинить, скажем, комедию и полагающегося только на резвость своего воображения, а не на факты, сумел бы он, писатель, найти... Ну, хотя бы такие детали.

Клим Ворошилов, помощник Главного Режиссера, вызывает к себе двух соавторов и предъявляет им рукопись их сочинения с замечаниями хозяина — но какими! «Его... рукой на полях против слов «союз благородный» написано: «Ваше благородие?», против слов «волей народной» написано: «Народная воля!»

— Вот вы пишете «союз благородный»,— продолжал Ворошилов.— Не годится это слово для народного советского Гимна. Кроме того, в деревне это слово может ассоциироваться с известным старым понятием «ваше благородие». И потом, Советский Союз создан не организацией «Народная воля».

Замечательно! Хозяин страны и заказчик Гимна еще за сценой, его лик покуда не явлен соавторам, но ка́к уже проявился его характер — всего-то в двух штришках! И то: зря, что ль, порезали-постреляли всех «благородий», в погонах и без, и разве отчасти не для того, чтобы «известное старое понятие», благородство, отходило (и отошло) в разряд понятий, которые в словарях помечаются так: «устар.»? И тем более к месту ли пусть хоть случайная, беглая память о каких-то народовольцах, если это он, Сталин, избран судьбой... Как, как? Избран? Так ли? Вот и у соавторов сказано: «Сталин — избранник народа». Чушь! Какой народ? Какое избрание? Что они, эти соавторы, за дурака его принимают? Разве он не знает цену той потешной церемонии, которую называют всенародными выборами? И вот:

«Авторы успели заметить, что в строке второго куплета «Нас вырастил Сталин — избранник народа» рукою Сталина вычеркнуты слова «избранник народа»...»

А дальше — пуще, курьезнее, ядовитее!

«Михалков и Регистан здороваются. Сталин не отвечает, протягивает отпечатанный на машинке текст:

— Ознакомьтесь. Надо еще поработать. Главное — сохранить эти мысли. Возможно это?

Написанный накануне третий куплет изменен: строки произвольно соединены, стихотворный размер нарушен:

Мы армию нашу в боях закалили,
Врагов-захватчиков с дороги
сметем!
Мы в битвах решаем судьбу
поколений,
Мы родину нашу к славе поведем!

— Возможно,— отвечает Михалков.— Можно подумать до завтра?

— Нет. Нам это нужно сегодня».

Что, Боже мой, за спешка такая? Но — «Бузделано!» И мало того:

«Михалков и Регистан не нашли эпитета, который мог бы заклеймить в их четверостишии врагов-захватчиков.

Сталин молча ходит по кабинету и вдруг произносит:

— Подлый народ эти захватчики, подлый!

— Может быть, это и есть то слово? — говорит Михалков.— «Захватчиков подлых с дороги сметем»!»

Согласимся: вряд ли удастся смешней сочинить пародию на так называемый творческий процесс, на тайное тайных, на поиск единственно необходимого слова. Как там у классика? «И пробуждается поэзия во мне: душа стесняется лирическим волненьем...» Душа? Целых две — и под мудрым водительством третьей. «...Излиться наконец свободным проявленьем... Минута — и стихи свободно потекут»... Да, свободнее некуда. «Куда же нам плыть?..» Некуда. Приплыли.

Когда мой друг, человек, к литературе профессионально не причастный и оттого, при всей своей образованности, сохранивший бесхитростность читательского восприятия, трясясь от восторга, прибежал ко мне с этим номером «Москвы», он не сомневался: о, журнал вкупе с автором-хроникером преотличнейше понимает, какую силу комизма содержит их великолепная хроника, и, может быть, лишь опасается прямо сказать о своем сверхироническом отношении. Я, к сожалению, более искушенный в том, что около литературы, то есть более испорченный, вяло возражал: да нет, будь так, не стали б они это печатать к михалковскому юбилею. И хроникер Владимир Александров — почтительнейший биограф юбиляра. Но мой друг меня срезал:

— По-твоему, и второй из соавторов, Эль-Регистан, здесь подан всерьез? Да неужели не **видишь**...

Нет, это — вижу. Что правда, то правда, журналист Эль-Регистан, о прочих литературных заслугах которого я, к стыду моему, не наслышан, теперь уже навсегда войдет в мою память как созданный по всем правилам комедийной драматургии водевильный простак, почти клоун, все делающий не так, попадающий в нелепейшие положения и если не получающий положенных цирковому недотепе колотушек, то зато уж сталинское пренебрежительное презрение будет, пожалуй, похлестче подзатыльников и пощечин:

«...Сидя по левую руку от Сталина, Регистан пытается положить ему на тарелку ветчину.

— Не ухаживайте за мной!..— останавливает его Сталин.

Регистан провозглашает тост, благодарит тех, кто поочередно работал с авторами: называет Щербакова, Ворошилова, Молотова, Сталина.

— С этого надо было начинать! — поправляет Щербаков.

Регистан теряется.

...Регистан начинает рассказывать про свою поездку в Иран. Сталин неожиданно поднимается, прерывая этим рассказ. Вечер закончен».

Бедный Эль-Регистан! Можно представить, как екало его сердчишко (и когда? В минуту триумфа!), и трудно не позавидовать актеру, который взялся бы сыграть его роль в этой, по-моему, совершенно готовой комедии абсурда — не абсурдней того. что было в натуре, но в этом-то особая прелесть. А исполнитель роли вождя — предвкушаю, как он покажет это державное хамство, эту игру сытой кошки с мышонком, не уступающую по дозе (выражусь так) спланированного абсурда ни одному из анекдотов, изображающих непредсказуемость Сталина-самодура. Вот, например: Михалков, узнав, что текст печатают в «Правде»,— а это сталинская идея,— вдруг отчего-то советует погодить. «Лучше уж потом... потом... вместе с принятой музыкой...

— Далеко смотрите с вашей маленькой колокольни! — оборвал поэта Сталин.

Наступило тягостное молчание».

Н-да, замолчишь. Но, «посмотрев на Регистана», ибо на ком же еще шутовски разрядить обстановку, как не на том, кто назначен на роль простака для битья (драматургия, драматургия!), «Сталин вдруг спросил:

— Эль-Регистан? Кто вы по национальности?

— Армянин, товарищ Сталин, родился в Самарканде.

— Так кому же вы все-таки подчиняетесь? Муфтию или католикосу?

— Католикосу, товарищ Сталин.

На этой неопределенной «ноте» аудиенция закончилась».

Каково? И поди угадай, что хотела услышать в ответ усатая эта кошка; может быть: «Вам, товарищ Сталин!»? Или, напротив, такой откровенный подхалимаж стал бы губителен? Говорю же: **абсурд,** повторяю: **спланированный,** неустанно вносимый Сталиным и в политику, и в быт, что помогало держать даже самое близкое окружение в ужасе (казнит? вознесет?) и окружало его самого аурой загадочности.

Короче: настойчиво рекомендую театрам эту готовую — ну хорошо, почти готовую, на уровне, так сказать, либретто — комедию, получившуюся... Как? Нечаянно? Или задуманную, по рассуждению моего простодушного друга, как лукавый подвох? Тайна сия велика есть — в отличие от другой публикации, предпринятой уже вовсе недавно тем же журналом, напечатавшим магнитофонную запись дискуссии «Классика и мы». Состоялась она тоже давненько, в 1977-м, в Центральном Доме литераторов, который чаще теперь поминают в связи с шабашом Осташвили; впрочем, и эта дискуссия, многих тогда поразившая откровенностью выплеснутой шовинистической злобы, заслуживает почетного права считаться одним из предвестий шабаша. Да и редакция, в общем, того же мнения, что и я (если мы и расходимся, то в пустяке, в нравственной оценке того, что вещало тогда кожиновско-куняевское сообщество): «Вопросы, которые поднимались ораторами, и поныне не только не утратили своей остроты и злободневности (многие речи, кажется, были произнесены в наши дни)... Мы возвращаемся ныне к этой памятной дискуссии, отдавая себе полный отчет, насколько современно звучит она в наши дни...»

Все так и есть — по несчастию и к позору нашему; но меня-то сейчас занимает другое. Опять же — вполне банальная мысль: как ухитрилась не дрогнуть рука составлявшего эти строки — нет, не от стыда (этого я не жду, ибо не утопист), но хотя бы от смеха? Потому что вот завязка одной из интриг этого длинного действа: покойный Анатолий Эфрос потрясенно читает залу юдофобскую записку, полученную им, а Вадим Кожинов пылко доказывает, что это фальшивка, так как антисемитов тут нет (аргумент: «Я хорошо знаю Куняева, я много лет его знаю»). И уж дальше — позвольте без комментариев; театрам этой комедии, правда, не предложу, так как действующие ее лица нельзя сказать, чтоб общеинтересны, но все равно — какой диалог, какая экспрессия, какой водевильный темп!

«**В. Кожинов.** Я не верю, я не верю тому, что это написал человек, который хотел выразить свою, так сказать, какую-то антисемитскую позицию...

Ф. Кузнецов. Я прошу...

В. Кожинов. Он именно хотел возбудить страсти!

Ф. Кузнецов. Я прошу вернуться к теме дискуссии.

В. Кожинов. А вот...

Ф. Кузнецов. Минуточку! Очень хорошо сказал Золотусский о том, что будем достойны той темы, которую мы сегодня обсуждаем.

В. Кожинов. Правильно, я о том же...

Ф. Кузнецов. И не нужно опускаться, я бы сказал, до мелких неразрешимых страстей.

В. Кожинов. Правильно, но я...

Ф. Кузнецов. Слава богу, мы ушли от этого и перешли к нормальному профессиональному разговору...

В. Кожинов. Совершенно верно, Феликс, но не я же...

Ф. Кузнецов. Зачем же возвращаться...

В. Кожинов. Не я же эти страсти возбудил...

Ф. Кузнецов. Что значит «не я же»?

В. Кожинов. Но я действительно свое... (Шум.)

Ф. Кузнецов. Я прошу перевести разговор в русло литературы, а по другим вопросам ты объяснишься... Вот сейчас придрался, понимаешь... (Шум, выкрики.)

В. Кожинов. Все правильно, так нет, я про то и говорю...

Ф. Кузнецов. А ты свое... (Выкрики.)

В. Кожинов. А чего — «свое»? (Шум, крики.) Ну, знаешь, это делает... и вообще давно, давно пора все выяснить... Это делает невозможным всякое серьезное обсуждение...

Ф. Кузнецов. Золотусский сказал...

В. Кожинов. Подожди. Золотусский...» — ну и так далее. Жаль, что редакция не довершила дела, оставивши диалог без ремарок: «грозно», «начальственно», «робко», «испуганно», «осмелев»...

Как я сказал? Комедия? Нет, самый отчаянный фарс, где лицедействуют два персонажа, представляющих, в общем, те же самые типы, что и в кремлевской комедии 43-го года, но дорисованные до крайности, до грубого шаржа: начальник, привыкший быть только начальником и слышащий только себя (этакий мини-Сосо), и опять же простак, жалко оправдывающийся и с готовностью соглашающийся: «правильно... правильно... совершенно верно... не я же... я про то и говорю...» И убейте, не понимаю (но уж надеюсь понять): что за странное ослепление посетило редакцию, способную вот **такое** сопроводить патетическим комментарием? Как это можно: не видеть, до какой очевидной степени тут смешны — и двое «ораторов», взятых почти наудачу, и сам журнал, потерявший чувство смешного?

Это первый вопрос, на который ищу ответа. Второй: ну а те, для кого это смешно, те, кому их иронический взор не застят излишки самоуважения, они-то могут ли быть обнадежены и утешены своей способностью видеть смешное в смешном, смеяться?

*

Вопрос, занимавший и тех, кто не мне чета.

В рассказе Набокова «Истребление тиранов» есть жизнеописание некоего условного, хотя узнаваемого диктатора (узнаваемо, впрочем, прежде всего набоковское презрение к духу плебейства, в нем воплощенное). И ненависть героя к тирану-плебею сперва приводит к надежде убить его, потом, от невыполнимости этой задачи, покончить с собой: «Убивая себя, я убивал его, ибо он весь был во мне, упитанный силой моей ненависти».

Но этот сумасшедший солипсизм вытесняется другой мыслью: «Смех... спас меня. Пройдя все ступени ненависти и отчаяния, я достиг той высоты, откуда видно, как на ладони, **смешное.** Расхохотавшись, я исцелился, как тот анекдотический мужчина, у которого «лопнул в горле нарыв при виде уморительных трюков пуделя». Перечитывая свои записи, я вижу, что, стараясь изобразить его страшным, я лишь сделал его смешным,— и казнил его...»

Как говорится, «смех убивает».

Есть тут, правда, одна закавыка, но о ней чуть позже, а уж что Набоков без сомнения угадал, это: смех и тоталитаризм несовместны.

Чего больше всего не хватило журналу «Москва»? Чувства юмора? Конечно, немедленно тянет ответить: нет, далеко не только этого. И все-таки — да, тут катастрофическое отсутствие именно этого чувства, то есть, в частности, и умения свои собственные претензии соотнести с человеческой нормой, и способности осознать то, что было когда-то определено как «ирония истории». Тут обделенность именно тем, на что налагал запрет государственный тоталитаризм, уверенный в неколебимости установленных им критериев, наглухо запертый для самокритики и уж тем более — для самоиронии. Не зря же «самым неулыбчивым человеком» тот же Фазиль Искандер назвал товарища Сталина, хотя Кобе, конечно, случалось от души хохотать. например, подложив под обтянутый белыми брюками зад соратника спелый помидор (из любимых его забав). Когда шутит один, а прочим дозволяется только смеяться и аплодировать, это не юмор, это глумление — в бесконечно малом и бесконечно большом, будь то посвящение в сан горохового шута одного из авторов Гимна или общепамятный тост, в котором деспот благодарил свой терпеливый народ за то, что тот терпит его деспотию.

А послесталинская эпоха — это и вовсе тотальное отрицание юмора как такового, что б ни бывало ее олицетворением, курьезная хрущевская физиономия или предсмертно-посмертная маска Брежнева. То есть юмор юлил и хихикал — по углам, предназначенным для анекдотов, но парадный лик государства сохранял выражение сугубой серьезности, только и ждущей, на что бы обидеться; он, юмор, и оно, государство, существовали, не соприкасаясь, и если оно докатилось до жесткой самопародии, до данс-макабра, когда на трон мертвого Брежнева силился влезть полумертвый Черненко, то свершилось это, увы, не при участии юмора и юмористов.

В этих условиях даже те, кто отнюдь не был склонен к угодливости, не то что утрачивали чувство смешного (хотя и такое, конечно, случалось), но принужденно учитывали принципиальную безулыбчивость официоза. Прозаик И. Меттер рассказывает, что когда у Твардовского, в «Новом мире», шла его прелестная повесть «Мухтар», автору было предписано заменить кличку заглавного персонажа, розыскной собаки, переименовав в Мурата — предполагалось, что иначе обидится Мухтар Ауэзов, кажется, только-только справивший юбилей и тем напомнивший о себе. Насчет Ауэзова — не уверен, быть может, казахскому патриарху хватило бы драгоценного чувства юмора, но ни секунды не сомневаюсь, что первоначальное название солженицынского рассказа «Случай на станции Кречетовка» (у автора было — «...на станции Кочетовка») тут же ознаменовалось бы кляузами в ЦК относительно нового приступа травли редактора «Октября» Всеволода Кочетова.

В этом смысле — хвала необидчивой нашей эпохе, чей характер уже мало зависит от обидчивости иных руководителей, и я всего лишь с ретроспективным, гипотетическим ужасом думаю: что́ было бы, вернись прежняя неулыбчивость, с гоголевской «Женитьбой»? Сами судите: центральный ее комический персонаж носит имя Иван Кузьмич. Фамилия его начинается на «П», и, мало того, корень, лежащий в ее основе, «колесо», подозрительно перекликается с «полозом». А что́ этот Иван Кузьмич П. несет? «Порядка-то у меня, я знаю сам, что нет» — или: «А преконфузно, однако же, должно быть, если откажут»; да ведь это прямые аллюзии с положением дел в РКП или с неудачной борьбой за пост российского президента. Право, поежишься задним числом, думая: где была бы тогда «Женитьба»?..

Вернемся, однако, к помянутой закавыке.

Разве не ясно — и всего-то ясней из набоковского сюжета,— что смех оказывается как бы самообманом? Не столь трагическим, но столь же призрачным, как самоубийство. Ведь даже то, что властители в самом деле не любят, боятся насмешек над ними и при первой возможности радикально понижают в народе чувство юмора, убирая или убивая сатириков, свидетельствует об их верном чутье и неизбывном могуществе.

«Смех убивает»? Если бы так! Конечно, и он на что-то способен,— например, полагаю, что знаменитые фразы: Борис, ты не прав!» или «Чертовски хочется работать!», сказанные с заметным пережимом в пафосе и оттого мгновенно перешедшие в анекдоты, довершили имидж их автора и, возможно, ускорили завершение его политической карьеры,— но Бог упаси от лучезарных преувеличений. Причем вовсе не нужно ловить на непоследовательности блистательного Владимира Владимировича Набокова; достаточно пообтереть вековую пыль с основоположника теории комического, с Аристотеля: «...Смешное — это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное...» Порой даже чудится, что старина Аристотель относительно этой «непагубности» более и печальнее прав, чем сам мог предвидеть. Есть категория людей, что, словно бронежилетом, защищены от опасности ощутить себя смешными. Они для этого **слишком свободны.**

Свободны — от чего? И ради чего? Отвечать на второй вопрос погодим, а на первый отвечу сразу: да от всего! Начиная с чуточной добросовестности, с соблюдения элементарных приличий, без чего не пускали прежде ни в гостиную, ни в словесность.

Листаю журналы... Но тут оборву самого себя. К прискорбию, речь пойдет о «Молодой гвардии» и «Нашем современнике», и прискорбие ничуть не притворно: опасаюсь, что традиционное журнальное противостояние по инерции может создать впечатление, будто и эта моя статья — полемическая. А мне не до задорной полемики, я настроен серьезно, невесело, и если примеры, подтверждающие обоснованность моей невеселости, попадаются мне не в «Знамени» и не в «Новом мире», то вина не моя, а их — «Нового мира» и «Знамени».

Словом, листаю журналы — и спотыкаюсь. То на том, что «наш современниковец» М. Ковров, понося Евтушенко, возьмет и припишет ему известнейшие стихи Вознесенского, то — там же — режиссер Бурляев, ругая уже меня самого, процитирует якобы «из Рассадина» нечто такое, чего я не то что не писал, но и не читал никогда, то Валентин Сорокин (уже «Молодая гвардия»), защищая Татьяну Глушкову от критики Б. Сарнова, на сей раз ему, Сарнову, припишет то, что писал, извините, я...

Понимаю, что рождаю у них соблазн отпарировать: да какая разница, все вы для нас на одно лицо, отвяжитесь, не до того,— и, представьте, пойму их. Соглашусь: не до того.

Когда Станислав Куняев говорит о заветной, настольной книге своей и называет ее автора — **Виталий**

Шульгин, я допускаю: это описка, и невнимательный критик, натужившись, вспомнит, что Шульгина звали Василий Витальевич. Но впрямь — до того ли, если усилия памяти отданы совсем другому, намерению припомнить и обнародовать родовые фамилии «русскоязычных»: Галич — Гинзбург, Коржавин — Мандель? Тому, на что, кстати сказать, вообще щедро расходуется интеллектуальный потенциал авторов двух этих журналов: «Кто ж он — Илья Смирнов? И Смирнов ли?.. Геннадий Жаворонков, если он Геннадий Жаворонков...» (Валентин Сорокин). Или: «литераторы и лжеисторики типа Анатолия Рыбакова (Аронова), Михаила Шатрова (Маршака), Роя Медведева (тут, увы, видно, не удалось обнаружить ничего криминального.— **Ст. Р.),** Юрия Афанасьева (говорят, внучатый племянник Троцкого)».

«Говорят»,— небрежно бросает «молодогвардеец» Герман Назаров (между прочим, откуда столь инородческое имя?), и в том же журнальном номере с его детской доверчивостью к слухам солидаризируется тот же Сорокин: «По Москве до сих пор гуляют «сплетни» о поэте-бессребренике, Науме Коржавине, будто он владеет небольшой уютной парикмахерской в Израиле...»

Итак, сплетни — хоть и в кавычках (стало быть, не совсем сплетни или совсем не сплетни?). В общем, кто, дескать, знает, так оно или сяк — дознайся, кто хочет! А может, дознаться? Схватить за мошенническую руку? Уличить во лжи?.. Но в какое же, виноват, дерьмо мы с вами сядем, дознаваясь и уличая! На какой же постыдный уровень спустимся, как бы соглашаясь с Сорокиным, что владеть парикмахерской — смертный грех, или заводя тяжбу с Назаровым. Ладно, предположим ради эксперимента: пусть будет внучатый племянник. И... И — что?!

Вот еще отчего не хочу, не могу полемизировать. Допустим, и моей персоны иной раз коснутся в похожем роде: то подчеркнут мое отчество, Борисович,— видать, кажущееся шибко иудейским,— то напишут, как написал в «Молодой гвардии» ее читатель Л. Карпов, существо неопределенного пола (по имени судя, мужчина, но почему-то заговоривший тоненьким дамским голоском: «С большим удовлетворением узналА...»): «Рассадин вызывает у меня даже сочувствие — как можно жить с такой ненавистью к народу, на языке которого говоришь и читаешь». Готово, и я, значит, списан в «русскоязычные», к Галичам-Гинзбургам, Коржавиным-Манделям, и... Опять же: и что?! Возражать? А может, и предков-славян выволочь на позорище? Но это же значит — **оправдываться!** В чем? Перед кем? Перед теми, кто выбрал критерий, не раз кроваво испытанный нелюдью. Нет. Становясь на один уровень с негодяйством, пусть даже с целью противостоять, сам незаметно вербуешь себя в негодяи.

Впрочем, тут-то, кажется, все решилось благополучно. Все тот же Сорокин, неугомонный борец за чистоту расы, с мукой в душе допустив, что не все его супротивники из евреев, и для таких, как я, сыскал, спасибо, экологическую нишу. **«Не верьте политиканам-сионистам!»** Ну, это мимо. Вот: «Русские предатели опаснее сионистов, называйте их громко!»

И все ясно. А то: «...внучатый племянник... говорят...». На самом же деле — относись с омерзением к шовинистическому кликушеству, к истерии, к безумию, к этим патологическим проявлениям столь широкого понятия, как «свобода», и ты записан в «предатели»...

Участившиеся сорокинские писания вообще тем хороши, что даже в своем кругу выделяются незамутненной ясностью приемов и цели, но с ним способен тягаться и еще один из «гвардейцев», Владимир Зарубин. В его «Разговоре с мухами...» с умилительной откровенностью явлен взгляду прямой, неуклонный, трехступенчатый путь от развязной небрежности (первый шажок!) через явную ложь (второй!) к брани и клевете (третий, последний!). Да, такова триада. Сперва, например, имя Евгении Гинзбург, автора «Крутого маршрута», оказавшись в родительном падеже, может утратить и верный инициал, и даже пол («...я как бы не защитил Л. Гинзбурга...»), потом Василию Гроссману, как улику, силком навесят несуществующую лауреатскую медаль («Гроссман, сталинский лауреат...»), а уж затем... Простите, брезгливые, что цитирую: «гроссманское холуйское корыто... Сахаров — продолжатель сталинизма в ядерный век... Солженицын — продолжатель троцкизма. Александр Исаевич любит Россию без русских». И он же «рискует оказать холуйскую услугу единомироправцам», единому, то есть мировому, правительству; и тут, значит, не без масонского заговора...

Такова обретаемая ими свобода — от фактической точности, каковая может сковать распалившееся воображение, от укоров здравого смысла, от пут совести и стыда, словом, что говорить, беспредельная. **Беспредел,** за которым должен последовать, да и следует — не по закону рифмовки, а по закону логики — **передел.** Захватнический и... Но тут пафос оставляет меня, потому что прежде всего — смешной.

*

Журнал (опять, увы) «Молодая гвардия». Виктор Смирнов. Статья «Окружение» — к годовщине Твардовского.

«В те далекие литинститутские годы, наведываясь в «Новый мир» к Твардовскому, я не мог не заметить, что чем добрее был он ко мне, тем злее, настороженнее — его окружение. И важно восседавшая в приемной главного редактора секретарша Софья Ханаановна Минц всегда бросала недовольные, раздраженные взгляды: опять пришел! И через силу докладывала обо мне...» А когда «сам» появлялся в дверях, «Софья Ханаановна, страдая от бессилия, запускала мне в спину длинную, прямотаки пулеметную очередь из своей пишущей машинки...»

Ну, с дочерью Ханаана, с пулеметчицей-террористкой, все, разумеется, ясно. Будто уж в самом деле не могла бросить работу и благоговейно примолкнуть, пока Виктор Смирнов шествует в кабинет; не могла пощадить его раненую душу и пугливую спину. Но, оказывается, и вся редакция в эти минуты не дышала и не жила: «никто из входивших замов или завов не смел сесть за один с нами стол». Ясное дело, завидовали, бесились, однако — на, выкуси: «Участвовать в нашем разговоре никто не имел права».

Затаите дыхание и представьте: вот два друга, два земляка, два Поэта, для коих в минуту высокого их единения все перестает существовать. «Мир опустел...» Конечно, читают друг другу самое сокровенное, что не всякому и доверишь; без сомнения, главный редактор грозно кличет («Эй, кто там!..») сотрудника, дабы тот, бесясь и завидуя, все-таки нес бегом в типографию свежий стих любимого собеседника. Невольно морщишь лоб, вспоминая, что ж из шедевров смирновской музы особенно прогремело тогда на страницах «Нового мира», но... Склероз, что ли, меня одолел?

Однако в этом-то и трагедия — нет, не столько Смирнова, сколько Твардовского. Да! Не был привечен в его журнале интимнейший друг и ближайший собрат, а отчего? Угадали. Интриги. Представьте, первейший помощник Твардовского Дементьев, специально, чтоб насолить Смирнову, принялся шефа спаивать; даже в сейф с этой вредительской целью ставил тайную бутылку коньяка. «Под хмельную руку главный редактор мог, уступая просьбе закадычного дружка, послать на эшафот неугодного А. Дементьеву автора. Особенно если у того — патриотические взгляды».

Вот оно как: не ясно ль, что только спьяну большое дитя Твардовский («Он им доверял, как доверяет ребенок...») мог предавать свои земляческие, эстетические, патриотические привязанности? А в дни, когда он бывал трезв (случались, чай, и такие?), Виктор Смирнов не догадывался заглядывать.

Да, трагично, страшно, кошмарно; кошмарно настолько, что редакционная «Эрика» с перепугу кажется пулеметом, отказ от публикации скверных стихов — восхождением на эшафот, а сама редакция... Читайте и содрогайтесь:

«Окружение... Оно слишком хорошо было знакомо Александру Твардовскому еще в военные дни. Под Киевом он чудом вырвался из немецкого окружения. В мирные годы — окружение в журнале, застолье... Здесь вырваться оказалось гораздо сложней».

Но это еще что!

«...Сейчас, дабы свалить с больной головы на здоровую, друзья и единомышленники тех, что свели богатыря русского в могилу, утверждают без зазрения совести: убили классика одиннадцать писателей, напечатавших в свое время письмо «Против чего выступает «Новый мир»?». А я, как ученик...»

Ох!

«...Как ученик, земляк Александра Трифоновича, давнишний друг всей его смоленской родни, заявляю на весь мир...»

И «весь мир», понятно, слушает замерев!

«...Эти одиннадцать пытались спасти глубокочтимого ими поэта от его гибельного окружения. От его палачей... От тех, что завели в тупик и погубили...»

Переведем дыхание.

Все-таки на месте «окружения» я бы не слишком серчал на Смирнова. Я бы отнесся к нему, во-первых, с сочувствием (ведь потеря чувства юмора, что ни говори, тоже болезнь, вроде потери слуха, а тут к тому ж не без мании грандиоза, осложненной галлюцинациями: «ученик»!). Во-вторых же, представьте себе, с уважением, пусть и весьма своеобразным, как к ценному образцу странной (и страшной, когда не смешной) свободы. Свободы, с одной стороны, несомненной — мы ж видели, насколько она разнузданна; а с другой стороны, ведь она — это форма душевного помрачения, надежной и добровольной закабаленности. Тем надежней, чем добровольней.

Вспомним историю соучастия Сталина в сочинении Гимна. Сейчас-то смеемся, но стань эта кухня открытой для всех **тогда,** многие ли расхохотались бы? Не говорю вслух, но про себя? Об этом нельзя и помыслить: такова была закрепощенность сознания — неразборчивой верой, слепой любовью, страхом, этой причудливой «фирменной» смесью, как яд, убивавшей в людях самое органичное — способность видеть смешное в смешном. И вот парадокс, а вернее закономерность: чего добивалась тогдашняя кабала, точно того же добилась сегодняшняя «свобода» (давайте возьмем наконец это слово в заслуженные кавычки), это ухарское наплевательство на естественное и, как наивно казалось, неотделимое от человеческой природы «тепло стыда». Спасительное тепло, которому помогает сохраняться и юмор.

Если ирония — это стыдливость человечества, как сказал один умный писатель, то юмор — гигиена его. «Надо, надо умываться!» — рекомендовал Чуковский (впрочем, не предполагая, что в эпоху мыльного дефицита исполнение его совета будет затруднительно). Иначе...

Из головы у меня не выходит опубликованная «Огоньком» запись Ольги Берггольц: рассказ старого энкавэдэшника, хлебнувшего лагерей, а после приставленного к знаменитому Мерецкову, человеку схожей судьбы. Сталин сначала его посадил, потом помиловал.

«Я ему говорю: — Товарищ командующий, забудьте вы о том, что я за вами слежу... Я ведь все сам такое же, как вы, испытал...

— А тебе на голову ссали?

— Нет... Этого не было.

— А у меня было. Мне ссали на голову. Один раз они били меня, били, я больше не могу; сел на пол, закрыл голову вот так руками, сижу. А они кругом скачут, пинают меня ногами, а какой-то мальчишка молоденький расстегнулся и давай мне на голову мочиться. Долго мочился. А голова у меня — видишь, полуплешивая, седая. Ну, вот ты скажи, как я после этого жить могу?»

Мука человека, обреченного жить с унижением, так страшна, что ни о чем другом и думать не хочется. Но я думаю. О мальчишке.

Невозможно представить, чтобы он, дожив до наших дней, не то что раскаялся, а хоть в чем-то признал неправоту того дивного времени, когда ему выпало высшее счастье — мочиться на голову командарма. И чем выше потом поднимался помилованный Мерецков, тем выше была эта гордость. Ну что ж, Сталин захотел и простил, его воля, но того звездного часа, который он подарил мальчишке, уже не отнять. И когда я сегодня читаю, к примеру, поданный из-за рубежа и скептически процитированный Андреем Нуйкиным призыв благостно консолидироваться: «Простить друг другу все обиды, покаяться и объединиться...» — я думаю: ну, хорошо. Предположим, я сделаю, преодолев гадливость, сверхъестественное усилие, я прощу бывшего мальчишку от имени Мерецкова или кого-то еще, но ведь **он** мне этого не простит. Потому что тем самым я совершу попытку отменить священное воспоминание. Не признáю его надчеловеческой свободы — мочиться на чужую голову.

Тем более что сегодня и его время... Нет, не его лично, он свое отжил или отживает, но время тех, кто возмечтал о **его** свободе.

Верил ли он, что Мерецков — враг народа? Да он о том и не думал вовсе. Для него единственно важным было: он получил свою сладостную свободу плебея и хама — ссать на головы тех, чьего он и мизинца не стоил (между прочим, прекраснейше сознавая это).

Верят ли нынешние, те, что поливают (простите за каламбур), допустим, Гроссмана, что он действительно русофоб? Что он презирал Россию, за которую воевал,— и прославился храбростью? Что считал ее безнадежной рабой — это он-то, можно сказать, жизнь положивший за освобождение нашего духа? Кто-то из тех, кто поглупей, возможно, и верит. А кто поумнее — да никогда! Как в эту чушь можно поверить всерьез, если простое чтение «Жизни и судьбы» опровергает подобное начисто?

Думаю, им даже то, что Гроссман — еврей, само по себе не так уж важно. То есть не отрицаю и жалкой ненависти к инородчеству, но вот ведь и Солженицына, не доказавши, что он «Солженицер», хотят по крайней мере ославить как масонского «холуя»; и Твардовского, «богатыря русского», могут, коль это нужно для самоутверждения, изобразить падшим и малоумным пьяницей. Ибо мочиться, гадить на большое имя — это, вероятно, для них ни с чем не сравнимое наслаждение. И самый надежный способ почувствовать и себя хоть чего-нибудь стóящим.

«Надо, надо умываться!» Надо смеяться, слава Богу, пока что не смехом висельников, которым ничего иного не остается; просто ради духовного самоосвобождения будем культивировать чувство юмора, необходимое нравственно. Но и будем безиллюзорно трезвы, понимая: разбуженный гласностью и всесильный, как нам эйфорически кажется, смех совершенно бессилен перед той абсолютной, аморальной свободой (равно ужасной, ставь или не ставь кавычки), которую раньше сталинские избранники получали от его власти, а нынче, кто хочет, кто не стыдится, получает от той же ненавидимой ими гласности и, получив, уже не отдаст никому, ни за что, никогда.

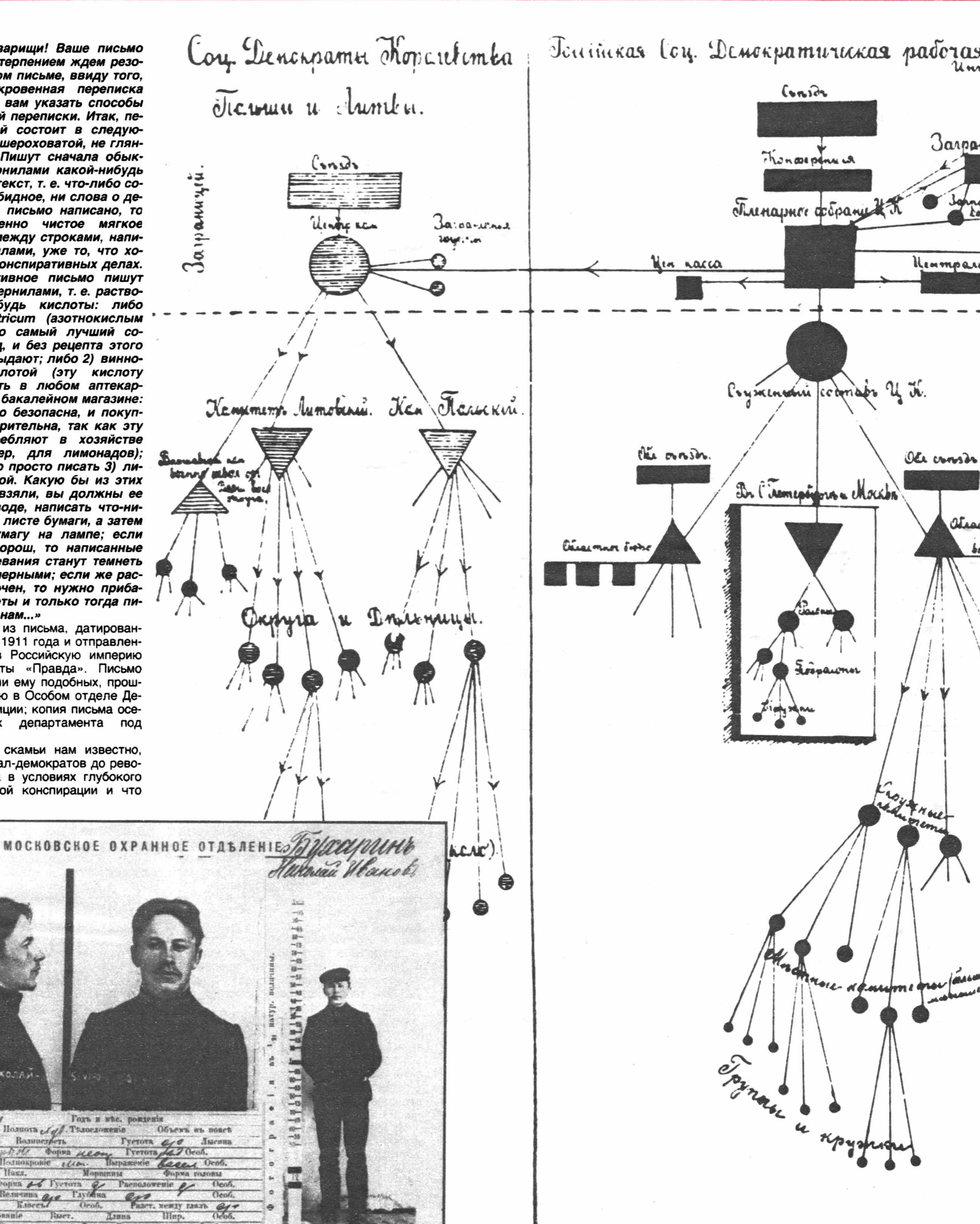
Рэм ПЕТРОВ,
Андрей РОДИН

«Я ЗНАЛ, ЧЕМ ОНИ

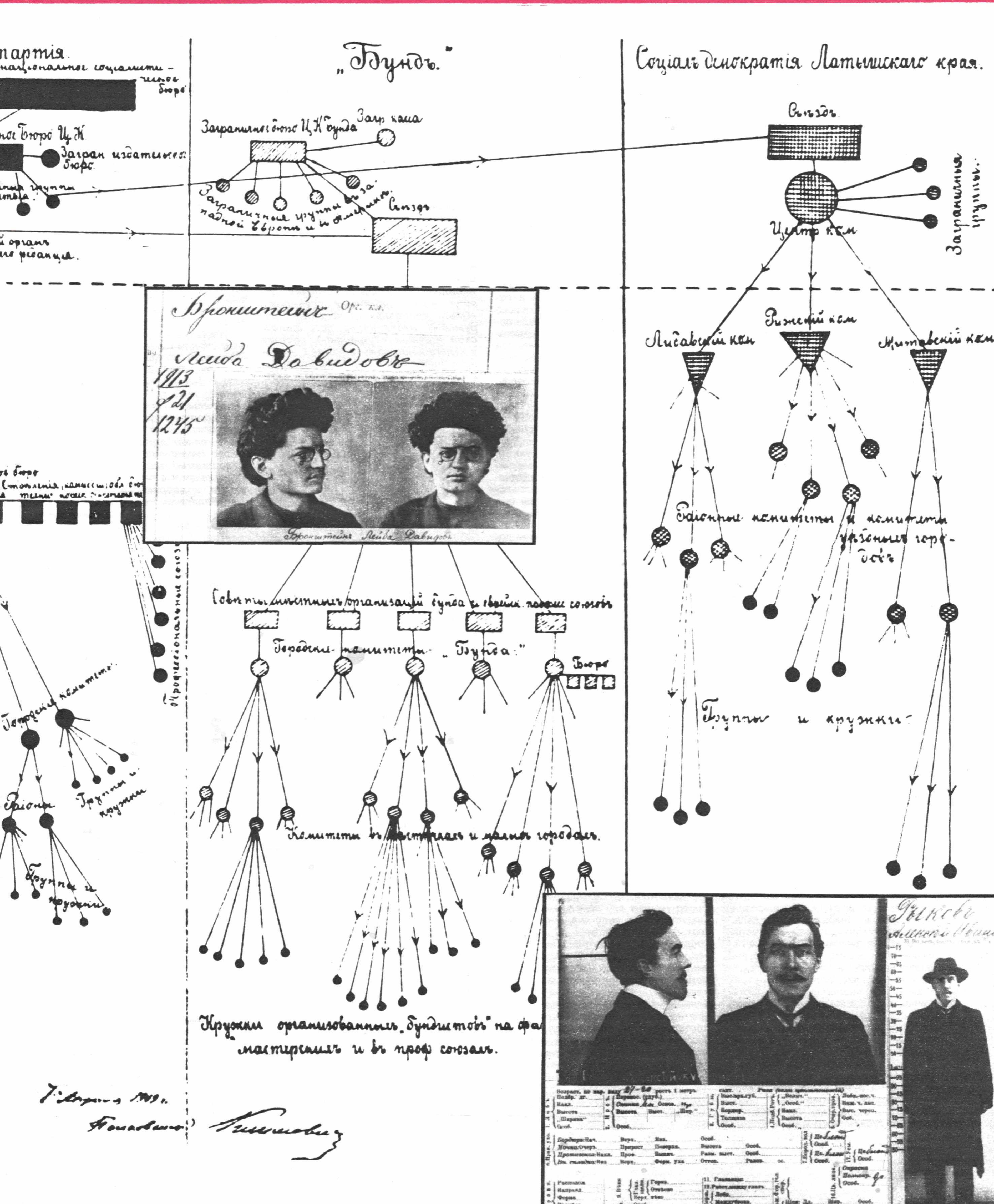
«Дорогие товарищи! Ваше письмо получено. С нетерпением ждем резолюции. В данном письме, ввиду того, что столь откровенная переписка неудобна, хочу вам указать способы конспиративной переписки. Итак, переписка химией состоит в следующем. Пишут на шероховатой, не глянцевой бумаге. Пишут сначала обыкновенными чернилами какой-нибудь безразличный текст, т. е. что-либо совершенно безобидное, ни слова о делах. Когда это письмо написано, то берут совершенно чистое мягкое перо и пишут между строками, написанными чернилами, уже то, что хотят сказать о конспиративных делах. Это конспиративное письмо пишут химическими чернилами, т. е. раствором какой-нибудь кислоты: либо 1) plumbum nitricum (азотнокислым свинцом) — это самый лучший состав, но это яд, и без рецепта этого препарата не выдают; либо 2) виннокаменной кислотой (эту кислоту можно покупать в любом аптекарском или даже бакалейном магазине: она совершенно безопасна, и покупка ее не подозрительна, так как эту кислоту употребляют в хозяйстве часто, например, для лимонадов); наконец, можно просто писать 3) лимонной кислотой. Какую бы из этих кислот вы ни взяли, вы должны ее растворить в воде, написать что-нибудь на чистом листе бумаги, а затем нагреть эту бумагу на лампе; если раствор ваш хорош, то написанные буквы от нагревания станут темнеть и будут почти черными; если же раствор недостаточен, то нужно прибавить еще кислоты и только тогда писать письмо к нам...»

Строки эти — из письма, датированного 4 февраля 1911 года и отправленного из Вены в Российскую империю редакцией газеты «Правда». Письмо это, как и тысячи ему подобных, прошло перлюстрацию в Особом отделе Департамента полиции; копия письма осела в архивах департамента под № 99312.

Со школьной скамьи нам известно, что партия социал-демократов до революции работала в условиях глубокого подполья, строгой конспирации и что

ДЫШАТ...»

партія
Загран. издательское бюро
„Бундъ.“
Заграничное бюро Ц.К. бунда
Загр. кома
Съѣздъ
Соціалъ демократія Латышскаго края.
Съѣздъ
Центр. ком
Заграничныя группы
Бронштейнъ
Лейба Давидовъ
1913
21
1245
Бронштейнъ Лейба Давидовъ
Рижскій ком
Либавскій ком
Митавскій ком
Районные комитеты и комитеты уѣздныхъ городовъ
Городскіе комитеты „Бунда.“
Бюро
Группы и кружки
Профессіональные союзы
Городскіе комитеты
Районы
Группы и кружки
Комитеты въ мѣстечкахъ и малыхъ городахъ.
Кружки организованныхъ „бундистовъ“ на фа
мастерскихъ и въ проф союзахъ.
7 Апрѣля 1909 г.
Рыковъ

это позволило большевикам подвести свою партию к захвату власти в 1917 году сплоченной и организованной. И все же нам, нынешним, которым на излете XX века стала ясна вся страшная мощь тайной полиции, пришло время удивиться: неужели же столь бессильна была система политического сыска в царской России перед большевистским конспиративным искусством? Что и в какой степени знала российская полиция о внутрипартийных делах РСДРП?

Мы попытаемся ответить на эти вопросы, предложив читателю небольшую экскурсию по архивам Департамента полиции. В дотошных комментариях эти документы не нуждаются: каждый из них весьма красноречив и занимателен...

К завершению темы «химической переписки». Из эпиграфа ясно, что рецепты нелегального письмотворчества были прекрасно известны на Фонтанке, 16, в Особом отделе Департамента полиции. Вот текст одного из проявленных эпистол: ***«Ярославль, лицей, студенту Дмитрию Розанову.***

...Прилагаемый ниже адрес не годен для организационной переписки, но годен для корреспонденции в Ц.О. (Центральный орган.— **Авт.**) ***и популярную газету, которая в ближайшем будущем будет издаваться большевиками при участии меньшевиков-партийцев. Годен также для обмена мнений с тов. Лениным и другими большевиками-партийцами.***

С тов. прив. Н. К. (Надежда Крупская.— **Авт.**)».

Вот еще «химическое» письмо — от того же отправителя:

«С. Петербург, Галерная, 7, Николаю Ильичу Подвойскому.

Дорогие друзья! Гр. писал уже подробно о лете. Ждем подробного письма. По-нашему, обойдется рублей по 40 на человека, жизнь недорога, отдых прекрасный. Надо вовремя нанять помещения. Телеграфируйте так: «8 и 2» — будет означать: нанимайте на 8 холостяков плюс на 2 семьи и т. п. Кормежку можно устроить коммунально. Если деньги есть, везите побольше рабочей публики, но, конечно, в том случае, если есть деньги, у нас крохи.

Очень и всячески просим узнать, чем, собственно, болен № 7... Очень благодарны № 6-му за его ворчащее письмо... Почему никогда не пишет № 3...»

Департаментская копия письма снабжена аккуратными примечаниями:

«Гр.— «Григорьев», он же Зиновьев — Радомысльский и Шацкий.

№ 7 — Член Гос. Думы Самойлов.

№ 6 — Член Гос. Думы Петровский.

№ 3 — Член Гос. Думы Малиновский».

В Департаменте полиции химический текст мог быть прочитан при специальном освещении, в других случаях текст «проявлялся», что делало невозможным дальнейшую отсылку перлюстрированного письма адресату. Однако для особо важных случаев департамент содержал штат квалифицированных писарей, в совершенстве подделывавших любой почерк; ими изготовлялась точная факсимильная копия перехваченного письма — сначала выписывался чернилами «легальный» текст, затем винной кислотой между строк вписывалась «нелегальщина». Естественно, лист бумаги должен был быть схожим с оригинальным; для этого экспертиза определяла, на какой фабрике выпущена бумага, и на фабрику отряжался гонец.

Сложнее было с шифрованными письмами, но и тут у Особого отдела был накоплен солидный опыт. ***«3.01.1910. Начальнику Санкт-Петербургского губернского жандармского управления. Департамент полиции... препровождает при сем Вашему Превосходительству ключ к шифру и разбор шифрованной записки, отобранной по обыску у Якова Свердлова и Клавдии Новгородцевой...».*** Генерал П. П. Заварзин, до революции — начальник нескольких, в том числе и Московского, охранных отделений, упоминал в своих эмигрантских мемуарах о некоем чиновнике Зыбине, специалисте по дешифровке: «Простые шифры он разбирал с первого взгляда, зато более сложные приводили его в состояние, подобное аффекту, которое длилось, пока ему не удавалось расшифровать документ». По словам Заварзина, Зыбин говорил, «что за всю свою жизнь не расшифровал только одного письма по делу австрийского шпионажа, но что это было давно, теперь я (т. е. Зыбин.— **Авт.**) и с ним не провалился бы!».

Архивы Особого отдела сохранили для потомков такие документы, как «Список адресов, по коим будет высылаться из-за границы нелегальная социал-демократическая литература в отдельных конвертах». Первым в списке такой адрес: «Москва, Главный почтамт, до востребования, предъявителю трехрублевой бумажки за № 353939» и далее — еще 62 адреса, вплоть до «Екатерининская железная дорога, ст. Сартана, завод Никополь, доменное отделение, Филиппу Мирошникову».

Трудно удержаться от цитирования Циркуляра Департамента полиции от 19.03.1909 года: ***«В одной из тюрем был обнаружен следующий способ сношений заключенных по политическим делам со своими единомышленниками: из костей говядины вынимается мозг, вкладывается переписка и закладывается мозгом» *.***

Что примечательнее всего в этом документе: изобретательность революционеров, бдительность полиции или тот факт, что политзэки в царской России кушали мозговые косточки?..

Разветвленная сеть осведомителей и провокаторов, система перлюстрации писем и филерской слежки давали Департаменту полиции столь подробные сведения, что по архивам Особого отдела можно составить блестящий и подробнейший курс истории РСДРП. Пространные отчеты о ситуации в партии, составлявшиеся в полиции, пестрят не только ныне общеизвестными датами и событиями, но и тщательными описаниями интимнейших сцен внутрипартийных раздоров, многие из которых, кстати, были инспирированы полицейской агентурой. ***«...На том же собрании произошел инцидент между Либером (от Бунда) и Лениным. Последний высказал, что решение пленума о перенесении центра Центрального комитета в Россию было результатом лишь минутного влияния речей бундовцев, и, несомненно, Юдину (представителю Бунда на пленуме) хотелось лишь, чтобы цекисты в России были все арестованы. Возмущенный этим Либер назвал это заявление Ленина «наглостью» и внес энергичный протест... В понедельник 12 июня на собрании цекистов произошло новое столкновение между Либером и Лениным. Последний высказался, что меньшевики-ликвидаторы и их союзники заняты не чем иным, как созданием «партии Столыпина». Либер против такого обвинения резко запротестовал и потребовал точного названия тех «союзников», которые заняты созданием «партии Столыпина». На это Ленин ответил: «Ну, хоть лично вы». Либер выругался и оставил собрание».***

* Этот документ из Государственного архива Пермской области цитируется по монографии Н. Н. Ансимова (Челябинск, 1989).

О личной жизни социал-демократов. Секретное донесение начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве в Департамент полиции: ***«Согласно имеющихся в моем распоряжении повторных указаний секретной агентуры, в городе Кракове, по месту пребывания «Ленина», весною текущего года на частном совещании решено было в отношении области Центрального промышленного района обязанности агента Центрального комитета РСДРП возложить на известного Департаменту полиции партийного работника «Василия Ивановича», каковым является в действительности административно высланный из Москвы и ныне уже отбывший срок наказания, московский мещанин Ник. Ник. Яковлев (кличка наружного наблюдения «Соус»)... Сестра Н. Н. Яковлева, известная Департаменту полиции Варвара Николаевна Яковлева, московская мещанка, девица, носит партийный псевдоним «Ольга Ивановна» (и известная наружному наблюдению под филерской кличкой «Туманная»), состоит в нелегальном сожительстве с астрономом-наблюдателем Императорского Московского университета статским советником Павлом Карловичем Штернбергом...»***

Агентурные сведения по Владимирской губернии об одной из партийных функционерок — «Риме»: ***«...Как активная работница, она не известна, но служила партии для подвозки литературы и переписки; каждый ее проезд куда-либо сопровождается передачей в организации партийной корреспонденции; очень близка с Андреем Бубновым. Была в любовной связи с неким Рамишвили, с которым, якобы в 1906 году, участвовала в Москве в каком-то партийном ограблении».***

Выяснение личности подпольщиков часто начиналось с физиономических сопоставлений: ***«...выяснено, что «Суворов» и Шулятиков по наружному виду совершенно различные личности: первый высокого роста, худой, а второй — низкого роста, обрюзглый, с огромным красным носом; по партийным взглядам они также ничего общего между собой не имеют: «Суворов» — последователь Богданова, впередовец, Шулятиков же ярый приверженец Ленина по партийным вопросам».***

К газете «Правда», издававшейся одно время в Вене Троцким, полиция проявляла живой интерес, констатируя, однако же, что ***«Правда» пользуется некоторым влиянием только в Польше, редакция же ее, состоящая из Троцкого, его жены и любовницы, принадлежит к так называемым «безголовцам», т. е. не фракционным эс-декам».*** Один из заграничных агентов Департамента полиции довольно флегматично констатирует, что ***«у «Правды» недурно поставлена транспортировка через Египет: там в Александрии есть русский инженер Мацкевич, который грузит литературу через знакомых матросов, и она идет до Батума, а потом через Одессу».***

Регулярность наблюдения и систематичность делопроизводства были одними из главных достоинств работы Особого отдела. Письмо из Департамента полиции начальнику Иркутского губернского жандармского управления: ***«Вследствие записки от 28 января сего года за № 528, Департамент полиции уведомляет Ваше Высокоблагородие, что сведения о взаимоотношениях издающейся в Вене газеты «Правда» к Российской социал-демократической рабочей партии и, в частности, к Центральному комитету названной партии изложены в циркуляре Департамента полиции за 1910 год от 20 февраля за № 106547, 4 июля за № 112613 и 16 декабря за № 119560...»***

Кое-что о способах доставки нелегальной литературы в Россию из-за границы может рассказать секретное донесение начальнику московского охранного отделения от одного из агентов: ***«По полученным мною от сотрудника «Крапоткина» сведениям, проживающий в Ковенской губернии, на собственном хуторе, в двух верстах от г. Россиены, Осип Матус занимается контрабандным ввозом в Россию сахару и чаю. Местной полиции об этом известно, но так как он состоит с нею в близких отношениях, то она его и не преследует. Кроме того, Матус состоит транспортером литературы Российской социал-демократической рабочей партии, изданий Центрального органа этой партии, о чем полиция не знает...»*** (провинциальные коррупция и разгильдяйство чрезвычайно трогательны).

Относительно чисто литературных, беллетристических проблем социал-демократов у Департамента полиции было весьма неожиданное мнение; накануне очередных выборов в Думу, ***«по полученным агентурным сведениям, Центральный комитет РСДРП, нуждаясь ввиду предстоящей предвыборной агитации в хорошем литераторе — так как единственный его литератор Ленин пишет очень витиевато и непонятно для массы,— приглашает приехать за границу ссыльнопоселенца, водворенного в с. Малышовке, Балаганского уезда, приват-доцента Николая Александровича Рожкова, который, по-видимому, и собирается бежать с места водворения...».***

Превосходно работала провинциальная агентура департамента. По каждой губернии составлялись ежемесячные «Сводки агентурных сведений», в которых содержалась информация едва ли не о любой возникающей группе социал-демократов. «Сводки» пестрят точными указаниями имен, фамилий, мест работы, адресов, подробностями жизни организаций: ***«На фабрике Демидова в Вязниках около ста человек организованных эс-деков большевиков, с меньшевиками они живут мирно... На днях ожидают организатора из Москвы, по кличке «Москвич». Организация ему платить ничего не будет, так как у директора фабрики ему выхлопотали место слесаря на 50 руб. в месяц».***

С арестами полиция предпочитала не торопиться — важнее было вести агентурную наблюдательную игру. Арестовывались же обычно не все подпольщики, часть всегда оставлялась, как говорили в полиции, «для развода», дабы иметь исходный материал для последующей слежки, а не разыскивать потом совершенно новые лица. Кроме того, полиция не делала ни одного неосторожного шага, не производила ни одного задержания, если это могло скомпрометировать агента. Иногда арестовывали и самих агентов, которые во время «отсидки» получали повышенное жалованье. (Конечно, в одной и той же организации могло быть двое и более агентов, но провокаторы никогда не знали своих коллег и, таким образом, доносили и друг на друга.) Кстати, аресты необязательно оканчивались тюрьмой, да и содержание в кутузке зачастую не сопровождалось созданием тяжелых условий. В архивах Особого отдела сохранилось письмо М. А. Усиевича, брата известного революционера Григория Усиевича: ***«Грише, очевидно, очень недурно; во всяком случае он***

здесь меньше подвержен каким-либо заболеваниям нервного свойства, чем на свободе, где вечная беготня и усиленная работа (умственная) гораздо хуже влияет на психику...»

Тайная полиция умела обходиться небольшим штатом сотрудников наружного наблюдения. Уже упоминавшийся П. П. Заварзин пишет в своих воспоминаниях: ***«У публики сложилось представление, что филеров было так много, что молва считала их в больших городах сотнями, а в столицах даже тысячами. Во всей России было тысяча с небольшим агентов наружного наблюдения... В столицах в ежедневном наряде было от 50 до 100 человек...»***

Последовавшие за 1917 годом события показали, сколь идиллически складывались отношения российской тайной полиции со своими «подопечными». В самом деле, ни личное покровительство президента Мексики Ласаро Карденаса, ни почти крепостные стены, ни вооруженная охрана не спасли Троцкого от расправы Сталина, а всего за три десятка лет до этого начальник московского охранного отделения сообщал директору Департамента полиции о хорошо известном по школьному курсу Поронинском совещании большевиков: ***«Местом совещания было избрано небольшое курортное местечко в Галиции — Поронин..., где в этом году проводили лето В. И. Ульянов с женой, Григорий Зиновьев (Радомысльский), Александр Антонов (Трояновский) и Ю. Каменев (Лев Борисович.— Авт.). Условия жизни русских эмигрантов в Галиции весьма благоприятны. Местная жандармерия относится к ним с большой предупредительностью. Поэтому все заседания участников совещания происходили совершенно открыто на квартирах В. Ульянова (Ленина), Зиновьева, Трояновского и в гостинице, где остановились приехавшие из России делегаты...»*** И ведь не пришло в голову ни Николаю Кровавому, ни шефу тайной полиции Белецкому подсылать в Поронин меркадеров с ледорубами...

Большевизм не скрывал своей конечной цели — насильственное свержение государственного строя; фактически они действительно были заговорщиками, но их не расстреливали по подвалам, зато сколько участников несуществующих заговоров расстреляла историческая триада ВЧК — ГПУ — НКВД... Конечно же, были в царской России и облавы, и аресты, и тюрьмы, и ссылки; но вот ложится на стол еще один «осколок» архивной мозаики, повествующий о том, как ликвидировало петербургское охранное отделение петербургскую организацию РСДРП. «Ликвидировали» в 1910 году дважды — сперва в январе, когда «схватили» десятка два человек, да чуть ли не всех тут же и отпустили по домам, обшарив карманы, так что к апрелю организация, оправившись от испуга, возродилась. Тут уж полиция рассердилась и задержала 45 партийных деятелей, из которых подвергла аресту аж 19 человек... А вот рапорт пермскому губернатору от шефа местного охранного отделения, год 1912-й. ***«Хотя при обыске у Ермолаева и были обнаружены вещественные доказательства, доставленные в управление, но в протоколе обыска сказано, что «ничего предосудительного найдено не было», и, кроме того, «протокол обыска был составлен не на месте производства обыска, а в канцелярии пристава, в силу чего Ермолаеву при настоящих условиях не представляется возможным предъявить никакого обвинения...»*** *. Бестолковым оказался производивший обыск пристав, и уже нельзя арестовать большевика Ермолаева, а тем более — судить...

* См. предыдущую сноску.

Что же мешало Департаменту полиции засадить всех самых активных партийцев за решетку и устроить какой-нибудь образцово-показательный процесс на всю Россию? А одна простая вещь, до которой мы с трудом доходим спустя семьдесят лет: независимость судебной власти от исполнительной, строго соблюдаемое законодательство, в соответствии с которым для суда не имели никакой доказательной силы те сведения, что были добыты агентурными методами. Ни один надзирающий прокурор не решился бы составить обвинительного заключения, если бы полиция не могла предоставить в доказательство что-либо более существенное, чем свидетельства своих агентов. О независимой и дотошной адвокатуре мы просто умолчим.

Шеф Департамента полиции Степан Петрович Белецкий на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства сказал, когда речь зашла о РСДРП: «Я знал, чем они дышат...» Сколько было внутрипартийных агентов у полиции — сейчас уже точно установить нельзя, после Февральской революции множество архивов тайной полиции было уничтожено «восставшим народом», хотя под видом народа охранные отделения громились в основном уголовниками и теми же провокаторами, дабы замести следы. Но даже дошедшие до нас сведения впечатляют: на содержании полиции, кроме широко известного Романа Малиновского, состояли еще семеро Малиновских; агентом Особого отдела был А. С. Романов — секретарь московской организации РСДРП; кроме него, с полицией сотрудничало еще 28 Романовых... Так можно продолжать очень долго, перебирая буквы алфавита. Провокаторство в РСДРП было делом массовым и хорошо оплачиваемым. Особо ценные провокаторы получали от Департамента полиции солидную зарплату — от 500 до тысячи и более рублей в месяц (500 рублей — это был заработок министра или генерал-губернатора).

«Мало-помалу, кропотливо и фанатично крепли кадры революционеров; постепенно накапливался материал в Департаменте полиции,— писал генерал Заварзин,— американские шкафы наполнялись карточками зарегистрированных наблюдаемых, но это только скользило по умам власти и конституционной общественности, которые ясно не сознавали, что такое собою представляет масса разного наименования социалистов, с их ясными программами, уставами и тактикой. В итоге у Департамента полиции были сосредоточены сведения о всех 100% революционеров, ставших после революции во главе власти над русским государством...»

В мартовском номере этого года журнал «Подъем» опубликовал рассказ Варлама Шаламова «Золотая медаль». В основу рассказа положена действительная история русской революционерки, и у Шаламова читатель встретит такие строки: «Неожиданное происшествие с Кирюхиным показало нам, как мы были смешны и нелепы, играя в прятки по укромным уголкам Западной Европы, в то время как Департамент полиции знал о нас все, что ему было нужно: если бы поинтересовался, он мог бы даже узнать, кто из нас больше всех любит печеную картошку».

Здесь можно было бы поставить точку, посожалев лишь, что размеры журнальной площади не позволяют множить архивные иллюстрации. Однако история документов Департамента полиции имела необычное продолжение.

В 1919 году директором Общего сыскного отдела Федерального бюро расследований США стал молодой, 24-летний сотрудник Библиотеки конгресса Джон Эдгар Гувер. Причина столь необычного назначения заключалась в следующем: именно через его руки прошли документы заграничных отделов Департамента полиции, документы, которые были изъяты из русских посольств за границей специальным уполномоченным Временного правительства. Архивы должны были попасть в Россию, однако известные события октября 1917 года этому помешали.

Спустя некоторое время они оказались в руках Гувера, а вместе с ними — и информация о деятельности всех заграничных (в том числе работавших в США) эмиссаров русского социалистического движения и связанных с ними американских социалистов.

Проанализировав архивные сведения, Эдгар Гувер с благословения правительства США в течение полугода практически уничтожил все движение коммунистического или социалистического толка, имевшееся в США к 1919 году. Щепетильность была отброшена, акция была масштабной. Например, в ноябре 1919 года одновременно в 14 крупнейших городах были арестованы все лица русской национальности, входившие в Федерацию союзов русских рабочих, все, имевшие хоть какое-то отношение к этой федерации и даже просто сочувствующие ей. С чисто американской деловитостью ФБР сделало у себя дома то, что Особый отдел Департамента полиции не решался сделать в течение двадцати лет.

Выписки из стенограмм допросов М. И. Трусевича и С. П. Белецкого, бывших руководителей Департамента полиции, в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства:

«Вопрос председателя: ***— Но вы не находите, что если Департамент полиции борется с преступлениями, хотя бы и политическими преступлениями, такими способами, которые сами по себе являются преступными, то нужно закрыть Департамент полиции или уйти из него?***

Ответ М. И. Трусевича: ***— С точки зрения охраны государственного строя, это был прием практики, узаконенной самой жизнью, целыми столетиями...***

Вопрос председателя: ***— Значит, иных способов политической борьбы, кроме способов безнравственных и политически незаконных, в распоряжении Департамента полиции не было?***

Ответ С. П. Белецкого: ***— Я просил бы указать, какой другой способ мог быть».***

Трусевич и Белецкий впоследствии были расстреляны большевиками: оба знали слишком много неприятных подробностей...

Органы политического сыска, тайная полиция никогда и ни в одной стране не пользовались любовью. «Провокатор», «филер», «осведомитель» — малопочтенные синонимы беспринципности и подлости. Методы работы тайной полиции вызывают традиционное отвращение. И у авторов нет особого желания выступать в роли защитников сексотства, поэтому они предоставляют читателю самому делать выводы, заметив лишь, что С. П. Белецкий дал единственно, видимо, возможный ответ на вопрос председателя ЧСК в 1917 году. А блаженно лишь то общество, в котором нет ни тайной полиции, ни фанатиков, уверенных в том, что лишь им известны пути, ведущие к насильственному счастью...

В публикации использованы документы и фотографии Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (фонды Особого отдела Департамента полиции).

Авторы благодарят заведующих отделами ЦГАОР З. И. Перегудову и И. А. Альтмана за предоставление фотоматериалов и ценные консультации.

НАШЕ ИМЯ ОКТЯБРЯТА

Моя дочь пошла в этом году в первый класс в школу, в одну из лучших в районе, надо сказать, с преподаванием английского языка с первого класса. Но сейчас над нами нависла угроза «поголовного приема в октябрята», то есть вступления детей в первую в их жизни политическую организацию, о которой они, кстати, не имеют ни малейшего представления. Это случится 1 ноября. Каюсь, я не смог переубедить учительницу и родителей. Наверно, потому, что нельзя переубедить равнодушных. Как это ни странно, родителям оказалось все равно — будут их дети носить на груди звезду с портретом Ленина или же останутся в детстве свободными от идеологических установок. Да и отдают ли себе отчет инициаторы этого «поголовного приема» в том, что семилеткам совершенно все равно — чье изображение они носят около сердца? Почему до сих пор Комитет по народному образованию или какое иное ведомство, отвечающее за подобные мероприятия, не отменило свое негласное постановление об идеологическом воспитании в начальной школе? Мы говорим о необходимости деполитизации армии и правоохранительных органов, но совершенно забываем при этом о самых маленьких гражданах нашей страны, сознание которых продолжают калечить догмами.

И в данном случае интересна позиция не только педагогического коллектива школы, не отменившего привычного ритуала на исходе пятого года перестройки, но и самих родителей, большинству из которых безразлично, какая идеологическая установка ляжет в основу воспитания их детей. Задумайтесь, в то время, когда по всей стране идет самороспуск комсомольских и партийных организаций, самые маленькие и несмышленые насильно принимаются в октябрята. Станут ли они «верными ленинцами»?

Михаил Иванов
Москва

ЛИСИЦКИЙ — ДЕСЯТИЛЕТИЯ СПУСТЯ

В одной из анкет замечательный мастер русского авангарда Эль Лисицкий перечислил виды своей деятельности: «Инженер-архитектор, живописец, фотописец, печатник». Этот список не полон. Педагог, профессор ВХУТЕМАСа во второй половине 1920-х годов, Лисицкий создал на факультете обработки дерева и металла кафедру по оборудованию помещений, став, по существу, пионером в области отечественного дизайна. Творческая индивидуальность Лисицкого сфокусировала в себе главные черты авангарда: подход к искусству как к «миростроительству», «делание» жизни по законам искусства, но искусства особого рода, основанного на новейших достижениях научной мысли.

В отличие от большинства художников русского авангарда, по преимуществу живописцев, Лисицкий получил образование архитектора. Он окончил архитектурный факультет Высшей технической школы в Дармштадте (Германия), а затем защитил диплом инженера-архитектора в Рижском политехническом институте. При этом трагический парадокс судьбы художника заключался в том, что ни одно здание по его проекту не было построено...

Недолгое время, в 1915—1916 годах, он работал в Москве у архитекторов Р. Клейна и Б. Великовского. Но самостоятельность и известность обрел вначале как мастер книги.

Летом 1919 года Марк Шагал пригласил Лисицкого в Витебск в созданную им Народную художественную школу — руководить архитектурной мастерской, а также преподавать графику и печатное дело. Осенью того же года в Витебск приехал Казимир Малевич, с которым Лисицкий познакомился еще раньше, в Москве. Уже тогда принципы супрематизма Малевича произвели на Лисицкого сильнейшее впечатление. Для молодого художника идеи супрематизма в искусстве были равны идеям революционного переустройства мира, которым он сочувствовал.

В начале 1920 года в Витебской художественной школе возникла группа «Уновис» («Утвердители нового искусства»), куда вошли и преподаватели — К. Малевич, Л. Лисицкий, В. Ермолаева, и талантливые молодые художники — И. Чашник, Н. Суетин, Л. Юдин, Л. Хидекель. В 1920 году был выпущен машинописный альманах «Уновис», богато иллюстрированный и оформленный Лисицким. «Уновис» ставил своей целью обновление возможностей и форм искусства на основе супрематизма и создание средствами искусства новых аспектов самой жизни.

Именно в Витебске 1919—1920 годов, в обстановке пылких мечтаний о судьбах страны, революции, искусства, ожесточенных споров между сторонниками М. Шагала и приверженцами К. Малевича (закончившихся полной победой последних и отъездом Шагала из Витебска), и появились первые проуны Лисицкого — наиболее интересная, выдающаяся часть его творческого наследия. Как и «Уновис», проун — аббревиатура в духе времени, придуманная художником: «проект утверждения нового». Термином «проун» можно, пожалуй, называть не только отдельные произведения. Это особый мир, искусство особых форм и их взаимодействий. «Мы на своей последней станции супрематического пути взорвали старую картину... и сделали ее саму миром, плывущим в пространстве» — в таком стиле писал Лисицкий о проунах в статье с характерным названием «Супрематизм миростроительства» («Уновис», 1920, № 1). Некоторые проуны действительно как бы предвосхитили восприятие пространства, которое обрел человек второй половины XX столетия, вышедший в космос. Ощущение пространства как космоса повлекло за собой новые представления о покое и движении, объеме и плоскости, новые взаимосвязи между предметами и окружающим миром.

Принципы объемно-пространственных решений, заложенные в проунах, оказали несомненное воздействие и на интереснейшую работу Лисицкого в области театра. Его «фигурины» к опере «Победа над солнцем» (либретто А. Крученых, музыка М. Матюшина, пролог В. Хлебникова) были созданы в короткий, но чрезвычайно плодотворный витебский период. Впервые опера была поставлена еще в 1913 году в Петербурге в декорациях и костюмах Малевича. В 1920 году в Витебске группа «Уновис» показала «Победу над солнцем» в костюмах В. Ермолаевой. В 1920—1921 годах Лисицкий исполнил свои эскизы персонажей оперы.

После бурного, хотя и краткого «витебского ренессанса», вернувшись в Москву, Лисицкий зимой 1921 года вел курс архитектуры и монументальной живописи во ВХУТЕМАСе. Осенью этого же года он был командирован в Берлин с целью установить нарушенные войной контакты с деятелями культуры стран Западной Европы. Лисицкий прибыл в Берлин полномочным представителем искусства русского авангарда. Доклады и лекции в Германии, Голландии, персональные выставки в Ганновере и Берлине, дружба с выдающимися художниками Запада: К. Швиттерсом, П. Мондрианом, М. Штамом, Г. Арпом и другими... В 1922 году Лисицкий вместе с И. Эренбургом стал издавать международный журнал «Вещь», посвященный проблемам современного искусства и выходивший на русском, немецком и французском языках.

Нашумевшая первая русская художественная выставка, открывшаяся в Берлине в 1922 году в галерее Ван Димен, а затем показанная в Амстердаме, стала событием не только в творчестве Лисицкого, но в личной жизни: он познакомился с будущей своей женой С. Кюпперс — художницей, искусствоведом.

За границей Лисицкий тяжело заболел, врачи обнаружили острую форму туберкулеза легких. С большим трудом и только благодаря бескорыстной и деятельной помощи друзей, в первую очередь С. Кюпперс, Лисицкому удалось перебраться в Швейцарию. Даже там, в санатории, он продолжал работать: выпускал журналы «Мерц» и «АВС», делал графическую рекламу для фирмы «Пеликан». В Швейцарии же возник замысел и началась работа над важнейшим архитектурным проектом Лисицкого — «горизонтальным небоскребом». Эта работа продолжалась и в Москве, куда Лисицкий возвратился летом 1925 года. К сожалению, полностью он так и не выздоровел.

В первые месяцы московской жизни Лисицкий работал именно как архитектор, работал интенсивно и напряженно, невзирая на постоянное недомогание, отсутствие хоть сколько-нибудь сносного жилья, вопреки трудностям московского быта. Один за другим рождались чертежи и эскизы зданий: текстильный комбинат, дом-коммуна, библиотека-читальня и многие другие. В стилистике работ Лисицкого-архитектора есть несомненные черты конструктивизма. Но его архитектурное мышление было более широким.

После четырех лет пребывания на Западе Лисицкий возвратился в Москву исполненный энтузиазма, страстной веры, что именно здесь, в столице строящегося «нового мира», он вместе со своими единомышленниками осуществит мечту о «миростроительстве», основанном на синтезе искусства и современной техники.

Лисицкий сумел увлечь своей верой других. В 1927 году в Москву приехала С. Кюпперс. Софья Христиановна (как ее звали в Советском Союзе) стала неизменной участницей всех начинаний Лисицкого. В 1930 году в СССР по инициативе Лисицкого прибыла группа западноевропейских архитекторов, инженеров, специалистов по жилищному строительству, возглавлявшаяся Эрнстом Маем. Один из участников группы, архитектор Ганс Шмидт, писал: «Лисицкий был для нас больше, нежели творческая личность. Он олицетворял идею, ...которая означала для нас целый мир ... Я вспоминаю высказывание Лисицкого о том, что, как он думал, мы должны, подобно мастерам-строителям итальянского Возрождения, пойти в разные страны, претворяя наши идеи в жизнь». Однако в той действительности, которая сложилась в стране в 1930-е годы, претворять в жизнь подобные «лучезарные идеи» становилось все труднее. Сам Лисицкий в то время почти совсем отошел от деятельности архитектора-строителя. Его новаторские замыслы, изобретательность и остроумие архитектурных решений нашли выход в оформлении больших тематических и художественных выставок. Лисицкий был создателем павильонов СССР на международных выставках рубежа 1920—1930-х годов в Кельне, Дрездене, Лейпциге, Штутгарте. Подобная реализация таланта мастера симптоматична. «Выставочная» архитектура по самим законам жанра предполагает некую идеализацию, воплощение не столько реально существующих сторон действительности, сколько умозрительно-идеальных представлений о ней. Символична аналогия между деятельностью Лисицкого — оформителя выставок и его работой художника в журнале «СССР на стройке» в 1930-е годы. «Фотописец и печатник» Лисицкий создал ряд превосходных по полиграфическому решению журнальных номеров. Но сам журнал, предназначавшийся в основном для иностранного читателя, год от года все больше становился похож на выставочную витрину, не имевшую ничего общего с жизнью страны.

Самым наглядным и драматическим образом разлад между утопией и реальностью проявился в оформлении Лисицким Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В 1935 году он был назначен главным художником ВСХВ, но вскоре отказался от общего руководства, оставив за собой лишь проектирование главного павильона. Несколько лет жизни отдал тяжело больной художник колоссальному труду. Он исполнил сотни листов с планами залов и стендов, вариантами плафонов и светильников, эскизами декоративной скульптуры и монументальных росписей. Но гигантская по объему работа оказалась явной неудачей. В бесстрастно-симметричных общих планах, скрупулезно и добросовестно нарисованных деталях оформления почти невозможно узнать прежнего Лисицкого — автора смелых, оригинальных архитектурных идей, острых пластических решений. Художник сделал работу профессионально точную, холодно-корректную, и только. Воплотить в архитектуре павильонов темы расцвета колхозов и счастливой жизни крестьянства он был не в состоянии.

Затяжной туберкулезный процесс стал причиной смерти художника. Он скончался в Москве 30 декабря 1941 года.

Судьба его творческого наследия также была драматичной. В 1944 году С. Лисицкая-Кюпперс, как и другие немцы, проживавшие в Москве, была выслана. Она жила в Новосибирской области, а после войны — в Новосибирске. Непостижимым образом, несмотря на тяготы и лишения войны и ссылки, эта замечательная, мужественная женщина смогла сберечь и сохранить произведения и архив Лисицкого. Она отказывалась от самых выгодных предложений зарубежных музеев и частных коллекционеров, чтобы выполнить волю покойного мужа — отдать произведения в советские музеи. Это оказалось очень нелегко. Лишь в 1958 году Лисицкая-Кюпперс смогла приехать в Москву. Здесь после бессмысленных проволочек и затруднений, возникших по вине тогдашних руководителей Министерства культуры, в фонды Третьяковской галереи перешло свыше 300 произведений художника, а также его архив, книги, фотографии. Ценная часть архива тогда же была приобретена ЦГАЛИ.

С. Лисицкая-Кюпперс исполнила еще один важнейший долг перед памятью Лисицкого. Она написала о нем книгу. В монографию, помимо текста и многочисленных репродукций, включены также статьи и письма художника, воспоминания о нем. Эта книга, ставшая основополагающей в библиографии Лисицкого, была впервые издана в ГДР на немецком языке в 1967 году. С тех пор она была переведена на многие языки, но, к нашему стыду, ее русского издания не существует и до сего дня.

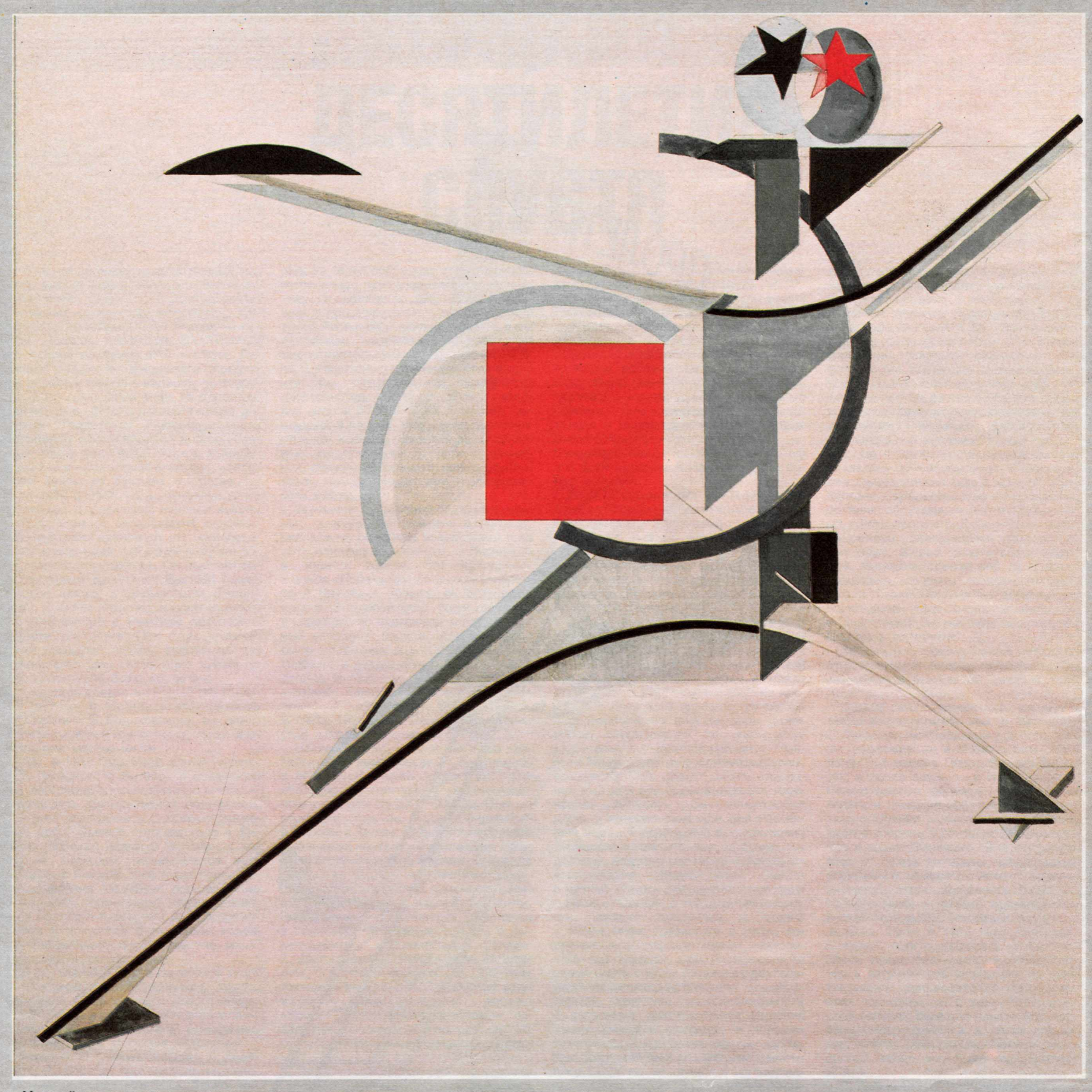
В эти дни в Москве, в Государственной Третьяковской галерее, впервые экспонируется большая выставка произведений Лисицкого, посвященная 100-летию со дня его рождения. И мы рады познакомить вас с работами художника, чье имя во всем мире символизирует расцвет русского искусства и лишь сегодня возвращается к нам.

М. НЕМИРОВСКАЯ

ОГОНЁК

Проект трибуны для площади («Ленинская трибуна»). 1920—1924.

«Новый».
Оформление оперы «Победа над солнцем».

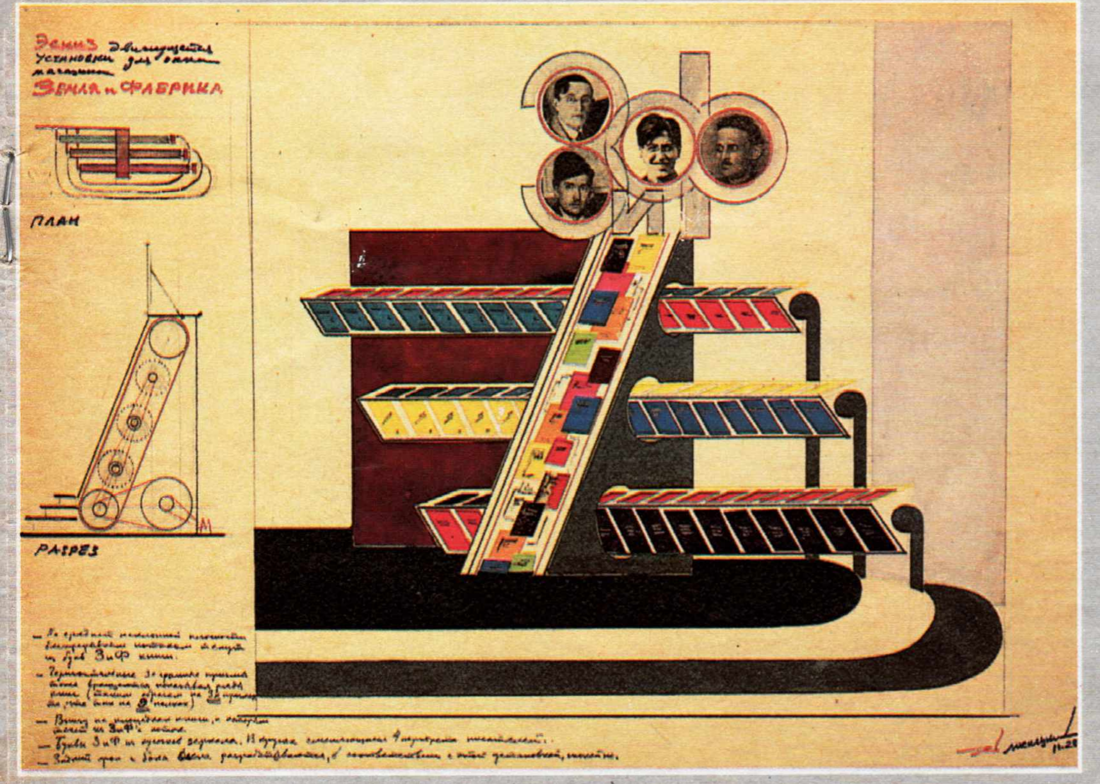
«Футболист». Иллюстрация к книге И. Эренбурга «Шесть повестей о легких концах». 1922.

Иллюстрация к книге «Козочка» («Хад Гадья»). 1917.

Проун 43. 1923—1924.

Проект яхт-клуба международного Красного стадиона на Ленинских горах. Вариант. 1925.

Движущаяся установка для окна книжного магазина издательства «Земля и фабрика». Эскиз. 1928.

«Спортсмены».
Оформление оперы «Победа над солнцем».

Горизонтальный небоскреб. 1924—1925. Проун на тему проекта.

Обложка каталога Первой выставки русского искусства в Берлине. Эскиз. 1922.

Юрий ЕЛАГИН

НЕУСТАННАЯ ЗАБОТА ПАРТИИ ОБ АКТЕРАХ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «УКРОЩЕНИЕ ИСКУССТВ»

II

То великодушное сочувствие, которое выказали Мейерхольду театры Москвы, носило, конечно, вполне платонический характер. Помочь ему никто ничем не мог. На работу его принять без разрешения правительства никто не имел права. Это грозило бы огромными неприятностями смельчаку да и вообще представлялось совершенно невозможным и бессмысленным. Но, к чести русских людей искусства, такой смельчак, совершивший невозможное, все-таки нашелся. И нельзя без волнения вспомнить об этом акте величия духа и бесстрашия в годину самого жестокого террора в истории Советского Союза. Старый Станиславский, уже давно отстранившийся от дел Художественного театра, подал руку помощи опальному Мейерхольду. Великий деятель реалистического театра пришел на помощь своему ярому противнику на фронте искусств, вождю левого, антиреалистического театра. Оба они были большие художники — честные, смелые и непреклонные в своих художественных убеждениях. Оба отдали всю свою жизнь без остатка настоящему, большому искусству — тому искусству, которое, как говорится в старой театральной поговорке, «не прощает измен».

Станиславский позвал Мейерхольда и предложил ему место преподавателя и режиссера в своей театральной студии.

— В Художественном театре я уже больше не хозяин, Всеволод Эмильевич,— сказал великий старик,— а вот в студии еще пока распоряжаюсь. И это место — все, что я могу сейчас вам предложить.

Мейерхольд принял предложение с радостью, а еще через некоторое время Станиславский предложил ему постановку новой оперы в своем оперном театре-студии.

— Так ведь сейчас же никто не захочет идти смотреть мой спектакль,— сказал опальный режиссер своему покровителю.— Опера наша провалится, Константин Сергеевич.

— Вы слишком плохого мнения о москвичах, Всеволод Эмильевич,— ответил Станиславский Мейерхольду.— В таком большом городе, как Москва, всегда найдется несколько сот настоящих любителей искусства, которые придут на ваш спектакль и оценят его.

У нас, в Театре имени Вахтангова, эти переговоры были предметом глубокого и искреннего восхищения и сочувствия. Все плохое в Мейерхольде было забыто. Для всех нас он стал великим режиссером, жертвой борьбы за настоящее свободное искусство... Те, кто был непримиримым и творческим противником Мейерхольда, сейчас доброжелательно молчали. Остальные же не стеснялись говорить открыто и прямо о том, что было на душе. Много еще честных людей искусства оставалось в России в 1937 году.

Между тем ежовщина продолжалась, и темпы ее нарастали...

Работников искусств Москвы аресты коснулись сравнительно меньше, чем других кругов населения, но и среди них оказались жертвы. В особенности пострадали те довольно многочисленные актрисы, которые были женами высокопоставленных лиц, оказавшихся «врагами народа». Так, в Большом театре арестовали и вскоре расстреляли певицу Михайлову. Арестовали и сослали в концлагерь художественную руководительницу Центрального детского театра, талантливую актрису и режиссера Наталию Сац... В Камерном театре арестовали одну из очаровательнейших женщин Москвы, актрису Зою Смирнову. Практически все они были в родственных отношениях с высшим командным составом Красной Армии. У нас в театре арестовали Валентину Вагрину — самую красивую женщину среди всех наших актрис. За несколько недель до ее ареста я сидел на веранде нашего дома отдыха «Плесково» с одной из наших видных актрис и разговаривал с нею на тему о счастье.

— Все мы, вахтанговки, какие-то несчастные. У каждой из нас есть своя личная драма,— говорила мне моя собеседница.— Либо мы любили и нам не отвечали взаимностью, изменяли и бросали нас. Либо нас любили безумно, а мы ненавидели... И есть среди нас одна только действительно счастливая женщина — это наша Вавочка Вагрина. Вот уж кому природа дала все, что только могла дать! И красавица она, каких мало, и муж у нее молодой, умный и богатый, и любит он ее необыкновенно, прямо боготворит, и она его любит. И квартира у них чудесная, и автомобиль! Одних меховых шуб у нее десять штук! И актриса она талантливая, и человек она добрый и милый, и весь театр ее любит. И за что только ей все это дано?..

Действительно, все это была правда. Муж Вагриной, Давид Калмановский, был председателем Союзпромэкспорта. Он часто ездил за границу в служебные командировки, откуда привозил своей красавице жене десятки ящиков подарков. В первой половине тридцатых годов Вагрина была самой элегантной дамой в Москве, обладательницей огромного гардероба великолепных парижских туалетов. Но тогда в разговоре на веранде моя собеседница сглазила Вавочку. Осенью 1937 года арестовали Калмановского, а вместе с ним, в ту же ночь, и его жену. Самого его вскоре расстреляли, а Вавочку сослали в концлагерь. Зыбко счастье в Советском Союзе!

Примерно в это же время (осенью 1937 года) был арестован у нас в театре один молодой актер, носивший громкую фамилию Троцкий. История его ареста была столь оригинальна (а может быть, наоборот, столь обыкновенна), что на ней стоит остановиться.

Желая подработать немного сверх своего скудного театрального жалованья (Троцкий был так называемым сотрудником, то есть актером в массовых сценах, и получал совсем мало денег), молодой человек подрядился раскрашивать стены в клубе Московского завода имени Горбунова. Раскрашивая стены одной из комнат, он снял висевший в ней портрет Сталина и поставил его на пол, прислонив к стене, а поверх него поставил репродукцию с картины Репина «Бурлаки» и еще какие-то другие картины, висевшие в той же комнате. На беду Троцкого в этот момент вошел начальник клуба и сразу же заметил возмутительное непочтение, оказанное портрету великого вождя. Начальник тут же, на месте, арестовал Троцкого, вызвал по телефону НКВД, и через полчаса молодого человека увезли. Когда вахтанговцы через несколько дней попробовали было навести справки на Лубянке о бедном Троцком, то о нем не стали даже и справляться, а ответили, что человек, носящий презренную фамилию злейшего врага советского народа и до сих пор не удосужившийся ее переменить, не может не быть сам врагом народа.

Вообще же в 1937 году оборвались все огромные связи нашего театра в правительственных и высших партийных кругах. Все наши наиболее влиятельные покровители оказались арестованными и в большинстве своем расстрелянными. И Енукидзе, и Сулимов, и Агранов, и Рудзутак, и много-много других, включая и главного начальника милиции Советского Союза Маркарьяна, который за два года до того разрешил моей матери жить в Москве. Кончилась наша привольная жизнь. Кончились связи, к которым та́к часто приходилось прибегать за помощью. Кончились привилегии и преимущества нашего положения. С Олимпа приходилось возвращаться на землю, полную опасностей и неприятных случайностей, советскую землю 1937 года. Еще за год до того красавица Вагрина не сидела бы и трех дней в НКВД. Моментально позвонили бы, попросили бы кого следует, нажали бы, где нужно, и вышла бы наша Вавочка на свободу, да еще домой бы привезли на автомобиле, да еще и извинились бы...

А теперь, при Ежове, порядки стали уже не те. Попробовали было вахтанговцы сунуться куда-то в сферы по старинной привычке, но там им что-то такое ответили, отчего все наши руководители целую неделю ходили какие-то встрепанные, избегая смотреть на нас всех. Арестовали также и нашего нового секретаря парторганизации, присланного из Московского комитета партии совсем недавно на место Вани Баранова. Новый секретарь по фамилии Егизаров был человек бойкий и довольно интеллигентный, но рост имел маленький, а ноги совсем коротенькие. Вероятно, это обстоятельство и послужило причиной того, что на другой же день после его ареста по театру стал распространяться слух, что Егизаров был японским шпионом, природным японцем по национальности. Каким все-таки приходилось быть бдительным, чтобы не попасть впросак! Все мы были убеждены, что Егизаров — самый что ни на есть настоящий армянин, а он оказался японцем.

К 1937 году относится гастрольная поездка Художественного театра в Париж на международную выставку. Конечно, со стороны устроителей выставки было в высшей степени бестактно устраивать ее именно в 1937 году и тем самым ставить Советское правительство в затруднительное и неловкое положение. Как раз в этом году кишел Советский Союз миллионами шпионов, и всякий контакт советских граждан с иностранным миром представлялся особенно нежелательным и опасным. Но терять государственный престиж все-таки было нельзя, и советских артистов пришлось послать на выставку в Париж. Художественный театр показал в Париже три спектакля — инсценировку «Анны Карениной», «Враги» Максима Горького и «Любовь Яровую» Тренева — и блистательно провалился. И мало кто знает, что одним из главных, непосредственных виновников этого провала был не кто другой, как сам Сталин лично.

Художественный совет театра выбрал для парижского турне репертуар гораздо более тонкого вкуса и лучшего качества, нежели три упомянутые пьесы. Директор театра Аркадьев утвердил этот репертуар и представил в Комитет по делам искусств, который его, в свою очередь, утвердил. И только после этого окончательного утверждения узнал Сталин о парижском репертуаре своего любимого театра. Сталину репертуар не понравился. Он нашел его слишком аполитичным и недостаточно пропагандным. Аркадьев был тотчас же арестован, а репертуар был изменен, и из трех спектаклей два оказались вполне пропагандного характера, а третьим была «Анна Каренина» — любимый спектакль Сталина. Но, увы, вкусы парижан оказались отличными от вкусов вождя Советского Союза, и провал Художественного театра был полный. Правда, было бы несправедливо сваливать причины провала только на репертуар. Конечно, главным было то, что Художественный театр, как и все другие лучшие русские театры, к 1937 году завершил путь своей идейной и художе-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—42.

«Чело-век! Это великолепно! Это звучит ... гордо!»

ственной деградации. К этому времени он успел растерять в своем творчестве честность, правду, искренность и свободу. И его некогда высокое искусство превратилось в простое ремесленничество, хотя в этом ремесленничестве и участвовали блестящие мастера своего дела, какими еще бесспорно оставались актеры Московского Художественного театра.

В ночь на 20 декабря 1937 года наш театр выехал на кратковременные гастроли в Ленинград. На следующий день мы узнали, что вагон с нашими декорациями застрял где-то по дороге и первый ленинградский спектакль состояться не может. Таким образом, вечер 21 декабря 1937 года оказался у нас свободным. И именно в этот вечер состоялась в Ленинграде премьера новой симфонии Шостаковича. Это была его Пятая симфония.

Еще с весны 1937 года опальному Шостаковичу предоставлена была возможность давать его новые сочинения для исполнения оркестру Ленинградской филармонии. Правительство руководствовалось в данном случае совершенно правильным соображением, что одно-единственное исполнение симфонического произведения никогда не получит большой огласки среди широких масс, если не будет поддержано критикой и не представит почти никакой опасности в политическом смысле. Зато такое исполнение позволит наблюдать за творческой эволюцией композитора в желательную для правительства сторону, что, конечно, крайне важно.

Еще весной 1937 года дал Шостакович оркестру для разучивания свою Четвертую симфонию ...Написал еще одну симфонию — Пятую. И эту симфонию мы имели возможность услышать вечером 21 декабря 1937 года. В сравнительно небольшом зале — бывшем зале Ассоциации камерной музыки — собрался цвет интеллигенции Ленинграда. Было много писателей и поэтов, музыкантов и артистов, ученых и военных. Зал был набит битком. Молодежь стояла в проходах у стен. При помощи наших ленинградских знакомых мы получили много билетов, и человек тридцать из нас, вахтанговцев, присутствовали на концерте. Помню, в первом отделении превосходный оркестр Ленинградской филармонии под управлением Евгения Мравинского играл Вагнера. Так как всю предыдущую ночь в вагоне поезда я играл с товарищами в шахматы и совершенно не спал, то мне большого труда стоило не заснуть в кресле под звуки «шелеста леса» из оперы «Зигфрид» и «смерти Изольды». Но вот после антракта опять поднялся Мравинский на дирижерскую эстраду, поднял палочку и начал первое в мире исполнение Пятой симфонии Шостаковича.

Когда я потом старался понять причину того потрясающего впечатления, которое произвела эта превосходная симфония на меня и на весь зал, то для меня становится бесспорным, что одних ее музыкальных достоинств оказалось бы для этого недостаточно, как бы ни были они велики сами по себе. И, конечно, понадобился целый комплекс событий, фактов и настроений, чтобы прекрасная музыка Пятой симфонии вызвала у слушателей ее такой взрыв восторга, такую невероятную овацию, такую бурю чувств, какие разразились в Ленинградском концертном зале 21 декабря 1937 года. Лишь только замолк последний аккорд финальной части симфонии, весь зал дрогнул от аплодисментов и встал. И стоя аплодировали бесконечно долго, ни на мгновение не ослабляя аплодисментов. Шостакович выходил на авансцену кланяться бесчисленное количество раз: 10, 20, 40 раз. Он просто ходил, не останавливаясь, от середины рампы до выходной двери на эстраду и сейчас же должен был поворачиваться и идти обратно к рампе. Через полчаса я вышел с моим другом из зала, а овация все продолжалась, и Шостакович все выходил и выходил на авансцену.

Долго ходили мы по берегу Невы, потрясенные только что пережитым. Идти в гостиницу спать мы не могли. До сна ли было нам! Конечно, этот небывалый триумф подготовило талантливому композитору само Советское правительство своей полуторагодичной травлей его и своей невежественной критикой его творчества. И собравшиеся в зале представители русской интеллигенции устроили грандиозную демонстрацию — искреннюю и восторженную — не только в знак своего восхищения симфонией, но и как выражение своего глубокого возмущения нажимом на свободное искусство, как знак солидарности с опальным композитором и сочувствия ему.

Когда мы с моим другом возвратились в отель «Астория», где обычно все мы останавливались, было уже около двух часов ночи. Войдя в вестибюль, мы услышали оживленные голоса и стук тарелок из соседнего ресторанного зала. Мы пошли в ресторан. За длинным, нарядно сервированным столом сидели многие из выдающихся представителей московской и ленинградской художественной интеллигенции. Банкет, судя по всему, начался совсем недавно, и все его участники явно находились под властью тех же самых чувств, которые владели мною и моим другом. Сидевший во главе стола знаменитый ленинградский артист В. постучал ножом по тарелке и поднялся с полным бокалом. Все замолчали.

— Позвольте, товарищи, мне произнести тост,— начал он,— ...и хотелось бы мне всю мою совесть — совесть человека, тридцать пять лет жизни отдавшего искусству, все мои чувства, все

мои идеалы, все мое сердце — все! — хотелось бы мне вложить в этот мой тост. Бывают, товарищи, большие художники, великие артисты, творческий путь которых усыпан розами и которые легко и свободно идут вперед к успехам и славе. Но есть и другие художники. Путь их тяжел, препятствия поджидают их на каждом шагу, дорога перед ними усыпана терниями. Но, несмотря ни на что, идут они все вперед и вперед к самым сверкающим вершинам настоящего большого искусства. Я предлагаю тост за замечательного советского композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича!

Присутствующие поднялись со своих мест и с волнением подняли свои бокалы. Но не успели еще их осушить, когда раздался голос Кузы:

— И за другого большого художника — гордость и славу советского театра — за Всеволода Эмильевича Мейерхольда!

После фурора, произведенного симфонией, опала Шостаковича кончилась. Так было выгоднее для правительства. Шостакович был объявлен перестроившимся. В Пятой симфонии критики нашли обильные залежи и социализма, и реализма. Поистине музыка — дело темное! И кто мог определить с полной достоверностью, что именно хотел Шостакович изобразить в этом, по существу, трагическом произведении, полном внутренних противоречий и глубоких конфликтов? Были ли это чувства восторга перед «победой социализма в одной стране» или что-нибудь совсем другое?

Как бы там ни было, но с начала 1938 года Шостакович больше не разделял с Мейерхольдом высочайшей немилости. А к лету 1938 года появились признаки ослабления опалы и для Мейерхольда. Комитет по делам искусств решил, что полугодичного срока было вполне достаточно для полной творческой перестройки старого режиссера и для осознания им его собственных ошибок. Пришла пора подумать и о возможном в недалеком будущем привлечении его к работе. Изредка в печати стало проскальзывать его имя уже без приложения суровых эпитетов «формалист», «декадент» и т. д. Раз даже его пригласили на заседание театрального управления Комитета по делам искусств. Мейерхольд вел себя на нем крайне сдержанно и скромно, старался больше молчать. В июне 1939 года Комитет по делам искусств решил созвать в Москве Первый Всесоюзный съезд режиссеров. Съезд должен был подытожить достигнутое советским театром за последнее время, окончательно и навсегда поставить его на рельсы социалистического реализма и еще раз осудить формализм. Мейерхольд получил приглашение принять участие в работе съезда, и приглашение это он принял.

Когда я попросил у нашего администратора билет на открытие съезда режиссеров, он серьезно взглянул на меня и сказал:

— Советую пойти не на первый день заседания, а на второй. В этот день будет говорить Мейерхольд.

Будет говорить Мейерхольд! Я взял билет на второй день.

В самый день открытия съезда, 13 июня 1939 года, мы узнали о неожиданном изменении в программе заседаний. Еще задолго до этого дня было объявлено во всех газетах, что участники съезда прослушают три доклада: режиссера А. Д. Попова, артиста Михоэлса и заведующего театральным управлением Солодовникова. Велико было удивление москвичей, когда оказалось, что все три оратора были заменены одним-единственным. Правда, этот единственный докладчик был, бесспорно, самым главным «режиссером» Советского Союза и наиболее выдающимся знатоком «социалистического реализма». Это был сам Вышинский.

Однако в повестке второго дня работы съезда изменений не предполагалось, и выступления Мейерхольда все ждали по-прежнему.

Идя в Дом актера, где происходили заседания, я вспомнил Пятую симфонию Шостаковича. Сейчас и Мейерхольду предстояло выступить с его «Пятой симфонией». Но только его «симфония» была много труднее... Шостакович написал хорошую музыку. Ее сыграли и похвалили. И подвели под нее ту программу, которую было выгодно подвести, ибо музыка все-таки — дело темное. А что мог сделать Мейерхольд? И были ли у него вообще какие-либо возможности, кроме одной-единственной возможности — жестокой и унизительной? Ему предстояло во всеуслышание зачеркнуть все сделанное им за его творческую жизнь и признать правоту его судей. И сделать это в форме открытой и недвусмысленной. Ибо речь, слово всегда ясны и не могут быть истолкованы двояко. И вот смотреть на это унижение большого мастера я и шел на съезд режиссеров. Что это было с моей стороны? Нездоровое любопытство, подобное тому, которое влечет людей смотреть на казнь? Или сочувствие затравленному старику? Странное дело — я испытывал тогда какое-то очень неясное чувство надежды. На что? Я бы не мог ответить на этот вопрос.

Зрительный зал Дома актера был полон. На сцене стоял стол президиума съезда, покрытый, как обычно, красным сукном. Слева — кафедра для ораторов. В глубине сцены — огромный, окруженный цветами бюст Сталина. Уже после моего прихода члены президиума заняли свои места за столом, и председатель объявил очередное заседание открытым. Первые два оратора — режиссеры из провинции — очень бойко, в сильных выражениях говорили об огромных достижениях советского театра за истекший сезон и горячо благодарили за это великого покровителя и друга советского театра — товарища Сталина. После них председатель спокойно объявил: «Слово предоставляется Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду».

Опять я вспомнил «Пятую симфонию», когда дрогнул зал от грома аплодисментов. Со своего места в зале поднялся человек с большой шевелюрой седых волос, с характерным профилем. Со старым портфелем в руке идет он на сцену. Овация не умолкает. Мейерхольд неподвижно стоит на кафедре с каким-то усталым и безразличным видом. Он положил портфель перед собой и спокойно смотрит в зал, выжидая конца овации. А она все не утихает. И даже председатель и члены президиума заразились общим настроением и горячо аплодируют, вместо того чтобы прекратить явную и очевидную демонстрацию. Наконец овация кончается так же дружно, как и началась. В зале становится сразу удивительно тихо. Мейерхольд начинает говорить. Он говорит очень тихо, медленно, голосом глухим и, как вначале показалось, неуверенным. И лишь постепенно загораются его глаза, крепнет и становится уверенным голос. И к концу речи в нем звучит сталь. И на сцене стоит уже не усталый старик, безразличный ко всему на свете, а сильный и бесстрашный человек, пламенный художник — неподкупный и непримиримый...

— Я бы хотел выразить мою искреннюю благодарность организаторам Первого Всесоюзного съезда режиссеров, пригласившим меня принять участие в работе съезда, предоставившим мне возможность выступить на этой трибуне и открыто высказаться о моих творческих принципах и моем отношении к тем многочисленным критическим суждениям, которые были высказаны за последний год по моему адресу. Меня упрекали и упрекают в многочисленных ошибках, которые свойственны моей деятельности театрального режиссера. Я должен сказать совершенно искренне, что я признаю большинство из этих моих ошибок. И вот на них мне хотелось бы остановиться более подробно. С них — с моих ошибок — мне хотелось бы сегодня начать.

Меня сурово осудили за то, что я оказывал вредное влияние на ряд молодых советских режиссеров, способствуя этим зарождению в советском театре печального и вредного явления, которое получило остроумное название «мейерхольдовщина». Я очень сожалею, что действительно не выступал достаточно активно и принципиально против многочисленных бездарных и некультурных режиссеров, которые пытались подражать мне, но перенимали лишь форму моего творчества, да и то с грехом пополам, искажая ее, опошляя, не пытаясь даже близко подойти к моим творческим принципам, извращая мои идеи и не постигая моей художественной цели. Эти горе-режиссеры действительно нанесли и наносят большой ущерб советскому театру, создавая спектакли бессмысленные и безвкусные. Я искренне осуждаю их. И если вы называете жалкое творчество этих режиссеров «мейерхольдовщиной», то я, Мейерхольд, горячо выступаю против «мейерхольдовщины». Это первое.

Второе: меня жестоко упрекают в извращении мною классического наследия. В том, что я делал непозволительные опыты над бессмертными созданиями Гоголя, Грибоедова, Островского. И в этом обвинении есть истина. Действительно, в некоторых моих инсценировках классических пьес я позволял себе чересчур много экспериментировать, давал излишний простор собственной фантазии, подчас забывая, что художественная ценность самого материала, с которым я имел дело, была всегда, во всяком случае, выше всего того, что я бы мог прибавить к этому материалу. И я признаю, что иногда именно в постановках классических пьес мне надлежало больше ограничивать себя, иметь больше творческой скромности. Но все это не относится к моим «Лесу» и «Даме с камелиями». Я убежден, что эти спектакли были хороши, и то, что я внес в них моего, только помогло советскому зрителю понять содержание и идею этих пьес и сделало их более интересными и привлекательными. Это второе.

И, наконец, третье: меня упрекают в том, что я формалист, в том, что я в моем творчестве в погоне за новой оригинальной формой забывал о содержании. В поисках средств забывал о цели. Это серьезное обвинение. Но вот с ним я могу согласиться только отчасти. Действительно, в течение моей творческой биографии я поставил несколько спектаклей, в которых мне хотелось проверить некоторые мои, незадолго до того найденные идеи и мысли именно в области театральной формы. Это были экспериментальные спектакли. В них действительно форма занимала главенствующее место. Но таких спектаклей было немного. На одной руке хватило бы пальцев, чтобы их пересчитать. Да разве мастер (а я все-таки имею смелость считать себя таковым) не имеет права на эксперименты? Разве он не имеет морального права проверять свои творческие идеи — пусть даже оказавшиеся ошибочными — на опыте? И разве в конце концов не имеет права на ошибки? Ибо все смертные имеют право на ошибку, а я такой же смертный, как и все остальные. Но такие проверки, такие эксперименты, которые в самом деле заслуживают названия формалистических, я допускал крайне редко. Все же остальное мое творчество было лишено формализма. Наоборот. Все мои усилия были направлены на поиски органической формы для данного содержания. Я позволю себе утверждать, что мне часто удавалось находить эту органическую форму, вполне соответствующую содержанию пьесы. Но это была всегда моя форма — форма Мейерхольда, а не форма Сидорова, Петрова или Иванова и не форма Станиславского, и не форма Таирова. И она, эта форма, носила все черты именно моей творческой индивидуальности. Но разве это есть формализм?

Что такое вообще формализм, по вашему мнению? Я бы хотел задать также и обратный вопрос: что такое антиформализм? Что такое социалистический реализм? Вероятно, именно социалистический реализм является ортодоксальным антиформализмом. Но я хотел бы поставить этот вопрос не только теоретически, а и практически. Как вы назовете то, что происходит сейчас в советском театре? Тут я должен сказать прямо: если то, что вы сделали с советским театром за последнее время, вы называете антиформализмом, если вы считаете то, что происходит сейчас на сценах лучших театров Москвы, достижением советского театра, то я предпочту быть, с вашей точки зрения, «формалистом». Ибо по совести моей я считаю происходящее сейчас в наших театрах страшным и жалким. И я не знаю, что это такое — антиформализм или реализм, или натурализм, или еще какой-нибудь «изм». Но я знаю, что это бездарно и плохо. И это убогое и жалкое нечто, претендующее называться театром социалистического реализма, не имеет ничего общего с искусством. А театр — это искусство! И без искусства нет театра!

Пойдите по театрам Москвы, посмотрите на эти серые скучные спектакли, похожие один на другой и один хуже другого. Трудно теперь отличить творческий почерк Малого театра от Театра Вахтангова, Камерного — от Художественного. Там, где еще недавно творческая мысль била ключом, где люди искусства в поисках, ошибках, часто оступаясь и сворачивая в сторону, действительно творили и создавали — иногда плохое, а иногда и великолепное,— там, где были лучшие театры мира, там царит теперь по вашей милости унылое и добропорядочное среднеарифметическое, потрясающее и убивающее своей бездарностью. К этому ли вы стремились? Если да — о, тогда вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули вместе с ней и ребенка. Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство!

Ему дали договорить. Может быть, потому, что в зале сидели люди искусства, да и в президиуме съезда тоже. Но, вероятнее всего, потому, что была получена сверху директива — дать Мейерхольду возможность высказаться. «Пятая симфония» была доиграна до конца. Только последствия оказались другими, чем у Шостаковича. На другой же день Мейерхольд был арестован и канул в небытие. Через несколько недель после его ареста была зверски убита у себя на квартире его жена — актриса Зинаида Райх. Убийцы нанесли ей семнадцать ран ножом. После убийства дом оставался окруженным милицией в течение многих дней. Квартира была опечатана НКВД. Все имущество конфисковано.

В «Правде» от 15 июня 1939 года можно найти краткое сообщение о выступлении Мейерхольда на съезде режиссеров. Но это был единственный недосмотр. Нигде после этого, ни в одной из советских газет нет даже упоминания имени Мейерхольда. Нет его имени и в книге о Первом съезде режиссеров, изданной в Москве осенью 1939 года. Потому что имя Мейерхольда для Советской власти стало в ряд с самыми опасными и ненавистными именами.

...Когда настал его решительный час, то у него нашлось большое мужество не унизиться перед невеждами и предпочесть славную гибель. У многих ли его единомышленников достанет этого мужества, когда придет их решительный час?

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Глава седьмая

О ДЕТСТВЕ ГЕРЦОГА, ОБ ИСКУСИТЕЛЕ КАРПЫЧЕ, О БЕЗУМНОМ ТАНГО ПОД ЗЕРКАЛЬНЫМИ ПОТОЛКАМИ И О СПИНКЕ СТУЛА, ЗАСЛОНИВШЕЙ СОЛНЦЕ

«Опять началась какая-то чушь»,— заметил Воланд.
М. Булгаков

И он затянул свою песню — я не перебивал его, попивал себе виски и прикидывал временами, псих он или просто так.

— Мой отец служил в лагере, где я и родился; сам он деревенский, приехал в семнадцатом посмотреть на большой город и накупить гостинцев, а попал в заваруху — принял в суматохе сторону трудящихся, получил пару пуль в гражданку. Потом призвали его в интересную организацию... Но человек был добрый, незлобивый, на балалайке хорошо играл... До сих пор помню: воскресенье, луна над тайгой, он в гимнастерке и сапогах, с балалайкой в руках, она то хихикает, то плачет... Мы сидим — мама, я и он — на скамейке у дома.

Я, конечно, полагал, что отец сторожит отпетых преступников — что я тогда понимал? — да и уголовников там хватало, не только политических. Однажды двое бежали, убили часового, взяли оружие. Отец возглавил группу преследования, беглецы яростно отстреливались, и оба погибли. Отец рассказывал, как убил одного их них, просто рассказывал, как нечто совершенно обыденное: зашел сбоку, встал за дерево, прицелился, мягко нажал на курок, выстрелил. Потом взял свою балалайку и заиграл, а я все пытался себе представить: как это?.. Есть человек, и вдруг его нет?.. Неужели так когда-нибудь произойдет и со мною?

В детстве, Алекс, смерть чувствуешь гораздо острее, она кажется ужасной и невозможной, с годами дубеешь и привыкаешь к этой мысли, постепенно, но привыкаешь...

А потом вытянул один дружок моего отца в столицу и устроил в известное костоломное подразделение, где не миловали ни чужих, ни своих, доводили все дела до победного конца.

Правда, отец по малограмотности был там на подхвате, на следствия его не допускали, а для палаческих функций он не подходил: тут тоже подбирали с учетом характера, а он был мягковат... так мне казалось по крайней мере.

Однажды подсадили его в камеру к редактору одного журнала, а тот на другой день возьми и напиши записку начальнику: «Уберите от меня этого дурака, мне тошно от его глупых вопросов!» Довелось ему быть и на обыске жены Троцкого, рассказывал об этом скучно: мол, кричала все время: «Кого обыскиваете? Отца нашей революции! Вам еще зачтется все это!»

И зачлось в скором времени. Дальний знакомец папы, один директор завода, был арестован и после допросов выбросился в пролет лестницы — тогда еще железных сеток там не было,— но умер не сразу. И по мистической причине, хотя они лишь пару раз где-то с отцом выпивали, на каменном полу, весь разбитый и окровавленный, начал повторять, словно в бреду, имя отца. Его тут же взяли. Отсидел он полтора года во внутренней тюрьме, ожидая расстрела, но тут царица-случайность помогла. Клеили ему обвинения в троцкизме, и дело попало к дружку по отделению, а тот порядочным человеком оказался, взял дело и к начальству: «Да какой он троцкист, если грамоте лишь недавно выучился и с трудом рабфак окончил?» И убедил. Выпустили отца и выгнали со службы... Правда, отправили из столицы в далекий городок, помогли устроить на должность инженера в какую-то инспекторскую организацию — у нас же все инженеры, правда?

Началась война, и он сразу пошел на фронт. Отвоевал, и снова взяли отца в отвергнувшую его организацию, тем более что после войны дел не поубавилось, с запада шли пленные, их приходилось фильтровать, отсеивать, высылать и сажать. Назначили отца большим начальником в приграничный областной город, где, между прочим, пошаливали местные враги режима.

Знаете, как у нас в провинции, Алекс? Три там хозяина: партийный босс, начальник округа и глава карательной организации. Жили мы... куда там аристократам! Двухэтажный особняк с часовым у входа, яблоневый сад с забором, над которым заграждение из колючей проволоки, две немецкие овчарки.

В общем, голода и разрухи я не ощущал, радовался жизни и собакам, раскатывал на отцовских автомобилях с его личным шофером (у отца были «ауди» светло-кофейного цвета с открытым верхом, «опель-капитан» и «опель-кадет»), раскатывал и не понимал, почему люди смотрят на меня угрюмо, без всяких восторгов, а со страхом...

Я уже в школу ходил и кое-что понимал, читал серьезные книжки, самообразовывался и даже отца просвещал. Народ вокруг него крутился боевой, энергичный, словами не бросались, обстрелянный был народ, закаленный. Иногда напивались до чертиков. Помню друга отцовского, генерала в красных трофейных кальсонах, орал он что-то о бандитах на постели в подпитии — рядом девка полуголая,— вдруг как вытянет из штанов на стуле пистолет и давай палить в потолок...

Хорошо помню юбилей отца. Собралась местная элита со своими бабами — все глупые как пробки, в тысячу раз тщеславнее мужей, все помешаны на трофейных тряпках — кто-то встал и говорит: «За юбиляра мы еще выпьем. А первый тост наш, товарищи, за вождя народов, за гения человечества»,— и так далее. Впервые я почувствовал какую-то несправедливость: почему за него, если у папы юбилей?

Все это я вам сейчас рассказываю с ухмылочкой, Алекс, но тогда вся эта братия вызывала у меня восхищение, да и вбили мне уже в голову, что нет ничего более святого, чем наша служба, в которой самые честные и кристально чистые, преданные навеки!

Капитализма никто не видел, но ненавидели его люто, собственность презирали, но не отказывались, если что плохо лежало... Не все, правда. Отец, например, рвачом не был, деньгами швырялся налево и направо, ни о какой машине или даче и не заикался, хотя все это легко мог приобрести... И в то же время роскошный особняк, часовые, денщики, государственные машины. Но это считалось вполне в порядке вещей.

Учился я прилежно, но сейчас думаю, что отметки мне завышали, стараясь угодить отцу, хотя он и в школе ни разу не был, никого там не знал. Мать в больнице работала, жила своей жизнью и вскоре ушла от отца к какому-то доктору в коммуналку. Передо мною встал выбор, и я остался с отцом, хотя мать любил больше, а еще больше любил особняк и яблоневый сад, где стрелял воробьев из мелкокалиберной винтовки.

Если бы только все это были ошибки незрелой юности, Алекс! Когда я впервые попал в Париж, прошелся по Монмартру, осмотрел Лувр и другие красоты города, не восторг и благоговение охватили меня, а снисходительное презрение к ухоженным газонам, к горничным с детьми в тенистых парках, к благоустроенным квартирам и хорошо одетым людям в автомобилях. Понятно, если бы я жил в нищете, хотя эта проклятая зависть перевернула нашу страну кверху дном, а я ведь... что говорить? Возмущался я, что трудящиеся обуржуазились и забыли о великом будущем и великих принципах, которыми дышит Мекленбург! Почему не уничтожают они свой прогнивший строй и не создают царство свободы, равенства и братства? Верил во все это, говорю как на духу.

Помню, еще дома, когда я был в гостях у знакомого художника, собиравшего иконы и антиквариат, в большой квартире, обставленной старинной мебелью, я спросил его: зачем нужны ему все эти вещи? Он аж растерялся: все это прекрасно, друг мой, ибо сделано рукой мастеров, рукой человека. «Но это же собственность!» — воскликнул я, не понимая, как прогрессивный человек может жить мещанским собирательством.

Боже мой, Алекс, какую жизнь мы прожили! Сплошной туман! А жили ли вообще или только казалось, что живем?

Юджин схватился за голову, потом за свой стакан. Мысли его удивительно перекликались с моими, мне даже стыдно стало, что у нас существует нечто общее — что общего может быть между солдатом незримых окопов Алексом и сбежавшим подонком? Впрочем, я слушал внимательно его исповедь (если это не была полная лажа) и кое-что наматывал на свой гусарский ус.

Одновременно я посматривал на чуть-чуть приоткрытые пухлые губки Матильды и прикладывался к виски, вдруг запахнувшему вересковыми полями, бутылка таяла на глазах, ибо вылезший из трясины возддержания Евгений подливал и подливал в свой бокал, щедро смачивая свою исповедь. А на кой леший тащить его в Лондон? Почему не попытаться нейтрализовать прямо в Каире, в оазисе восточной цивилизации? И снова идефикс с пирамидой Хеопса: «Какая красота, Юджин, взгляните вниз! Как блестят на солнце минареты...» (и кончиком зонта в спину).

Ты что, спятил, Алекс? О чем ты думаешь? Как там у Святого Матфея? *Не убивай, кто же убьет — подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата... своего...* Хватит виски, кровожадный Алекс, оно распаляет твою фантазию, лучше прикинь, можно ли вывезти его прямо из города? Куда? В какую-нибудь соседнюю страну, идущую славным мекленбургским или некапиталистическим путем... Не убивай, кто же убьет — подлежит суду. И не надо убивать, надо нейтрализовать! Ха-ха и еще три ха-ха.

Сколько подобных историй я наслушался в своей жизни! Что там счастливая смерть на каменных плитах и приключения папочки Юджина! И о быстрых выстрелах в затылок арестованным, уверенным, что

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—42.

их ведут на концерт тюремной самодеятельности, и о сваленных в навозную яму мертвых и полумертвых телах, и об избиениях привязанных к стульям заключенных...

А впрочем, все можно выкрасить в один цвет и вымазать грязью. Бывало ведь и весело, люди жили, дарили цветы женщинам, любили, ели семгу, занимались спортом. И в работе была масса незабываемых хохм. Философ и поклонник ливерной колбасы не раз рассказывал за бутылкой, как он брал крупного шпиона, скрывающегося на тайной квартире, как грозно стучал в дверь и угрожал сорвать ее с петель, как орал на хозяев, утверждающих, что в квартире никого нет. И вдруг в тишине звуки пишущей машинки из чулана в дальней комнате (О, вот он где! Он там печатает прокламации! Взвод, в ружье!), рука сама собой вырвала из кобуры маузер, рывок к чулану — и перед бойцами в кожаных куртках... кролики! Сидели себе и стучали лапами по полу, усеянному крошечными шариками... О, как мы хохотали и как славно шла белая под ливерную колбасу за шестьдесят четыре цента фунт — такие цены в капиталистическом раю и не снились!

— Вам все это, наверное, скучно,— услышал я голос Фауста,— но я все-таки продолжу! — И Алекс встрепенулся и снова превратился в гнусную черную собачонку, бегущую за доктором Фаустом и еще не принявшую облика зловещего Мефистофеля, поющего «Сатана там правит бал!».

— Я слушаю вас очень внимательно, Юджин.

— Я немного нуден, но иначе вы не поймете, почему я порвал со своим прошлым и возненавидел шпионаж... Итак, я осмысливал житье и делал жизнь с того товарища в шинели, который одиноко высится на постаменте, повернувшись спиною к известному зданию. Я окончил школу с золотой медалью, поступил в престижный институт... А мать, между прочим, ушла от своего доктора и вернулась к отцу, вышедшему на пенсию, до сих пор живут они и здравствуют в этом зеленом городе. Думаю, что отец проклял меня, если ему сообщили... во всяком случае, на словах. Что стоят слова, если пенсии можно лишиться? Что-то у вас сонный вид, Алекс... Постарайтесь понять меня, вы, как мне кажется, неплохой человек и сохранили остатки совести[1].

Но вы, Алекс, принадлежите к породе людей, созданных для служения государству, и это не оковы для вас, а высшее предназначение. Вы, Алекс, прирожденный служака, не обижайтесь, Бога ради, в этом смысле вы выдающийся человек! Я, например, всегда в сомнениях, всегда мечусь, ни в чем у меня нет уверенности. А вы... вы из другого теста, вы человек действия и отлично могли бы служить всем: и Робеспьеру, и Бонапарту, и Рузвельту, и Гитлеру, и папе римскому; не обижайтесь, это прекрасное качество. Такой уж вы человек! Не зря вас высоко ценит начальство![2]

— Не отвлекайтесь, Юджин,— заметил я сухо.— Мне очень интересно слушать вас. Итак, вы оказались в институте...

— Извините, я действительно склонен отвлекаться... Рита, ты не сходишь еще за бутылкой? Как говорит отец, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!

Матильда махнула грудью, еще раз опалив ею мое задремавшее либидо, и молча вышла из комнаты. Вернулась она с бутылкой довольно быстро, словно боялась пропустить исповедь.

— Поехали в Лондон, Юджин,— сказал я прочувствованно.— Я обещаю, что все устроится так, как вы хотите![3]

Но он словно пропустил мои слова мимо ушей.

— В институте я решил вылепить из себя просвещенного человека,— продолжал он,— составил себе программу, включил древних греков, современных полузапрещенных поэтов, стенографические отчеты... Разрывали меня там мечты и амбиции великие, хотелось мне стать Талейраном, полковником Лоуренсом, Кузнецовым или каким-нибудь другим великим разведчиком.

И все ожидал я, что меня пригласят и осчастливят,— на кого же, как не на меня, потомственного охранителя устоев, обратить внимание? Ведь я принадлежал к почетному шпионскому клану (разницы между разведкой и контрразведкой я тогда не усматривал), самому надежному, самому проверенному и безраздельно преданному Великому Делу.

Все ожидал я, что меня пригласят в какой-нибудь высокий кабинет и из-за стола выйдет человек в штатском, с уставшим лицом и грустной улыбкой. Я представлял, как он усаживает меня рядом на кожаный диван, говорит об огромном доверии ко мне и предлагает совместно работать во имя высших государственных интересов. Конечно, не против своих, не в роли стукача, хотя в общем-то я и на это пошел бы, если предложили бы под благородным соусом: скажем, студент такой-то часто бывает в американском посольстве... Ну как на него не доносить? Тут уж сам Бог велел, это же не анонимная записочка о том, что некто слушает регулярно Би-би-си. Нюанс ведь есть, правда? Какой все-таки сукой я был!

Но институтские годы шли, и никто не прибегал к моим услугам, никто не вызывал! Сначала я объяснял это тем, что мудрая служба ожидает моего дозревания до такого амплуа, и удесятерял усилия в деле самоусовершенствования, но минул четвертый курс, а все не появлялся на горизонте человек с грустной улыбкой.

Тут я уже начал нервничать: уж не попал ли я в число недостойных или, не дай Бог, подозреваемых? Я всегда был осторожен в связях, но еще раз взглянул на круг своих знакомых (близких друзей я не имел, ибо не находил среди окружения равных по уму и таланту) и быстренько вычистил из него и тех, чьи родственники отсидели, и тех, кто иногда высказывал спорные мысли. Но и после этого не пригласили меня в таинственный кабинет... Тогда я пошел еще дальше и отсек от себя знакомых из мира богемы и евреев: может быть, они пугали моих ангелов-хранителей? Но и тогда лед не тронулся, а учеба шла к концу, и многие уже прикидывали, каким образом устроить свою судьбу.

А тут еще небольшая практика за границей, коечто выехал, а меня не взяли! Я совсем в панику впал и решил, что это из-за Каутского, да! да! стоял у меня на полке томик Каутского о «Капитале», изданный у нас, но по тем временам способный навести на определенные размышления. Жалко было Каутского жечь, а оставлять где-то еще опаснее: ведь могли и по отпечаткам пальцев, и по пометкам на страницах легко определить владельца... Пришлось закопать Каутского, так он до сих пор в земле и лежит, тлеет себе преспокойно. Но и тогда не раздалось долгожданного приглашения! Молчали компетентные органы, словно обиделись на меня за что-то.

И тут грянул фестиваль молодежи 1957 года, помните, как он прорубил окно в Европу? Событие революционное, я сказал бы, эпохальное, у многих тогда раскрылись глаза... Боже, как жрали бесплатную икру и осетрину и мы, и иностранцы! До победного конца, до поноса! Какую коммунистическую скатерть-самобранку расстилали прямо на воздухе, с проходом по фестивальному пропуску! Куда там парижскому «Максиму», двери которого открыты для всех — для богатых и бедных, но только взглянешь на цены, и пропадает аппетит!

Меня определили на фестиваль переводчиком, представили руководителя и его заместителей, среди которых своим чутким натренированным годовыми ожиданиями нюхом я сразу выделил низкорослого улыбчивого человека — улыбка, правда, была не грустная, наоборот, бодрящая, вселяющая вечный оптимизм... Звали его Василием Поликарповичем, или, нежнее, Карпычем,— так мы его называли за глаза. Переводчики при упоминании имени Карпыча как-то значительно поджимали губы и придавали лицу чрезвычайную серьезность — ведь сами понимаете: засмейся некстати, и кто-то настучит, что не уважает или пренебрегает,— он ведал, естественно, общими вопросами, не владел иностранными языками, не видел особой разницы между, скажем, японцами и китайцами, не разбирался в премудростях пропаганды — в общем, по всем параметрам принадлежал к нашей уважаемой внутренней организации, ловящей шпионов.

Решительности у меня никогда не хватало, но тут уж ситуация сложилась отчаянная, я решил пойти ва-банк и постучался однажды в дверь его кабинета. Встретил меня Карпыч ласково, угостил чаем, слушал, не перебивая, лишь ложечкой иногда позванивал, а я поведал ему с пафосом, что мой отец — старый сотрудник службы, и так далее, и тому подобное, и вот сейчас, когда вокруг иностранцы, я счел своим долгом... Ну что вам, Алекс, рассказывать? Разве мало вы встречали добровольцев даже среди англичан, которых уж никто силой не тянет в нашу повозку? И не ради денег, а из высоких побуждений, из ненависти к частной собственности и из восхищения самыми передовыми идеями!

Карпыч поблагодарил меня, но не дал определенного ответа — это меня совершенно убило. Как же так? Я ведь уже среди своих испаноговорящих вычислил и агентов Франко, и агентов ЦРУ! Уже потом я узнал, что до меня просто не доходили руки: и институт, и фестиваль обслуживался целыми полками агентуры. К тому же, как известно, агентов лучше вербовать не из своей среды, а в стане обиженных, репрессированных, диссидентствующих. Им ведь верят больше!

И вдруг после фестиваля подарок судьбы: телефонный звонок, и рокот приятного баритона Карпыча.

— Здравствуйте, Женя! Узнаете? — Обычный вопрос малоинтеллигентного человека, уверовавшего в запоминаемость своей исключительной личности, включая голос.

Но я узнал его сразу, и сердце рванулось из груди от радости и гордости, я уже знал, что меня оценили и взяли! взяли! словно приобщили к лику святых.

А потом пошло-поехало. На следующий день встретились мы с моим благодетелем и его рыжим товарищем по имени Жорж, веснушчатым парнем лет тридцати, который раскрывал рот лишь в те моменты, когда Карпыч пил или жевал, прошли в ресторан, где Карпыча хорошо знали и почитали, столик накрыли с невиданной для нашей державы скоростью и сразу принесли бутылку трехзвездочного...

Я кое-что представлял о секретной работе и все ожидал, когда Карпыч возложит на меня, как говорится, конкретные задачи — так мы привыкли к задачам неконкретным, что вынуждены употреблять дополнительный эпитет — и раскроет тайны моей миссии. Но мы пили себе, Карпыч заказал еще бутылку и по второму шашлыку... Шла обычная пьяная болтовня, Карпыч за что-то отчитывал рыжего, красиво пили, ничего не скажешь, ребята были здоровые, правда, через десять лет обоих выгнали за пьянство, но это уже другой разговор!

Больше всего поразил меня финал нашей трапезы: Карпыч оплатил счет, положил его в карман и вдруг достал из пиджака небольшой блокнот.

— Женечка, ты напиши расписочку: «Мною... как тебя назвать покрасивее, не возражаешь против... «Рема»? Мною, «Ремом», получено на оперативные расходы пятьдесят». Подпись. Число.

Я, естественно, написал.

— А теперь давайте, ребята, на посошок! И за твой день рождения, «Рем»!

Мы выпили, и я заглянул ему в глаза, ожидая, что сейчас он передаст мне конверт с деньгами, поставит конкретные задачи, объяснит, на кого их тратить. Но он не передавал, и я совсем смутился.

— Ты что? — улыбнулся он.

— А на что я должен эти деньги истратить?

Карпыч лишь расхохотался в ответ, расхохотался тихо, профессионально, не привлекая внимания окружающих.

— А мы их уже истратили, Женечка! Понимаешь, наша бухгалтерия на угощения выделяет мало, еле-еле на бутерброды хватит. В тридцатые годы, видно, нормы утверждали... Так что привыкай!

Так состоялось мое боевое крещение, мое посвящение в рыцари, и вскоре подключили меня к какой-то группе, как говорится, прогрессивных журналистов, исходивших любовью к нашей стране и жаждущих описать все достижения. И показал мы по отечеству. То ли группа подобралась такая, то ли слишком большие я питал иллюзии, но ничего, кроме отвращения, не оставили они у меня в душе: бессовестные иждивенцы, им бы пожрать и попить за чужой счет, встречал я таких потом тысячи раз, и каждый раз обида и ненависть мучили меня, обида за наш обобранный народ, позволяющий себя околпачивать. Как ненавидел я этих иностранных жуиров, друзей пролетариата, попивающих водочку и в наших посольствах, и в наших южных санаториях!

Во время поездки я завербовал одного левака, впрочем, он сам себя завербовал давно, что-то есть в этих леваках противное, как вы думаете, что?

Карпыч оценил мое рвение и решил специализировать меня на ролях Дон-Жуана — видимо, мой солидный нос производил на него впечатление, человек он был простой, без затей...

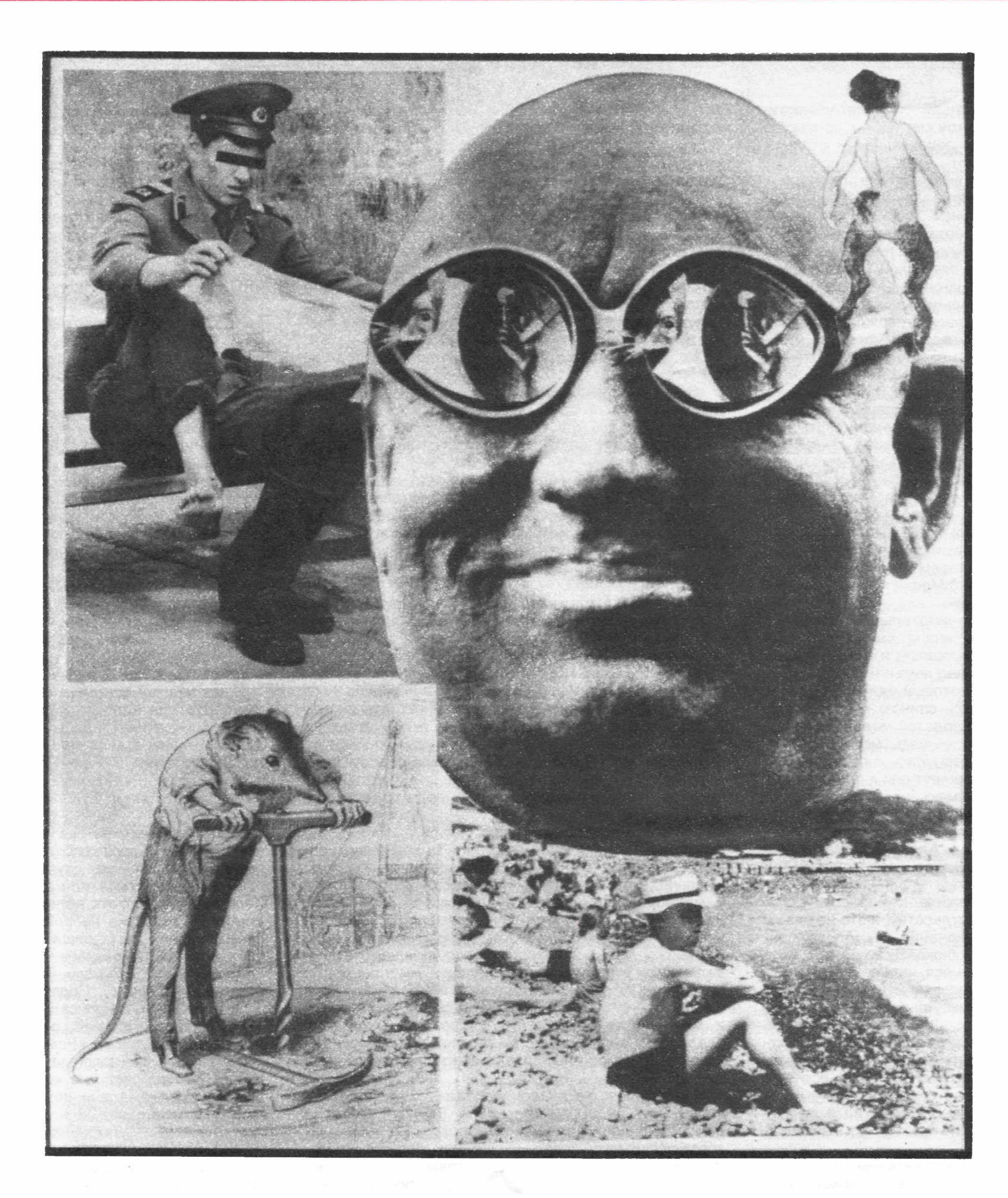
Первая примерка новых одежд состоялась в шикарной гостинице, куда наш агент, лысый старик из какого-то издательства, приволок двух секретарш голландского посольства, я же вроде бы случайно оказался в зале ресторана и проходил мимо столика,

---

[1] Я тут же вспомнил, что у Шекспира какой-то кровавый циник изрекал, что величайшая фантазия, именуемая совестью, ничего не значит и лишь делает человека трусом.

[2] Я уже начал подозревать, что и в моем личном деле он покопался. Спасибо начальству, если в нем лежали такие лестные характеристики!

[3] Как говорил Учитель, обещания похожи на корку пирога, и дают их для того, чтобы нарушать.

за которым они пировали. Старик меня окликнул, обнял, как давнего знакомца, усадил, несмотря на мое разыгранное сопротивление, представил дамам... В общем, простенькая комбинация на уровне сельпо, хотя простые методы работы никогда не устаревают, они ведь рождены жизнью — куда уйдешь от случайных встреч? Убежден, что и Фуше, и Гиммлер, и Брюс Локкарт работали теми же методами, что и неприметный Карпыч.

«Конт» опорожнил бокал, а мне вдруг захотелось прижаться к груди Матильды: Мефистофель уже был подшофе, да и вообще я обожал танцевать с незнакомыми женщинами, вдыхать их новый, еще не познанный запах[4], жадно пожирать его, запах так много значил для меня, видимо, моя жизненная сила скрывалась в ноздрях, как у карлы Черномора — в бороде.

— Включите что-нибудь веселенькое, Бригитта,— попросил я и сверкнул глазами, перед которыми никто не мог устоять.

И вдруг зазвучало танго, модное танго пятидесятых годов. И я даже физически ощутил, как танцевал его с Риммой на танцплощадке в духоте южной ночи, и к Римме вдруг пристал здоровенный пьянчуга и начал задираться. Я чуть с ума не сошел от ярости, заломил ему руку простеньким приемом (в семинарии по самбо и прочим подобным предметам я всегда держал первое место), из какой-то бесовской мести заставил его вынуть из кармана паспорт, заложить его в зубы — он стонал — и довел его в сгорбленном положении до отделения милиции. Ах, Алекс, буйная головушка, бери на абордаж свою погубительницу!

И мы затанцевали с Бригиттой картинно и нежно,— если бы не этот упившийся Фауст, следящий за нашими движениями с расплывчатой мерзкой улыбочкой, то танго затянулось бы надолго. Но все прекрасное в этом прекрасном из миров кончается слишком быстро,— кончилась пластинка, я выпустил трепещущее сокровище из рук и присел за стол.

Юджин только и ждал, когда мы закончим, и сразу же раскрыл свою варежку.

— С голландками дело не выгорело, птички они были стреляные и на такую туфту не клюнули — видимо, хорошо их инструктировал посольский офицер безопасности. Но Карпыч не унывал, верил в мое будущее, верил и надеялся, что я оправдаю доверие, и потечет в его раскрытые мешки золотая, сверхсекретная информация. Странная это вера у наших работников — убеждены они, что женщина, если с ней переспать, обязательно нарушит все законы и выдаст все секреты! Откуда это идет? Неужели они верят, что случайная связь — это уже роман Ромео и Джульетты? Думаю, что от примитивности это идет и от собственных жен. Но доля истины тут есть, впрочем, в любой глупости всегда есть доля истины... Многие на этом ожглись, но кое-кто схватил и звезды: ведь были стервы, которые и документы крали, и мужей своих вербовали.

Итак, причастили меня к великому делу шпионажа, успокоилась наконец моя досель не завербованная душа, получил я своего духовника в лице Карпыча, пропал комплекс неполноценности честного гражданина своего отечества, ужасный комплекс, между прочим. Сколько я встречал людей, угнетенных недопуском к секретной информации или табу на выезд за границу! Одного моего приятеля, приехавшего из-за границы, задержали вдруг в отпуске без объяснения мотивов, а у него уже билет за рубеж куплен. Приехал он ко мне домой с початой бутылкой, руки трясутся, белый, как полотно, словно перед казнью. Все гадал: почему? почему? что случилось? И представляете себе, на следующий день повесился! Привязал ремень к трубе в клозете и туту! А оказался пустяк: бумаги его где-то задержались, а его повышали в должности...

Как мы все измельчали! Вертер покончил с собой из-за Лотты, полковник Редль — из-за бесчестья, Томский не хотел пачкать свое имя, Фадеев не вынес бремени прошлых грехов... Да у нас любого начальника отстраните от должности — и уже инфаркт или запой! Но опять я отвлекся, извините меня, Алекс, стройностью мысли не блещу, к тому же давно не говорил с соплеменником.

Однажды встретились мы с Карпычем в каком-то мрачном дешевом кабаке (от шикарных ресторанов мы к тому времени уже отошли, ведь я стал уже ценным агентом, а там вокруг иностранцы!), как обычно, боевой стандарт: сначала два по сто пятьдесят, потом еще по сто пятьдесят, потом по двести,

[4] И снова Вилли: «Роскошная смесь запахов негодяя, поражающая ноздри».

чтобы не размениваться на мелочи. Закусывали легко, стараясь не особенно вырваться за служебную смету.

И тут, Алекс, подбрасывает мне благодетель Карпыч золотое дельце: студентка француженка, собирается поступить в разведку, приехала туристкой, но, видимо, с заданием, знает немного наш язык, и, как выразился мой шеф, слаба на передок и недурна на вид. Карпыч мои задачи сформулировал скромно: познакомиться на нейтральной почве и попытаться развивать контакт — извините за служебный язык, но тогда его слова звучали, как симфония. Вербовать Нинон — так звали мою жертву — Карпыч не призывал, над блюдом еще следовало поколдовать, серьезно его разработать: ведь о девице известно было мало.

Накануне ее прибытия, захватив из дома выходной костюм, шитый на заказ по всем правилам нашего отечественного уродства, поселился я под чужим именем в первоклассном отеле в качестве скромного аспиранта, прибывшего в столицу для завершения диссертации.

Нинон, на которую мне указали во время регистрации у окошка, оказалась смуглой, похожей на латиноску женщиной, не Софи Лорен, конечно, но весьма милой, особых порывов во мне она не пробудила. По докладу наружного наблюдения — обставили ее так, что и комар не пролетел бы,— первый вечер она провела у себя в номере. Вот и готовый сценарий: два аспиранта, объединенные любовью к науке и уставшие от одиночества, находят друг друга в гостинице, естественно случайно, все случайно в нашей жизни: и рождение, и смерть, и любовь, и все это ужасно, Алекс!

Ох, как я ненавижу все эти комбинации! И не потому, что нахожу в них нечто противоестественное, а из-за нервотрепки и вечной боязни неожиданности, которой воздух пропитан! Стараешься, стараешься и вдруг — бац!— словно кирпич на голову: извините, я с вами говорить не могу, у меня свидание! — это я все о случайной встрече толкую! о самых тонких подходах с расставленным неводом, сквозь который так часто уходит рыбка. Я, например, бегу ото всех случайных знакомств, как заяц. Садясь за столик, где уже сидят, испытываю неловкость, словно вошел в чужую спальню, скажу «приятного аппетита» и замолкаю, чуть ли не краснею от смущения, иногда на вернисаже разговоришься с интересным человеком и рад бы продолжить знакомство, да неудобно!

Но хватит философствовать... Итак, на следующее утро я проснулся рано и сразу встал, как бегун, на стартовую дорожку в ожидании сигнального выстрела. Позвонили: вышла на завтрак. Я сломя голову помчался вниз по лестнице, придал физиономии... как бы вам сказать? этакое скучающее выражение — с таким лицом Онегин являлся на бал или наводил лорнет на ложи незнакомых дам — и открыл дверь кафе, где одиноко сидела моя избранница, по-нашему — объект.

Наши взгляды встретились на миг, она тут же снова уткнулась в меню, а я помотал головой и со страху прямо подошел к ней.

— Извините, могу я подсесть за ваш столик? В зале никого нет, а мне скучно сидеть одному...

Прямо скажем, более идиотского предлога не сыщешь, но, видимо, моя растерянность и непосредственность подействовали на нее благоприятно, а если она действительно была связана с разведкой, то представляю, как хохотала в душе.

— Пожалуйста... пожалуйста.

Дальше пошел обычный треп: «Вы не с юга? почему акцент?» — «Я из Франции...» — «Да не может быть! Так хорошо говорите! Где вы изучали наш язык?» — «В Сорбонне».— «А по-испански вы не говорите?» — «О, какой у вас испанский! Неужели у вас так хорошо преподают? Откуда вы?» — «Да приехал к диссертации готовиться...» — «Какое совпадение! И я тоже! А какая у вас тема?» — «Татаро-монгольское иго. Знаете, если бы не татары, мы обогнали бы европейские народы... мы ведь стали на пути татар, как стена...» — «Я кое-что читала об этом...» — И пошло — пудрил я ей мозги не без вдохновения и не без результата. Договорились встретиться у библиотеки, потом пошли в музей. «Ах, какие у вас импрессионисты, не хуже, чем в Париже!» — «Хотите, я покажу вам иконы? А вот взгляните, какой уникальный Гоген!»

В живописи я был неплохо поднатаскан, ибо одно время дружил со старым художником-абстракционистом, правда, когда впал я в панику из-за неопределенности своего нестукаческого положения, пришлось вымарать его из списка знакомых.

Юджин налил себе в бокал и пошел за льдом, а я включил музыку и снова не пощадил Бригитту, прижались мы тесно и пахла она призывно, была некая тонкость в ее запахе, к которому примешивались ароматы «Коти» («Цыганка с картами — дорога дальняя, дорога дальняя — казенный дом!»),— и все это врывалось в мои мефистофельские широко развезнутые ноздри.

Фауст вернулся из кухни и улыбнулся, глядя на наш танец:

— Вы все-таки страстотерпец, Алекс!

Страстотерпец так страстотерпец. Приятное словечко, хотя и старомодное. Играй, играй, страстотерпец, на разрыв аорты с крысиной головой во рту, играй, пока играется, вот стукнет лет шестьдесят, схватишься за голову: зачем жил? Почему забыл о душе? Зачем грешил? Что оставил человечеству? Посадил ли хотя бы одно дерево? Да посадил! На субботнике в монастырском подсобном хозяйстве! А Бригитта хороша... Ах, вовсе я не страстотерпец и не женолюб, просто я люблю жизнь, и что делать, если звуки и запахи затягивают меня в свой прекрасный водоворот... Что там вечность? Существует ли она? *А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.* От Матфея. От «Черного Джека». Аминь.

— Вы будете слушать? Садитесь к столу, наливайте виски! И ты, Рита, тоже садись, хватит с ним танцевать! Итак, после музея двинулись мы в ресторан самого высокого класса, там и зеркальные потолки, и фонтан с карпами, которых официант вылавливал прямо из воды...

Карпыч дал мне полный карт-бланш и целую пачку денег: шикуй, брат, только достигни цели! Из ресторана направились в наш отель, прямо ко мне в номер, взяли коньяку и шампанского...

Думаете, почему я так подробно рассказываю? Просто эта история перевернула мою жизнь, заставила посмотреть на себя со стороны... но это потом.

Тут уж, простите, некоторые оперативные детали. Карпыч, прогнозируя различные вероятности, в том числе и благоприятное развитие событий — мне не совсем удобно говорить об этом при Бригитте,— настаивал, чтобы сие действо разворачивалось в моем номере и ни в коем случае не на территории Нинон («Ты к ней в номер не ходи, удерживай в своем. Хорошенько напои ее «белым медведем», ясно?»). Карты, правда, полностью не раскрывал, но явно недооценивал мои познания в шпионских делах, не учитывал, в какой среде я вырос, а я еще в детстве прочитал о секретных службах целые горы литературы. Так что Карпыч столкнулся с человеком просвещенным и напрасно сделал вид, что удивился моему вопросу о секретном фотографировании («Что за чепуха? Зачем? Ты об этом не думай, делай, что тебе говорят!»).

И пошел я на бой, на смертный бой. Нервничал сильно, пили мы убойную смесь шампанского и коньяка, пили из стаканов, стоявших на круглом подносе у графина с питьевой водой, я не успевал наливать, поднимая тосты за приятное знакомство, в общем, начал я ее целовать, но моя красавица вдруг побелела, превратилась в бесчувственный труп и, шатаясь, проковыляла в туалет. Выворачивало ее жестоко, но вернулась она оттуда, хотя и поблекшая, но полная сил, начала раздеваться, и я тоже времени зря не терял, сбросил свои импортной ткани брюки-клеш и повесил их на стул, который пришлось пододвинуть поближе к дивану. И вот закончены все прелиминарии, полк рвется в бой, авангард вступил в город... и вдруг телефонный звонок: «Убери стул! — слышу повелительный крик Карпыча.— Убери стул побыстрее!»

Тут я смекнул, что спинкой стула загородил объектив, вмонтированный в стену. А пока я убирал — финита ля комедиа! Пропал весь мой пыл, и вдохновение улетучилось мгновенно без всякой надежды. Был я тогда настолько юн, что даже не понял, как такой пассаж мог произойти!

К счастью, ей снова стало плохо, довел я ее до номера под бдительными очами нянечек-стукачек, договорился на следующий вечер. И вдруг понял: ничего у меня не выйдет, не отвязаться мне теперь от мысли об объективе фотокамеры!

На следующее утро побежал к врачу, в столице тогда много висело частных объявлений о мочеполовых болезнях. Доктор усмехнулся, пророкотал что-то и за восемь рваных вколол мне целый шприц какой-то дряни.

Карпычу я об этом рассказывать не стал, постыдился, а он попросил меня, улыбаясь: «Ты, брат, старайся... по-разному... чтобы покартиннее, понял?»

Выпили мы на следующий вечер лишь бутылку шампанского, и я сразу же приступил к делу. Черт побери, за что отдал такие огромные по тем временам деньги? Лицо в поту, руки ослабли, никакого эффекта! «Пошли ко мне,— шепчет она.— Мы, аспиранты, любим это дело!» Плюнул я на все и пошел за ней. У горничной глаза на лоб, и сразу же в номер телефонный звонок за звонком. И вдруг я ощутил свободу и радость, словно из тюрьмы вышел, укол взыграл во мне так, что ни телефонные звонки, ни стуки в дверь не мешали... Стою я в черных, до колен трусах, производства орехово-зуевской фабрики[5], о заграничных трусах тогда и не слыхивали, а Нинон смотрит на них в диком удивлении — ни у Диора, ни у Кардена таких не видела!

Карпыч пожурил меня за дезертирство в другое помещение, но уверил, что кое-какие материальчики уже в первый раз получились, ах, если бы не стул! не проклятый стул! «Молодец, Женя, неплохо стартовал. Теперь нужно довести ее до кондиции, чтобы она наплевала и на карьеру, и на дом, и на свой Париж». Карпыч не был лишен романтики и, когда напивался, читал строчки одного нашего поэта... помните? о ржавых листьях... «Мы ржавые листья на ржавых дубах! потопчут ли нас трубачи боевые, склонятся ль над нами созвездья живые, мы ржавых дубов облетевший уют!» — Сам считал себя таким листочком, понимал кое-что...

И тут я сломался и отказался дальше работать, лопнула какая-то пружина, горечь и отвращение охватили меня. Не могу, говорю, ничего у меня не выйдет! Если вначале все это дело казалось мне чуть ли не подвигом, то теперь я смотрел на себя, как на гнусного паучка, плетущего сети вокруг случайно залетевшей прекрасной стрекозы да еще прикрывающего всю эту мразь патриотическими идейками вместе с дебилом и вором Карпычем. До сих пор, когда вспоминаю «Убери стул!», омерзение поднимается в душе... «Убери стул!» — словно приказ рабу, но ведь даже не всякого раба в Древнем Риме заставляли проделывать такие штуки. Этот случай словно взломал меня изнутри, оголил мою душу и, как ни парадоксально, привнес в меня чувство порядочности, давно заглушенное абстрактными лозунгами о пользе делу.

И понял я, что никогда не смогу заниматься шпионажем, не смогу затягивать невинного в западню, не смогу выполнять работу, построенную на лжи. Ведь разведка — сплошная ложь! Грязнейшая грязь! Чем отличается добыча секретной информации от простого воровства, от постыдной уголовщины? А подкуп? Разве это не взяточничество, осуждаемое нашими законами? А дезинформация? Разве это не клевета? Все безнравственно, все воняет жульничеством и преступлением! Я тогда еще верил в моральный кодекс и великое будущее нового общества... Но какое отношение все это имеет к шпионажу? Как можно утверждать великие принципы, а за спиной обделывать грязные делишки? Все мы словно тупые, ослепшие кони, тянущие несчастный воз в далекую пучину, расцвеченную, как елка, веселыми огоньками и звездочками... Не зря отец советовал мне поступить в архитектурный, чувствовал грехи свои и не хотел, чтобы я пошел по его стезе... Жаль мне его, но в вину ему ничего не ставлю. Что есть ослепшие рабы, которым заморочили голову? Человек слаб и в тоталитарном режиме ведет себя ненормально, живет по бесовским законам, даже не подозревая об этом. Что можно ожидать от недавнего крестьянина, с трудом окончившего рабфак? Не любил он свою работу, а когда вышел на пенсию, возненавидел свое прошлое... Любил он землю и балалайку, а у него все это отняли и превратили в карателя! Жалеть его надо, жалеть!

А моя прекрасная француженка вдруг взяла и уехала, тем самым разрешив мой конфликт с Карпычем. Я твердо решил отказаться от своих шпионских затей и заняться художественным переводом, кое-какой талантик у меня был...

Но Карпыч, видно, разрекламировал меня, и стали меня таскать из одного кабинета в другой, вели любезные и высокопарные разговоры, предлагали золотые горы и блестящую карьеру. Прикинуться бы мне тогда шизофреником или ляпнуть что-нибудь незрелое. В общем, уговорили меня. Слаб человек и грешен, и, если не признаете эту простую библейскую истину, залетите в такие дебри, в такие утопии... Страшно сказать! Несло меня по течению, и не было ни сил, ни воли сопротивляться увещеваниям. А дальше все просто: спецподготовка, изучение языка... потом женили, не в буквальном смысле, конечно. Мягко это сделали, тактично. Все спрашивал кадровик любезно: «Ты еще не женился?» А ведь это уже внутренняя установка, и помимо своих желаний, начинаешь подбирать жену, да чтобы с хорошей

[5] Между прочим, доблестный Алекс долго был привязан душой к этой марке трусов, и только конспирация вынудила его обречь себя на западные образцы.

биографией. Делаешь это в духе свободы, уже осознанной как необходимость, и вот уже влетел в тихую пристань, бросил якорь. Самое интересное, что все это похоже на гипноз: начинает казаться, что действительно любишь и нет иного выбора. Поразительно, правда, Алекс? Впрочем, женился я счастливо, родилась у нас дочь, затем еще две, а через несколько лет я уже проходил обкатку в Бразилии... Собственно, все остальное уже не интересно, главное — это «Убери стул!». Хотите сигару?

Мы задымили, как два разгоряченных паровоза. Юджин заметно опьянел, даже его крючковатый нос прорезали ранее незаметные склеротические жилки. Хватит исповедей, друг мой, со мной и почище бывало. Подумаешь, «Убери стул!». А ты что? В белых перчатках хотел работать? Подумаешь, не хотел лгать! А может ли человек не лгать? Кто из нас не лгал в семье? Кто не обманывал друзей? Кто не изменял? И разве не обожает большинство людей сплетни? Не вали все грехи людские на разведку, друг Фауст, вали на все человечество: не изобретали бы интеллектуалы ядерного оружия — нечего нам с тобой было бы и разведывать! Разве не благодаря подвигам ученых превратилась земля в пороховой погреб? Разве конфронтация не есть результат столкновения двух идеологий? А разве мы, разведчики, придумали все эти теории, из-за которых уничтожили целые поколения? А кто преподавал в школах науку классовой ненависти? Разве не интеллигенты? Кто с гордым видом изощрялся в красноречии на страницах прессы? Нет, леди и джентльмены, разведчик подобен святому: он распял свою совесть ради своего народа и врет ради него, и дорогу себе в ад прокладывает ради Отечества! А как еще можно бороться с врагами родины? И тебе, Фауст, лучше заткнуться и не носиться со своей сомнительной совестью как с писаной торбой: поступил ты как обыкновенный подонок, предал страну, которая тебя выкормила и удостоила чести — да, да, чести! — вручив в руки твои щит и меч, дабы ты охранял ее землю от врага. А ты взял и остался, и черт тебя знает почему; и я, вместо того чтобы целовать Кэти в Лондоне, пью твой мерзкий виски и танцую с твоей очкастой бабой! Хватит дымить сигарой, Мефистофель, раскрывай рот!

Но рот раскрыл я.

— Очень интересно вас слушать, Юджин, и спасибо за искренность. Что я могу вам сказать? Я ведь и сам испытывал подобное... и не случайно сжег мосты. Нет смысла рыдать над свернувшимся молоком. Я смотрю на вещи просто: только Запад может помочь нашей стране и нет иного пути. Или — или. Пусть кто-то считает нас предателями, когда-нибудь они поймут, что заблуждались... и что истинные сыновья Отечества — это мы. Да! Мы, перебежчики, — истинные спасители своего народа!

Мои слова своей банальностью напоминали передовицы «Дейли телеграф», которые писал мой приятель Терри Браун, высокий хлыщ со стеком, водивший меня иногда в клубы Пэлл-Мэлла. В его политическом салоне я питался крохами вполне приличной информации и пил лучший в Лондоне «драй мартини», который вместе с неистребимым занудством Терри подтолкнул меня на отчаянный флирт с его норвежской женой, окончившийся в моей «газели» в пятидесяти ярдах от семейного очага.

— И все же я не понимаю, зачем дался вам Запад, — продолжал я. — Зачем вы рванули? Какой в этом смысл, если вы не работали и не хотите работать на западную разведку? Ну, не лежала ваша душа к нашей службе, попросились бы в запас, придумали бы болезнь, попали бы пару раз в милицию по пьянке, и вас бы вычистили, и еще пенсию бы дали!

— Думаете, меня бы так просто отпустили? — удивился Юджин.

— А почему бы и нет? Я знал одного парня, его увольнять не хотели, посидел он однажды в ресторане, а после освежился в пруду рядом — жарко было. Собрался народ, там купаться запрещено. Скандал в благородном семействе... милиция. И конец карьере!

— Я думал об этом. Но у меня было особое положение. Меня не отпустили бы так просто. Даже если бы я прошел по центральной улице в голом виде, меня не выгнали бы, нет! И я боялся, честно скажу, боялся! — Он даже пальцы растопырил от возбуждения.

Вторая бутылка закончилась, Бригитта ушла в другую комнату, а он снова начал обсасывать «Убери стул!» и болтать о Карпыче — в печенках у меня была уже вся эта история! Ах, аморально, ах, перевернуло всю душу! Будто Алекс не колол себе в задницу допинг! Не бежать же к профессору! Своею рукою колол, и продолжалось это не несколько дней под зеркалами комфортабельного отеля, а целый страшный год, и не присматривал в отличие от этого чистоплюя, как выглядит объект (главное, что она служила программисткой на военной фирме), не присматривался и колол себе, и не к чему было присматриваться: баба была толстая и мерзкая, вечно мокрая, и воняло от нее тухлой рыбой, поджаренной на средстве от клопов, жил у нее на квартире благородный Алекс целый год, целовал этот холодильник и Бога молил, чтобы пришибло ее кирпичом с крыши или врезался бы именно в нее пикирующий истребитель НАТО.

Юджин носом своим необъятным клевал, но все говорил, нес уже полную околесицу:

— Ужасна наша жизнь! Иду я однажды и вижу у забора трех молодых девок-строителей. Думаете, что они делают? Соревнуются, кто выше пописает... Такая взяла меня тоска: им бы Моцарта слушать, любить и рожать красавцев детей, а они...

Он закрыл лицо руками и замолчал, плакал, наверное. Выпей еще бутылку, Фауст, тогда дозреешь и пойдешь поливать слезами грязные каирские улицы, хоть от этого польза будет. Бабы как бабы, веселились, и ничего больше, и прекрасно, и пускай! Ведь не мучились, а мочились и до слез хохотали, когда одна доставала выше. Кому — конец мира и трагедия, а кому — великий оптимизм, вера в жизнь и женская солидарность... Все зависит от того, с какого шестка смотреть на картину, да и каждый видит свое в одном кубическом ярде воздуха.

Римма заламывала руки от восторгов по поводу рассказа любимого Хема, убивалась над драмой швейцарского крестьянина, положившего свою покойную жену в холодный чулан — дороги снегом занесло. Через неделю пробрался к нему кюре, посмотрел на покойницу и ахнул: «Что вы сделали со своей женой? Что у нее с лицом?!» «Да ничего, просто я рубил в чулане дрова, было темно, и не на что было повесить фонарь... я и повесил его ей на челюсть...» — «Вы любили свою жену?» — «Конечно, любил. А что?» Действительно: а что? Не рубить же дрова в темноте? Римма возмущалась первобытностью швейцарца, а я с ней спорил...

Тут я пересказал всю эту историю почти рыдающему Юджину, он посмотрел на меня дикими глазами:

— А я ведь слышал этот рассказ... его читали както вслух...

Интересно, кто? Впрочем, в Мекленбурге Хема боготворили и знали почти наизусть очень многие. Что ж, доктор Фауст, мы неплохо провели время, хотя личность твою я еще для себя окончательно не прояснил.

Не расстраивайся, продукт веймарского вельможи, мы еще покопаемся в тебе, любезный, плохо ты знаешь старого крота Алекса, он еще вытряхнет из тебя всю подноготную.

— Очень хочу вам поверить, Юджин, но не могу. Кого и чего вы боялись? Вы же не диссидент какойто! Скажите просто: надоело все, захотел жить почеловечески, уехал за границу и сбежал.

Он поднял голову и посмотрел на меня в упор:

— А кто вам сказал, что я сбежал за границей? Я бежал из своей страны!

— Ни черта не понимаю! Чушь какая-то! Да разве от нас можно сбежать? — Я даже подавился смехом.

— Мне угрожали... убийством! — Он говорил на полном серьезе. — На меня покушались!

— Да бросьте, Юджин, какого черта вы несете эту чушь? Какие могут быть покушения в нашей столице? Вы же не лидер государства и не шеф тайной полиции! Или, может быть, за вами там охотились западные разведки? — Я захохотал от этого предположения. Нет, он чокнутый, этот Юджин, типичный шизофреник с манией преследования — профессиональной болезнью нашего брата! Кому нужен этот идиот? Бежал! Самый обыкновенный псих, поэтому и боится работать с американцами. Ну, и дохни как собака в своем Каире!

— Последний раз, Юджин, и я ухожу. Поехали со мной в Лондон! Вам предлагают работу, вам предлагают вызволить свою семью!

Но он молчал, снова опустив голову на руки.

Я встал и расправил широкие плечи («а поутру пред эскадроном в седле я буду свеж и прям, просалютую эспадроном, как бы вчера я ни был пьян!»), нежно попрощался с внезапно постаревшей и поблекшей Матильдой, выползшей, словно настороженная ящерица, за мною в коридор, и, стараясь не качаться, вышел в темную каирскую ночь.

Продолжение следует.

ПИСЬМА ИЗ АРМИИ

Я добровольно пошел в армию, окончив Саратовский мединститут. Около семи лет прослужил в ВС, занимал должности врача строительного отряда, батальона, начальника полкового медпункта, исполнял обязанности старшего врача полка. Объездил страну от западных границ до Сибири, служил в Монголии. В последние годы судьба вновь меня связала с армией, только уже в качестве служащего СА: работаю невропатологом в гарнизонной поликлинике.

Я ни в коем случае не считаю, что здоровая критика армии — это шельмование, желание принизить ее роль. Нет, это боль народа за свою армию. Многое хотелось бы сказать о ее проблемах, но, как бывший войсковой врач, считаю своим долгом поговорить о реорганизации войсковой медицины, тем более что сейчас в отличие от прежних лет это возможно.

В настоящее время медслужба войск находится исключительно в подчинении командира части и входит в штат той или иной части. Тут полная зависимость от командира. Хорошо, если он толковый, прислушивается к медслужбе, помогает. Такое бывает, но крайне редко.

В 1969 году я был назначен врачом военно-строительного батальона, который формировался на территории Башкирии, и отбывал на постоянную дислокацию в МНР. Стояла 33-градусная жара. Шла погрузка эшелона. Продукты, в том числе мясо, находились в не приспособленном для хранения и перевозки вагоне. А дорога длинная, эшелон следовал в течение десяти дней. Мясо портилось, я запретил готовить из него пищу. Однако комбат стал возражать, и, несмотря на мой запрет, пищу готовили из испорченного мяса. В результате — вспышка дизентерии, около 30 человек госпитализировали по дороге, да и привезли к месту дислокации немало больных.

Еще пример. Во время химических учений в 1972 году нам было официально объявлено о применении малой концентрации отравляющих веществ, мы были специально экипированы. По распоряжению командира полка всех врачей усадили в машины командира и его заместителей, вопреки здравому смыслу: мы ведь должны оказывать реальную помощь всем военнослужащим, а не только командирам и наше место — в пункте медпомощи.

Нередко командиры вмешиваются в решение медицинских вопросов. Бесправие войсковых врачей проявляется во всем. По распоряжению командиров они могут в любой момент направить неугодного солдата в «психушку», это проще, чем заниматься его перевоспитанием.

Считаю, что военные медики должны служить только в медицинских частях, которые будут откомандировывать врачей, фельдшеров для обслуживания войск, причем работать там не более 3—5 лет, в противном случае происходит полная дисквалификация медика. Во многих случаях врачи «осолдафониваются», становятся на одинаковый уровень мышления в медицинских вопросах с общевойсковыми командирами.

Что же касается медицинского снабжения в войсках, его вообще ни с чем нельзя сравнить. Нельзя лечиться в условиях войсковых лазаретов. Это наш позор, наша беда.

И. Г. ГЕРШТЕЙН,
капитан медицинской службы запаса
Липецк

СУД СОСТОИТСЯ

В № 28 за этот год редакция сообщила, что обратилась в суд с иском к «Военно-историческому журналу», потребовав опровержения распространенных там клеветнических, порочащих репутацию «Огонька» сведений. Одновременно к «Военно-историческому журналу» предъявил иск о защите своей чести и достоинства народный депутат СССР Ю. П. Щекочихин.

Народный судья Ленинского района г. Москвы Б. Н. Жуков отказался принять исковые заявления: «Огонька» — за неподведомственностью суду, Щекочихина — поскольку не соблюден предварительный внесудебный порядок разрешения спора. 8 октября Московский городской суд отменил оба определения как незаконные и возвратил исковые заявления в Ленинский районный народный суд для рассмотрения по существу.

Возникает естественный вопрос: какую цель преследовал судья Жуков, принимая явно противоправные решения? Если уклониться от рассмотрения дела, то он ее достиг. Иски почти наверняка будут разрешаться под председательством другого судьи, ибо Жуков продемонстрировал свою либо некомпетентность, либо тенденциозность.

В настоящее время к «Военно-историческому журналу» иски о защите чести и достоинства по поводу той же публикации предъявили кинорежиссер Эльдар Рязанов и народный депутат РСФСР Сергей Ковалев.

Представитель «Огонька»
адвокат Генри РЕЗНИК

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ Фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» в Московском Дворце молодежи

21 октября — Презентация книги Б. Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему».

22 октября — Кто есть кто? «Огонек» представляет своих авторов.

23 октября — Только звезды. В вечере классического искусства выступят Т. Синявская, Н. Терентьева, В. Богачев, ансамбль солистов п/р Ю. Башмета и другие.

Гнесинское училище представит юные таланты.

24 октября — Рок против СПИДа... и не только рок. О своем участии уже сообщили группы «Альянс», «Бригада С», «Браво», Лариса Долина, Маша Распутина, музыканты студии «АРС» п/р Игоря Крутого — А. Глызин, Крис Кельми, А. Серов, «Электроклуб». Концерт проведет Игорь Селиверстов.

25 октября — Памяти Александра Меня посвящается.

Программу дополнят просмотры кинофильмов, выставка антиспидовского плаката, благотворительные базары и аукционы.

Весь сбор предназначен в помощь ВИЧ-инфицированным детям.

Билеты продаются в кассах Дворца молодежи.

Начало в 19 часов.

ОТ ЧЕГО ЗАЩИЩАЕТ ГО

Нужна ли нам гражданская оборона сейчас с многочисленным, преимущественно военным, аппаратом и с громоздкой структурой, с формированиями без технического оснащения?

Вывод однозначен. Ныне существующая гражданская оборона нам не нужна. Она неоправданно поглощает большие материальные ресурсы и денежные средства, столь необходимые для подъема народного хозяйства СССР, для решения социальных проблем нашего общества.

В настоящее время, например, в Эстонском штабе гражданской обороны, городских, районных штабах республиканского подчинения имеются более двух десятков полковников, подполковников, значительное количество младших офицеров и прапорщиков. Созданы штабы и курсы гражданской обороны в городах, районах и объектах народного хозяйства.

Штатами предусмотрены штабы гражданской обороны в министерствах, ведомствах, научно-исследовательских институтах, вузах и средних учебных заведениях. Созданы формирования гражданской обороны, которые оснащены ломом, лопатой и киркой. Они, безусловно, не способны оказать какое-либо влияние на выполнение задач по спасению людей в условиях экстремальной обстановки.

Для защиты населения построены и продолжают строиться укрытия и командные пункты управления, которые государству обходятся в миллионы рублей. Эти укрытия, называемые убежищами, как правило, пустуют, а те, которые сдаются в аренду для использования в интересах народного хозяйства, через определенное время выходят из строя и становятся непригодными для их прямого предназначения. В случае войны людей они не защитят. Они нужны для хранения картофеля и овощей, в которых нуждаются наше сельское хозяйство и торговые организации.

Большие средства, и зачастую бесполезно, тратятся на подготовку всего населения к защите от оружия массового поражения. Проводились и проводятся республиканские, городские, районные учения гражданской обороны. Не смешно ли, когда учения гражданской обороны проводятся в средних общеобразовательных школах, детских садах и яслях?

Я полагаю, совершенно незаслуженно, когда весь офицерский состав штабов гражданской обороны за итоговые показатели награждается денежной премией в виде месячного оклада.

Вольнонаемный состав органов гражданской обороны ежеквартально премируется независимо от количества и качества вложенного труда и трудового стажа. Таким образом, гражданская оборона является как бы своеобразной кормушкой для бездельников.

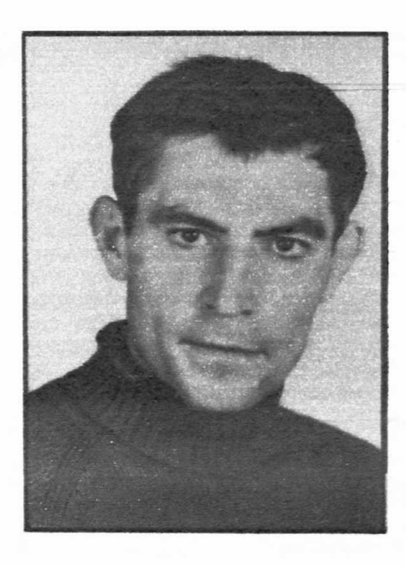
Постоянные раздувания штатов, повышение должностных категорий офицерского состава связаны с тем, по моему мнению, чтобы сохранить содержание генералитета штаба и управления гражданской обороны СССР. В управлении и штабе гражданской обороны страны кабинеты буквально нафаршированы генералами и полковниками.

В Эстонии, как и в других республиках, органами гражданской обороны занято большое количество зданий, в том числе центральными курсами. Имеются политотдел штаба, типография и редакция журнала «Военные знания», научно-исследовательский институт гражданской обороны.

Штатом предусмотрена должность заместителя начальника гражданской обороны по политической части в звании генерал-полковника. В республиках имеются заместители начальников штабов по политической части, в то время как положением о гражданской обороне руководство политической работой в ее системе возложено на местные партийные органы.

Последние события, связанные с катастрофами и землетрясениями, показали всю беспомощность гражданской обороны, она окончательно подорвала веру у населения в его защиту. Простой народ, руководители городов, районов и предприятий пишут письма во все инстанции с требованием принять меры, провести реформу в гражданской обороне в интересах защиты людей на случай экстремальной обстановки.

А. СУТАНКИН,
Таллинн

«ПОЭТОМ СЕБЯ НЕ СЧИТАЮ»

Смельчак. Правдолюбец. Талант. Этого, казалось, достаточно для характеристики Василя Стуса. Однако всенепременно надо добавить: достоинство и честь. Находясь в тяжелейших условиях, он пишет другу: «...главное — уметь держать голову. Даже когда не держится на плечах».

Книгу свою Василь Стус назвал «Палимпсесты». Так называли и называют рукописи на пергаменте поверх смытого или соскобленного текста; палимпсесты были распространены до начала книгопечатания. В условиях лагеря стихи написать было легче, чем сохранить. Все, что сохранилось, бесценно.

Сколько бездарных виршеплетов именуют себя поэтами. А он, истинный, говорил: «Поэтом себя не считаю».

Что мы знаем о жизни Василя Стуса?

Родился в 1938 году. Детство и юность — Донбасс. Донецкий университет, филология. Учительствовал, служил в армии, был газетчиком. Все это малоговорящие данные. Духовная жизнь началась рано и выразилась в решительном противопоставлении молодого человека тирании разных оттенков.

Начало научной деятельности — аспирантура Института литературы Академии наук Украины. В 1965 году отчислен за протест против арестов в среде украинской интеллигенции. В 1972 году арестован и осужден. 1979-й — возвращение в Киев. 1980-й — второй арест, осужден на 15 лет. Сухая хроника, за которой исполненная мучений жизнь.

Академик А. Д. Сахаров, находясь в ссылке в Горьком, писал в октябре 1980 года: «Приговор Стусу — позор советской репрессивной системы. Стус — поэт. Неужто страна, в которой уже погибли или подверглись репрессиям и преследованиям многочисленные ее поэты, требует новой жертвы, нового позора?» И далее Андрей Дмитриевич добавляет: «Приговор Стусу должен быть отменен, как и приговор всем участникам ненасильственного движения правозащитного».

Приговор не отменили. Тирания доводит свои начинания до конца. Умер Василь Стус в лагере в 1985 году при загадочных обстоятельствах. Похоронен был на тюремном кладбище. В конце 1989 года состоялось перезахоронение праха поэта в Киеве. Украина оплакивала своего певца.

У него есть строки, строфы и целые стихотворения шевченковской силы. Для украинского поэта, да и для любого поэта любого народа, это высочайшая оценка творчества.

Время снимает запрет, наложенный на поэзию Василя Стуса.

Он не любил, впрочем, слова «поэзия» и говорил: «Если бы жизнь была получше, я бы стихов не писал, а обрабатывал бы землю». Значит, стихи не для потехи, не для сладкогласия, а для выхода из нестерпимой жизни.

При переводе стихов Василя Стуса, глубоко сочувствуя его непомерным страданиям, сознаешь невозможность адекватного воспроизведения оригинала. Это всегда бывает в искусстве перевода при соприкосновении с сильной творческой личностью, с индивидуальностью, отмеченной «лица необщим выраженьем».

Лев ОЗЕРОВ

Василь СТУС

* * *

Осеннего вечера ветка скрипит.
Слепою клюкою, что тычется в ветре,
дрожит, надломившись. И жалобы ветви
сжимаются в боли, а дерево спит.
Осеннего вечера ветка скрипит,
тугая, как слива, рудою налита.
О ты всепрощающа, хоть и побита,
твой скрип ненасытною смутой омыт.
Осеннего вечера ветка скрипит,
и тяжкою синью в осеннем закате
мой дух колобродит. Прогнили все гати.
Нас мир обошел — истуканом стоит.
Безумным пожаром дорога кипит —
взвивается пыль. И продутые кроны
всю душу обрушат и в пыль, и в полоны
тревожного слуха — как ветка скрипит.
И солнце твое водопадом кипит.
Тугой небокрай от густого стенанья,
согнувшись, обмяк. О, прими покаянье
изгойства (о Боже, дай есть мне и пить).
Солги, что окончился путь мой. Что спит
душа, воспарившая в смертном аркане
высоких предчувствий. На сердца экране
качается вечера ветка, скрипит.
Осеннего вечера ветка скрипит.
Ты чуешь, в раздоре живущий с собою?
Теперь за святою подайся водою
(утайкой послушай — Вселенная спит?).
Не спит. Ей ворчать и ворочаться,
возлежа на горячей горошине века.
Но гулких шагов оглашается эхо.
То, Боже, сияние. И — торжество:
надежд и блужданий, предчувствий и
настижений того, что забыто до срока.
Колышется крона, а солнце жестоко,
мажором играет в пожарах сосна.
То тяга круженья над миром и под
косматыми тучами, под кровяными
торосами памяти. Господи, с ними
пускай породнится надломленный род,
поникший под толщей железных небес,
из пластика сшитых, стекла и бетона.
И песню на ощупь отыщет по тону
шелкового голоса (праздник воскрес!).
Чернеющей пашней дорога кипит.
Не видно ни знака от Млечного шляха.
Сподобь меня, Боже, высокого краха!
Вольготно и весело ветка скрипит.

* * *

Что ж, на восток, восток, восток,
восток, восток, восток!
Больного сердца краток срок,
но след его глубок.
Где Украину видно мне
за сотнями дорог,
она в антоновом огне,
как всем мирам попрек.
Ты от нее идешь, но к ней,
она за сонмом круч,
и горизонт, что тьмы темней,
так горек и горюч.
Ты к ней, но от нее идешь —
губительный маршрут,—
тот, на котором ты падешь,
твои друзья падут.

* * *

Посадить деревце —
оставить по себе наилучшую память.
И они вдоль колючей проволоки стали сажать
цветы, деревья, кусты.
Дикий виноград облепил острые колючки,
развесил лапчатую листву
и даже пустил синеватые гроздья,
и завился витиевато,
трубя в бледные трубы нежности.
Возле ограды пораспускались такие
пионы, ирисы, георгины,
что глаза полонят — не отпустят.
Начальство, проверяя, как выполняют они свои
соцобязательства,
всегда против графы:
«меры по эстетическому воспитанию
заключенных»
ставило:
«ведется на высоком идейно-политическом
уровне».
Одни лишь подписи высокого начальства
напоминали им забытую колючую проволоку.

Перевел с украинского Лев ОЗЕРОВ

* * *

Гори, душа. Гори, а не ропщи!
Чернеет в стуже солнце Украины.
Его еще согреет кровь калины,
на черных водах след ее ищи.
Пусть горстка нас. Щемящая щепоть.
Лишь для молитв она, для упований.
Остерегает доля нас заране:
густа, крута калиновая плоть.
Но эту кровь и стужа не осушит,
и в белом голошении вины
гроздь боли на пределе глубины
на нас свое бессмертие обрушит.

Перевел с украинского Ю. БЕЛИКОВ

* * *

Как хорошо, что смерти не боюсь,
несу тяжелый крест через погосты,
предчувствуя неведомые версты,
перед судом неправым не клонюсь.

Хоть я сполна изведал жизни вкус,
но не набрался подлости и скверны.
О мой народ, тебе останусь верным
и к вечности жизни в смерти обернусь.

Переводчик неизвестен

* * *

Сперва человека они убивали,
потом убитого оживляли.
Реанимацией занимались
в косметических кабинетах
(маляры вместо врачей).
Делу оживления
жизнь отдавали
целые династии мастеров.
Зато отличить живого от мертвого
было невозможно.

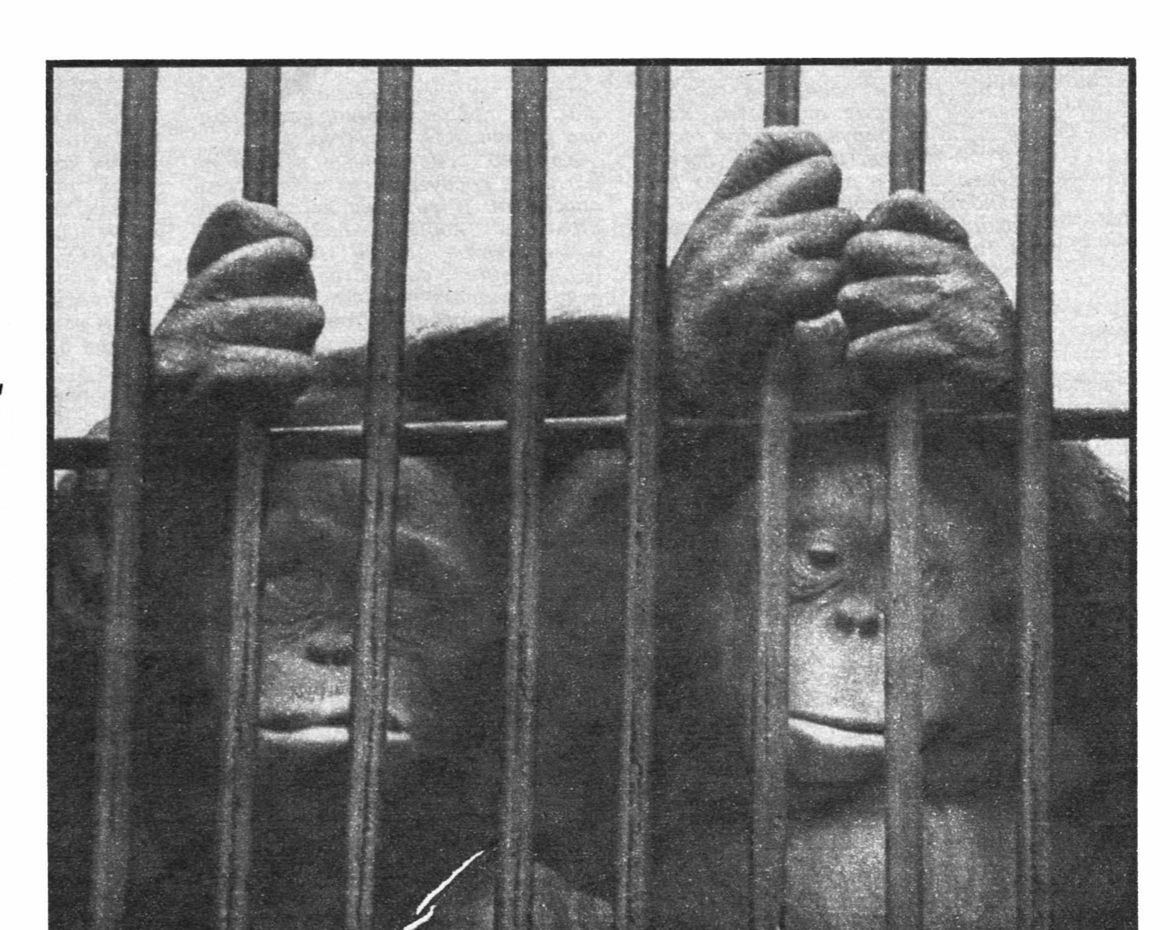
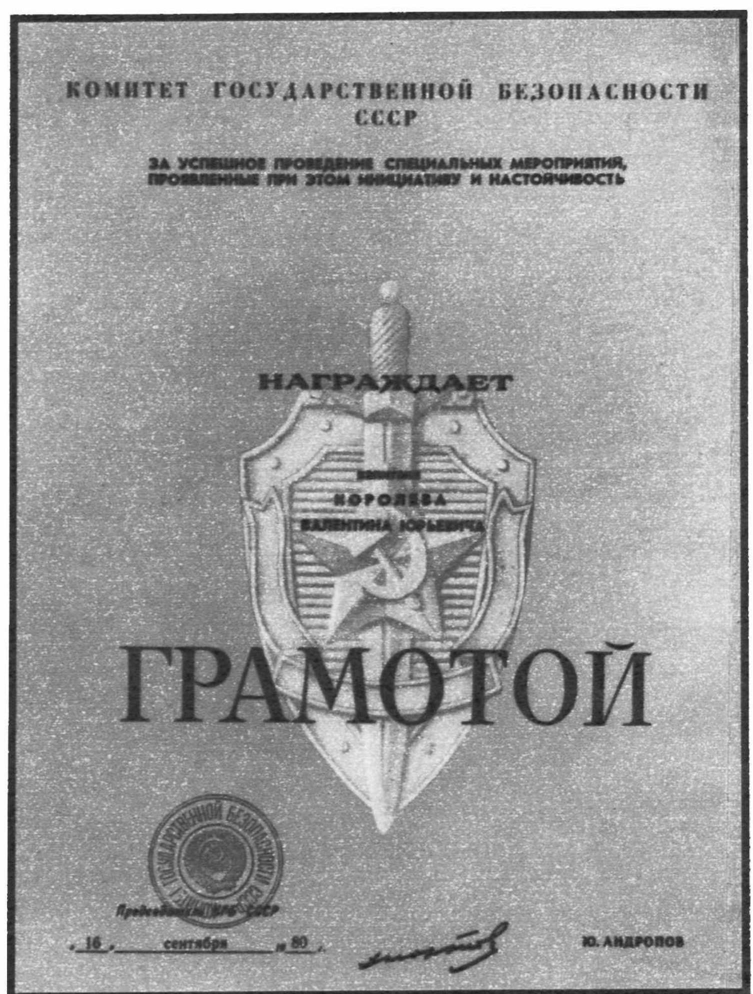

Фото А. ВИКТОРОВА, Л. ГРУБИНСКАСА, А. КНЯЗЕВА и О. КУЦКОГО

В коридорах КГБ.

Награда за верную службу.

Валентин КОРОЛЕВ

«СЕКРЕТЫ» СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

Исповедь бывшего контрразведчика

КГБ... Нет в советской государственной системе ведомства, которое было бы окружено такой густой пеленой слухов, домыслов, легенд. Разумеется, и в других странах деятельность подобного рода служб не проходит в условиях полной гласности. Такова уж специфика работы. Но у нас с представлением об органах безопасности связано так много всевозможных трагических ассоциаций, почерпнутых как из новейшей нашей истории, так и из нынешних дней, что они, эти представления, носят подчас мистический характер.

Конечно, современные веяния не могли не коснуться системы госбезопасности. И вот уже первый иностранный корреспондент входит в знаменитое здание на Лубянке. Представители ведомства выступают перед парламентариями, проводят пресс-конференции, утверждают, что «сегодня закрытых тем в освещении деятельности КГБ нет — за исключением некоторых вполне понятных моментов, обусловленных требованиями конспирации».

Так ли это? В самом ли деле наша тайная служба стремится избавиться от пороков времен застоя? Критики КГБ, а среди них наиболее известны имена О. Калугина, Я. Карповича, утверждают обратное. К этим критикам можно причислить и автора исповеди бывшего контрразведчика.

О себе. Родился в 1946 году. Отец, капитан второго ранга запаса, участник Отечественной войны, умер в 1980 году. Мать — пенсионерка, дочь рядового железнодорожника, еще до войны награжденного орденом Ленина. Я женат на крестьянской дочери. Дочь — студентка института.

2 февраля 1987 года, будучи подполковником, заместителем начальника отделения отдела по борьбе со шпионажем Второй службы УКГБ СССР по Москве и Московской области, доведенным до полного нервного истощения, диабета и невралгии тройничного нерва бесплодными попытками изменить что-либо на вверенном мне участке работы, подал рапорт об увольнении. Был комиссован по состоянию здоровья и в июле того же года уволен на пенсию в 120 рублей по выслуге двадцати лет. От предложенной медкомиссией инвалидности отказался.

За годы моей работы в управлении я, пожалуй, был единственным, кто сам подал рапорт об увольнении. В кабинет, где я сидел с тремя подчиненными, как в зоопарк, приходили и оперработники, и руководители отделов. Всех удивляло только одно: как это человек, получавший 426 рублей в месяц («грязными»), решился жить на пенсию в 120 рублей. Шокировало любопытных и то, что я после долгих лет «престижной работы» хотел устроиться дворником.

Отступники. Служба в органах предполагает запрет не только на разглашение любых сведений о сотрудниках, формах и методах их деятельности, но и на всякую критику начальства. Если ты все же перечишь ему, то сразу же становишься объектом всевозможных (то утонченных, то грубых) интриг и клеветы, после которых будешь служить до пенсии старшим опером. Могут скомпрометировать (бывают кражи с этой целью секретных документов и даже оперативных дел), после чего разжаловать или уволить по несоответствию занимаемой должности.

В 1985 году за критику в адрес начальника отдела был признан шизофреником и уволен старший оперуполномоченный Второй службы Московского управления Николай С. Через полгода мытарств он был признан абсолютно здоровым, восстановлен в должности, но вплоть до моей демобилизации ему не было доверено ни одного серьезного дела или документа под предлогом намеченного перевода сначала в Магадан, потом в Петропавловск-Камчатский, еще куда-то. В 1986 году из-за недоверия и грубого отношения со стороны начальника Второй службы застрелился один из лучших и совестливых контрразведчиков нашего управления, ранее заслуженно награжденный орденом Красной Звезды, Андрей Абрамян.

Изменники. Все сказанное в этой статье не является государственной

или военной тайной. Формы и методы работы КГБ являются секретами лишь для советских граждан. Все наши «секреты» известны каждому сотруднику любой иностранной спецслужбы и всем другим иностранцам, интересующимся положением дел в СССР и просто внимательно читающим газеты. Порой им известно гораздо больше конкретных фактов, чем сотрудникам КГБ.

Основным и, я бы сказал, полноводным пока источником утечки информации из КГБ является Первое главное управление (ПГУ) — разведка. Тому, кто не работал в этом ведомстве в последние 10—15 лет, в это трудно поверить, но это так. Мне известен лишь один случай измены контрразведчика, а именно Сергея Воронцова.

В течение нескольких лет Воронцов был начальником нашего отделения. Цепь интриг, в которые он был вовлечен, как и большинство сотрудников отдела и службы, закончилась для него понижением в должности до старшего оперуполномоченного и переводом в другой отдел в связи с неправильным оформлением оперативных расходов на сумму в пять рублей. После этого случая Воронцов инициативно вышел на посольскую резидентуру ЦРУ и завербовался, взяв себе псевдоним «Стас» — по имени тогдашнего начальника Второй службы.

Почти все агенты иноразведок из числа советских граждан были выявлены не в результате срабатывания какой-то системы контрразведывательных мер. В СССР в отличие от зарубежных стран такой системы не было и нет. В свое время ее пытался разработать и внедрить бывший начальник Второго главного управления КГБ генерал Григоренко. Но в начале 80-х годов он был снят с должности в связи с осуждением его заместителя за контрабанду. Когда я пытался сделать нечто подобное на своем участке работы, руководство Второй службы поднимало меня на смех, называя подобные попытки Григоренко причудами старика.

В основном агенты противника разоблачались случайно, в результате их собственной халатности и потери осторожности после долгих лет безнаказанной работы на иностранные разведки. Иногда — в результате анализа материалов допросов ранее провалившихся агентов, как это было в случае с Воронцовым. В данном случае агент ЦРУ из числа сотрудников Первого главного управления КГБ на допросе сообщил следователю о том, что имел задание установить Воронцова и собрать на него характеризующие сведения. Это и послужило основанием для взятия Воронцова в разработку.

Подавляющее большинство разоблаченных агентов противника всегда составляли сотрудники ПГУ, включая полковников и генералов. Это были «дети аппарата». Можно назвать их и «детьми Крючкова». Весь комитет смеялся сквозь слезы по поводу байки о том, что в Москве сидят три резидентуры ЦРУ: в посольстве США, в ГРУ Генштаба и — наиболее многочисленная и осведомленная — в ПГУ КГБ, а на партсобраниях в ПГУ агентам ЦРУ периодически предлагают добровольно сдаться, обещая сохранить за это на занимаемых должностях.

Как подбирают кадры. В конце 1989 года В. Крючков лишил нагрудного знака «Почетный чекист» полковника КГБ в отставке, бывшего заместителя начальника Пятой службы нашего управления Ярослава Васильевича Карповича, гражданскому мужеству которого я низко кланяюсь. Лишил за то, что Я. В. Карпович в статье «Стыдно молчать!» («Огонек» №29 за 1989 год) справедливо отметил, что так называемое «укрепление» кадров КГБ выходцами из партаппарата ведет к дисквалификации как руководящего, так и оперативного состава органов.

Вряд ли можно найти более болезненную тему для В. Крючкова, чем эта. Во-первых, потому, что он сам пришел в КГБ из ЦК КПСС, а до этого был дипломатом. Вторая причина гораздо интереснее, и связана она со сложившейся системой подбора, подготовки и выдвижения кадров. Это одна из тех самых тайн, которые тщательно скрываются от народа, но во всех деталях известны за рубежом.

Как известно, разведчики работают за рубежом как с нелегальных, так и с легальных позиций. Критика в адрес ПГУ, высказываемая мною, к людям, занимающимся нелегальной разведкой, никакого отношения не имеет. Более того, эти люди первыми и больше других страдают от деградировавшего аппарата и легальных разведчиков. Любой промах и тем более факт измены аппаратчика и сотрудника посольской резидентуры влечет за собой невосполнимые потери позиций советской разведки за рубежом.

Удачное возвращение на Родину советского нелегала — привычный «хэппи энд» произведений нашей кинематографии. В жизни все гораздо сложнее. Здесь за нелегалами сразу же устанавливается неусыпная слежка КГБ с применением всего комплекса контрразведывательных мероприятий, поскольку все они поголовно подозреваются в двурушничестве безо всяких на то оснований, «на всякий случай». Точно так же «обкладываются» все легальные разведчики едва ли не за год до выезда за границу, во время отпуска, проводимого в СССР, и по возвращении домой в связи с истечением срока пребывания за рубежом. Поскольку это известно каждому сотруднику ПГУ (как и всем, кто с ними соприкасается), эти мероприятия, не принося никакого эффекта с точки зрения контрразведки, являются пустой тратой денег.

Посольские резидентуры ПГУ за границей объединяют сотрудников этой разведки, работающих под видом дипломатов, журналистов, представителей внешнеторговых, туристических и иных советских учреждений. Эта деятельность подразумевает получение ими валюты, приобретение за рубежом того, чего нет в СССР или есть, но дорого и низкого качества. Именно это и лежит в основе стремления попасть на работу в ПГУ большинства чекистов и иных советских граждан, прежде всего «детей партгосаппарата».

Последние-то и составляют подавляющее большинство ПГУ. Как правило, они вскормлены в обстановке комфорта и безделья. «Зятья аппарата» появляются в элитарных семьях обычно на последних курсах институтов или Высшей школы КГБ. Элитарный брак гарантирует прямое попадание в ПГУ. Было бы желание. Обладатели менее «мохнатых лап» распределяются из Высшей школы во Второй главк (ВГУ) КГБ СССР, являющийся центральным контрразведывательным органом этого ведомства.

Я знавал только одного «безродного» слушателя ВШ КГБ, распределенного в ПГУ, и одного такого же, получившего назначение в ВГУ. Это из порядочных. Были случаи распределения в ВГУ «безродных» слушателей Высшей школы, которые «стучали» руководству курсов и факультетов на своих же однокашников.

Стукачество вообще очень высоко ценится в КГБ руководителями всех степеней и поощряется продвижением по службе независимо от прочих личных и деловых качеств. Но с продвижением «детей аппарата» (впредь я буду подразумевать под этим термином и зятьев) сравниться не может никто. Оно происходит как бы само собой, независимо ни от чего, кроме как от должности высокопоставленного родственника. Особым преимуществом здесь пользуются сотрудники, имеющие родственные связи в партаппарате.

До середины 70-х годов существовал порядок: лица, не имевшие родственных связей, должны отслужить срочную службу в армии или на флоте, прежде чем подать заявление для поступления в Высшую школу КГБ. «Детям аппарата» официально разрешалось поступать туда сразу по окончании средней школы. На нашем курсе их было около 70 процентов. Причем человек пять из них, получив двойки на вступительных экзаменах, пришли в наши аудитории через два месяца после начала занятий.

В связи с недисциплинированностью «сынков» и недоразумениями на почве взаимной неприязни между ними и отслужившими в армии впоследствии было принято решение об обязательной срочной службе для всех без исключения. Но «дети аппарата» в армии лишь отмечаются. Не успев приступить к службе, они оформляются в Высшую школу особыми отделами КГБ по «звонковой системе».

Попадают в ПГУ не только «дети аппарата». «Безродных» в Первом главке примерно 10—20 процентов. Именно эти люди и занимаются реальной разведывательной деятельностью. Они тщательно проверяются кадровым аппаратом как при поступлении на работу в КГБ вообще, так и повторно, при переводе в ПГУ из других подразделений.

Многие «дети аппарата» при поступлении на работу в КГБ, и в частности в ПГУ, либо вообще не проверяются, либо проверка их носит чисто формальный характер, поскольку существуют приказы председателей КГБ, запрещающие производить какую бы то ни было проверку советской элиты и членов их семей. Если сотрудник КГБ получает информацию компрометирующего характера на этих людей, он обязан немедленно ее уничтожить, поставив в известность лишь начальника отделения или его заместителя.

Поэтому в течение всех лет моей работы в КГБ это ведомство занималось поиском шпионов исключительно среди рабочих, крестьян и «безродной» интеллигенции. Хотя в других приказах тех же председателей лицемерно требовалось всегда иметь в виду, что иностранные спецслужбы стремятся приобретать агентуру прежде всего в руководящих партийных и советских органах, а также среди сотрудников КГБ и МВД.

Наши Джеймсы Бонды. Давая интервью, иные руководители КГБ любят напирать на всякие душещипательные тонкости кадровой политики этого ведомства, выдуманные ими на потребу любителям детективного жанра. Иногда в них есть некоторая доля правды. В частности, руководитель ПГУ Л. Шебаршин, выступая на московском заводе «Знамя труда», рассказал о том, что уже на второй день после зачисления в Главк будущие разведчики прыгают с парашютом. Прыгают, но не все. В прыжковые дни у многих «детей аппарата» дают о себе знать определенные недуги со здоровьем, но из ПГУ они при этом не выпрыгивают в отличие от их «безродных» коллег.

Кстати, именно эти «безродные», оболваненные (как и все мы в прошлом) псевдосоциалистической фразеологией парашютисты и прочие десантники из ПГУ КГБ были теми людьми, которые совершали перевороты в других странах, насаждая в них марионеток Кремля и соответствующие социально-экономические уклады.

Многие сотрудники КГБ писали рапорты с просьбой отправить их в Афганистан. Одни стремились туда в силу авантюристического склада характера, другие полагали, что это способ приобретения валюты и продвижения по службе в случае удачного возвращения домой, третьи видели в этом единственный способ на один-два года сбежать от ненавистных начальников. Последний довод был самым распространенным.

Мне хватило бы пальцев одной руки, чтобы перечислить поистине человечных и интеллигентных руководителей разных ступеней, с которыми свела меня судьба в КГБ. Грубость, оскорбления, недоверие со стороны руководства — явление в органах привычное и едва ли не повседневное.

«Побеги» моих коллег в Афганистан от здешней чекистской действительности мне были вполне понятными. Причем среди «беглецов» было много способных, даже талантливых контрразведчиков, что не могло не отражаться на нашей оперативной деятельности здесь. Многие из них погибли, а те, кто еще недавно издевался над ними, говорили траурные речи о безвременной утрате замечательных людей и контрразведчиков.

Похоже, что неким штатным интервьюируемым руководством КГБ назначило сотрудника, видимо, Шестого управления КГБ, выступающего в прессе под именем А. С. Овидиева. В журнале «Молодая гвардия» он взахлеб поведал о том, будто каждый сотрудник КГБ отлично стреляет, чуть ли не в совершенстве владеет борьбой самбо, обязательно хорошо водит автомашину и мотоцикл, легко и непринужденно работает на компьютере. Как же обстоят дела на самом деле?

Советские контрразведчики в период моей работы компьютеры видели лишь в журналах и по телевизору, то есть не чаще и не ближе, чем основная часть населения нашей великой державы. Никто и никогда их работе на ЭВМ не учил, кроме тех, кто до службы в КГБ заканчивал соответствующие технические вузы.

Никто не обучал и не обучает их вождению автомашин, а тем более мотоциклов. Те, кому хочется, получив разрешение руководства отдела, обучаются за свои деньги в обычных автомотоклубах на общих основаниях. Это те, кто намеревается приобрести собственную автомашину. Я был единственным во Второй службе, кто учился таким образом водить мотоцикл. Водить машину не умею, как и все выпускники Высшей школы КГБ, если они не постигли этого искусства ранее.

Где-то до середины 60-х годов там существовали внештатные курсы автолюбителей, где надо было платить за обучение. Потом очередной начальник школы, выходец из партийных органов, их упразднил «за ненадобностью», зая-

Сотрудники УКГБ по Москве и Московской области еще не подозревают, что их сослуживец Воронцов, так беззаботно накинувший пиджак,— вскоре станет агентом ЦРУ под псевдонимом «Стас».

вив, что ему самому ни разу в жизни не пришлось водить машину, для этого есть оперативный транспорт и штатные водители. Вот уже почти 30 лет слушатели просят свое руководство восстановить эти курсы на прежних условиях, но безрезультатно.

Стреляют московские чекисты одиндва раза в году по три пробных и три зачетных патрона, раз в несколько лет из автомата — по пять пробных и десять зачетных.

Контрразведчики изучают самбо только в Высшей школе, но далеко не в совершенстве. Вряд ли из ста чекистов найдется один, который осмелится выступить хотя бы на юношеских соревнованиях. Раз в году сдается зачет по владению несколькими приемами защиты от холодного и огнестрельного оружия. Перед зачетом проводится около пяти тренировочных занятий, поскольку за год все начисто забывается.

По-настоящему хорошо подготовленными по всем этим направлениям (кроме работы на ЭВМ) являются сотрудники нынешних подразделений по борьбе с организованной преступностью, которые ранее прошли диверсионно-террористическую подготовку при ПГУ и воевали в Афганистане. На остальных во время занятий по физподготовке (1—2 часа в неделю), как правило, жалко смотреть.

Часть выступления Л. Шебаршина, о котором уже шла речь, была посвящена высоким задачам ПГУ, которые оно якобы успешно решает за кордоном. На деле из посольских резидентур в Центр порой поступает информация и дезинформация, выписанная «детьми аппарата» из местной прессы, но подаваемая под видом оперативной (хотя обработка прессы тоже входит в функции резидентуры).

Резиденты ПГУ за рубежом сами избегают поручать серьезную работу «детям аппарата», чтобы не спалить раньше времени агентуру из числа иностранцев. Серьезной агентурной работой занимаются в резидентурах всего по нескольку человек, в основном рабоче-крестьянского происхождения. Работая за себя и за «блатных», они довольно быстро попадают в поле зрения местных контрразведок, разоблачаются и выдворяются в Советский Союз, чтобы уже больше никогда не выехать за границу. О повышении они уже не мечтают, как «погорельцы». Повысят тех, кто делал выписки из местной прессы в Вашингтоне, Лондоне, не сбежав при этом к противнику и «упаковавшись» до следующего вояжа за рубеж.

Западные спецслужбы безошибочно выходят на «детей аппарата» с вербовочными предложениями. Дело в том, что высокопоставленные и широко информированные агенты противника из числа сотрудников ПГУ, вроде секретаря парткома Краснознаменного института этого главка, передали за границу не только списки своих коллег, но и их служебные, партийные и человеческие характеристики. Фактически в единую оперативно-информационную систему разведок стран НАТО, которой пользуется еще и израильская разведка, заложены копии личных дел большинства сотрудников ПГУ.

Если сотрудник посольской резидентуры ПГУ доложит своему руководству о вербовочном подходе к нему со стороны иностранной спецслужбы, он будет немедленно отозван в Союз и более никогда не поедет за границу. Поэтому далеко не все об этом докладывают. Сотрудник резидентуры ЦРУ в Москве, оказавшийся в аналогичном положении, за такой доклад получает повышение в звании или в должности и, если мне не изменяет память, денежную премию. Принимая во внимание положение дел в ПГУ, ЦРУ США порой выходит на советского разведчика уже через две недели после его приезда в посольство.

Контроль над идеологией. Нынешний первый заместитель председателя КГБ Филипп Денисович Бобков многие годы возглавлял Пятое управление КГБ, то есть был тем самым главным «идеологическим контрразведчиком», о котором, не называя фамилии, упомянул в своей статье «Стыдно молчать!» Я. В. Карпович. Именно ему страна во многом обязана репрессиями в отношении поэтов, писателей, художников, ученых, религиозных деятелей, возникновением и развитием проблем «отказников», «диссидентов» и «Памяти».

Став зампредом после ухода из КГБ в ЦК Ю. Андропова, Бобков с той поры до сего времени является фактическим руководителем КГБ СССР. Чебриковы и Крючковы приходят и уходят, а Бобковы остаются. По данным на 1987 год, подавляющее большинство членов коллегии КГБ были прямыми ставленниками Бобкова. В свое время он расставил их по всей стране в роли начальников Пятых управлений республиканских КГБ и пятых отделов областных управлений, после чего они не без его помощи заняли должности, позволившие им войти в состав коллегии.

Не случайно он отказался сменить Власова на посту министра внутренних дел СССР, уступив это место Бакатину. В КГБ он хозяин, по-прежнему курирует Пятое управление, которое вовсе не ликвидировано, а просто переименовано в управление «З» КГБ СССР (Защита Конституции) задолго до создания Комитета конституционного надзора. Это не перепрофилирование, а расширение сферы действия управления до самых дальних границ нашей несчастной Конституции.

Управление продолжает работу по инакомыслящим, но пока лишь в режиме фиксации. До поры до времени. Бобков — первая кандидатура на пост председателя КГБ в случае прихода к власти сторонников тоталитарного режима.

В свое время Пятое управление руками Пятой службы УКГБ по Москве и Московской области озлобило, а затем раскололо только что зародившуюся «Память» на «умеренных» и «экстремистов», всячески мешая их объединению. Здесь Бобков пошел по стопам царского полковника Зубатова, мешавшего объединению большевиков с меньшевиками.

В настоящее время экстремистские элементы «Памяти» используются сторонниками тоталитаризма «втемную» для нагнетания напряженности в стране, для утверждения в умах народа идеи необходимости «сильной руки».

В этой связи чрезвычайно интересным представляется тот факт, что в КГБ муссируются слухи об «иудо-масонском заговоре», в рамках которого Г. Попов, В. Коротич и другие «евреи» добиваются снятия с руководящих должностей истинных поборников социализма. Утверждается, что только такие люди, как Лигачев, способны навести в стране порядок, что лишь они полноценно выражают чаяния народа.

Когда следователями по особо важным делам Т. Х. Гдляном и Н. В. Ивановым была затронута честь мундира окопавшихся в ЦК КПСС апологетов тоталитаризма, руководство КГБ приступило к формированию у оперативного состава негативного отношения к этим двум следователям. Утверждалось, что они никакие не борцы с мафией, а всего-навсего мелкие карьеристы, авантюристы и экстремисты. Сотрудникам КГБ, которые погрязли во всякого рода внутриведомственных интригах, такая версия была близка и понятна.

Для широкой общественности страны эта версия не подходила. Перед народом, оглушенным пятилетней и вполне справедливой кампанией осуждения массовых репрессий 20-х — 50-х годов, Гдлян и Иванов были выставлены как единственные в наше время злостные нарушители социалистической законности. В рамках КГБ и других «правоохранительных» органов ставить этот вопрос в такой плоскости было бесперспективным, поскольку вменяемые там этим следователям нарушения являются если не повседневной, то вполне привычной практикой.

Методы. Руководство КГБ негодует, когда кто-либо сопоставляет современные органы с их предшественниками тридцатых годов. Да, современные Хваты (следователь, пытавший академика Вавилова) формально чисты. Выбивая из подследственных показания, истязают, пытают и насилуют арестованных не сами следователи, а так называемые внутрикамерные агенты, о которых «Огонек» рассказал в «Исповеди стукача». Такая практика широко используется органами КГБ, МВД и прокуратуры как в центре, так и на местах. Поэтому вместе с Гдляном и Ивановым надо бы осудить многих других «ревнителей соцзаконности». Гдлян и Иванов, а скорее всего преданные им сотрудники КГБ, действовали в рамках существующих внутриведомственных приказов и инструкций. Теперь кому-то выгодно об этих нормативных актах начисто забыть.

Случаи неправильного оформления конфискованных ценностей встречаются и в КГБ, причем в делах менее масштабных и напряженных, нежели «узбекское дело». Группе Гдляна порой едва хватало времени для того, чтобы побросать в мешки то, что было найдено при обысках, и вовремя уйти с этими мешками от боевиков мафии, вооруженных и технически оснащенных лучше, чем сотрудники правоохранительных органов. За неправильное или несвоевременное оформление и сдачу конфискованного имущества в КГБ наказывают, но не так, чтобы очень, не бесповоротно для карьеры. Могут понизить в должности на одну ступень, но года через два-три снова повысить.

Борьбу с Гдляном и Ивановым ведет очень сильная и высокопоставленная агентура мафии. Формы и методы агентурно-оперативной работы мафии ничем не отличаются от тех, которые применяют органы КГБ и МВД, включая ведение дел оперативных разработок, осуществление мероприятий по внедрению в помещения средств негласного слухового и визуального контроля. Аппаратура, используемая мафией для этих целей, поступает из-за рубежа и сотрудникам КГБ снится лишь в самых сладких снах. Оперативно-технические средства КГБ столь громоздки, примитивны и некачественны, что, когда встает вопрос об их применении, становится просто стыдно.

Аппаратные игры. В годы застоя органы КГБ разрослись до размеров, объять которые ни один разум, кроме чекистского, не в состоянии. Несколько лет назад на базе отделов управлений центрального аппарата КГБ были созданы целые управления. Эта реорганизация, как водится в таких случаях, была продублирована в республиканских органах КГБ и в областных управлениях. Рост числа начальников значительно опережал увеличение численности оперсостава.

Небезынтересна в связи с этим история реорганизации в рамках, например, Московского управления. В середине 70-х годов УКГБ по Москве и Московской области состояло из ряда сравнительно небольших отделов, внутри которых имелись так называемые направления. Отделений не было. Общее число руководителей отдела и направлений не превышало десяти человек. Всему управлению было известно, что его начальник В. Алидин мечтал получить звание генерал-полковника, что давало бы ему впоследствии повышенную пенсию, пожизненное право на пользование госдачей, госавтомашиной, спецмагазинами и прочими благами. Но для получения этого звания Алидину надо было иметь в подчинении в несколько раз больше офицеров, нежели у него их было. Поскольку он являлся доверенным лицом Л. Брежнева и В. Гришина, Алидину ничего не стоило получить разрешение на соответствующую реорганизацию.

В результате отделы были преобразованы в службы, направления — в отделы, в отделах созданы отделения. Число заместителей Алидина возросло вдвое, начальники служб получили по два-три заместителя, по одному заму имеют начальники отделов и отделений.

В 1986 году численность сотрудников управления в несколько раз превышала штаты дореволюционной московской охранки, где было всего лишь 24 офицера, а остальные — машинисты, охранники и агентура. Этого хватало на несколько десятков оппозиционных режиму партий, включая террористические. Справлялись с работой в силу высокого профессионализма и отсутствия проблемы «детей аппарата». Никому не приходило в голову, что защитить монархию можно «укреплением» кадров охранки за счет членов великокняжеских семей. Вот и весь секрет.

Стиль работы. Перестройка нисколько не коснулась органов КГБ, если иметь в виду какие-либо изменения положительного характера. Бюрократии стало больше, дел меньше (полезных, конечно). Основной вид деятельности — бумаготворчество: недельные, месячные, квартальные, полугодовые, годовые, перспективные планы, по конкретным делам, по участкам и линиям работы, по пополнению агентурного аппарата. Все вспомогательные подразделения (архивы, секретариаты, оперативно-технические, информационные и т. д.), которые ранее обслуживали оперсостав в течение всего рабочего дня, ввели приемные часы (один-два в день), всюду очереди, как за колбасой.

Оперативные документы возвращаются к исполнителям из машбюро в лучшем случае через неделю, а иногда через полтора-два месяца, после чего неделями лежат на докладах у руководства, которое зачастую дает санкции на проведение срочных мероприятий уже тогда, когда в них отпала необходимость. Многие документы, будучи доложенными на всех уровнях управления, возвращаются не только без резолюций, но и без росписей знакомившихся с ними начальников, что является грубым нарушением секретного делопроизводства. Причина — в боязни руководителей принимать какие-либо решения.

Оперативного транспорта практически нет. Результат нескольких кампаний по борьбе за сокращение вспомогательного персонала (в данном случае водителей) и за экономию горючего. Несмотря на отмену персонального автотранспорта, автомобили находятся в полном распоряжении начальников служб и их заместителей. Чтобы получить автомашину для проведения оперативного мероприятия, надо подать им заявку за сутки, а то и за двое.

В некоторых, далеко не во всех, отделах имеются оперативные машины, но без штатных водителей. Их роль выполняют специально выделенные для этого оперативные работники, зарплата которых в два раза выше, чем была у шоферов-профессионалов.

Таковы лишь некоторые штрихи «перестроечных» явлений в Московском управлении. Здесь дело дошло до того, что в 1989 году во всей Второй службе не нашлось ни единого человека, который помог бы моему преемнику, в недавнем прошлом следователю, написать план работы по линии на 1990 год. Через два с лишним года после моей демобилизации он приехал ко мне домой с просьбой пособить ему в этом. Это высшая степень деградации советской контрразведки. В центральном аппарате КГБ дело обстоит не лучше, чем в Московском управлении. Московское управление отражает ситуацию, сложившуюся в Центре.

Вообще надо сказать, что, перебирая в памяти восемнадцать лет работы в органах госбезопасности, я думаю о своих бывших товарищах как о людях глубоко несчастных. Представления о нравственных ценностях, которые свойственны им, как всяким нормальным людям, приходят в противоречие

с требованиями служебного долга. И так постоянно, изо дня в день. В результате — раздвоение личности, чреватое бездуховностью, а подчас и нервными заболеваниями. Рано или поздно надо выбирать: КГБ или правда, добро, человечность. Я выбрал.

Что делать? Стремление КГБ избежать каких бы то ни было телодвижений привело к ожирению сердца, каковым является руководство этого ведомства. Возникла опасность агонии всего организма, что может привести к самым неблагоприятным последствиям для нашего общества. КГБ смертельно болен. Фактически это уже живой труп. Нужно своевременно взять от него жизнеспособный пока еще орган и пересадить в другой — больной, но пока еще не смертельно организм нашего государства. Если этого не сделать, государство погибнет.

Таким жизнеспособным органом является та часть рядового оперсостава КГБ, которая не имеет родственных связей с партгосаппаратом, готова выйти из КПСС и впредь ни в какие политические партии или группировки не вступать, а заниматься обеспечением государственной безопасности под контролем Верховного Совета СССР, исключив из оперативной практики все антигуманные формы и методы работы.

На втором этапе реорганизации руководители всех степеней, не имеющие родственных связей в партгосаппарате и желающие продолжить работу в КГБ, должны будут пройти через процедуру прямого тайного голосования оперсостава ныне подчиненных им подразделений, служб и органов КГБ. Таким же образом полномочия преподавателей учебных заведений КГБ должны подтвердить слушатели.

Все сотрудники КГБ должны быть отозваны избирателями из всех органов власти. Необходима статья Конституции, предусматривающая выход в отставку сотрудников любых правоохранительных органов в случае избрания их в органы власти.

Реорганизация может быть проведена в сжатые сроки. Но уже сейчас необходимо лишить сотрудников КГБ прибавки к окладам (вилка от 50 до 150 рублей), полученной ими в конце 1989 года одновременно с партаппаратом, а также введенной ранее «тринадцатой зарплаты». Они этого не заслуживают.

Нынешний Комитет госбезопасности — едва ли не самая мощная мина замедленного действия, лежащая в фундаменте нашего общества.

Все рассказанное здесь — лишь небольшая часть информации, которой я располагаю. О многом нельзя сказать по соображениям государственной тайны, в частности об антигуманных методах наблюдения и следствия. О них я не имею права говорить.

Но все чаще задаешься вопросом: применимы ли сами термины — право и тайна — к ситуациям, о которых идет речь. Ведь так называемые нормативные подзаконные акты, которыми пользуются в своей повседневной работе сотрудники КГБ, на самом деле антиконституционны. У нас нет законов о государственной тайне, государственной безопасности, охране общественного порядка, обороне страны. Соответствующие ведомства, в сущности, бесконтрольны, сами устанавливают свои права, обязанности, запреты, которым мы вынуждены подчиняться. Эти запреты — насилие над нашей нравственностью. И я молчу, подчиняясь насилию.

Повторяю: все наши тайны — это всего лишь секреты от своего народа с целью скрыть собственные недостатки и даже преступления, сохранить лжеавторитет, власть и привилегии.

Я считаю, что поступаю правильно, по совести. У каждого человека есть свое предназначение в этой жизни. Возможно, судьба провела меня через органы лишь для того, чтобы сегодня я сказал людям правду, призвал их к разуму и человеколюбию.

ЦДЛ, 18 января 1990 года.

Московский городской суд приговорил одного из лидеров одной из «Памятей», К. Смирнова-Осташвили, к двум годам лишения свободы с содержанием в колонии усиленного режима. Публикуем (с сокращениями) речь общественного обвинителя народного депутата СССР Ю. Черниченко и последнее слово подсудимого.

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО

Я ОБВИНЯЮ

Объективами кинокамер сегодня в этот зал смотрит мир. В чем его интерес? Слушается дело о национальном и расовом равноправии. Новость ли? В миллионах случаев за 73 советских года национальность сама по себе могла квалифицироваться как преступление. Достаточно было оказаться крымским татарином — и вас отыскали бы даже в окопах Отечественной войны и сделали бы зэком. Довольно было быть евреем и врачом, пусть опытнейшим, чтобы тебя объявили отравителем. Трагедия калмыков, чеченцев, балкарцев, месхетинцев известна, но до сих пор история молчит о ссылке крымских армян и болгар, греков Черноморского побережья... Сотни миллионов раз на день твердя — над заголовками разных «Правд» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», режим Великой Лжи внедрял и претворял в жизнь древнее коварное правило — «divide et impera» — «разделяй и властвуй». «Разделяй» — значит, стравливай, подкупая. На деле ореол «старшего среди равных» принес русскому народу на самой исторической родине великороссов такое демографическое оскудение, такую культурную и экономическую нищету, что поставил русских на грань вымирания. Державный — кэгэбэшный и идеологический — антисемитизм как бы компенсировал, возмещал перманентный голод, дикое бездорожье и жизнь в ватниках. Русские люди, это жидомасонский заговор сделал вас бездомными у себя дома! Алкоголизм? Евреи! Нищета и феодальная зависимость? Жидомасоны от Троцкого — Зиновьева до нынешних эмигрантов. Пустая государственная казна и жизнь на чужих хлебах? Козни международного сионизма!..

Позорный пятый пункт анкеты, делящий возможности людей именно по их национальной принадлежности, пресс насильственной русификации в одних регионах и копирование великодержавности в «республиках-империях» вместо пресловутой дружбы народов привели к состоянию, которое определяют как «развал Союза». «Апрель» против развала, поэтому он сегодня здесь и обвиняет.

Впервые в советской практике он прямо обвиняет врагов оздоровления общества в действиях, возбуждающих национальную и расовую вражду, унижающих национальную честь и достоинство. Что ж, можем поздравить себя, свершилось: правоохранительные органы действительно охраняют право. Это не демагогия о праве на труд, отдых, образование при миллионах в лагерях и целом сословии — земледельческом! — обращенном в крепостных, а реальное воздаяние. Ты можешь, конечно, кричать и писать — «Жиды, вон в Израиль!», но и тебя могут попросить к уголовному процессу, ты — «завтра придем с автоматами», а тебе — сегодня 74-я статья Уголовного кодекса. Общество защищает себя от смертоносных бактерий.

Этот процесс ляжет камнем в фундамент новых отношений обновляемой России и демократии Москвы. Каким окажется этот камень, надежным ли? Каким ста-

нет общество, каково будет в нем жить? Будет ли всюду озон свободы или в него протащат виноватые поклоны мракобесию, вновь захотят получить гибрид демократии и тоталитаризма?

Налицо страх и тревога. Как сельский хозяин, у которого едва начато дело, боится искр и окурков в сухом хлебе, как верная, любящая мать, отдавая едва возмужавшего первенца солдатчине, боится кровопийцы-дедовщины, так Москва Лужников, Москва Сахарова, Москва векового народного мира, Москва Тверской и Маросейки, Китай-города и Немецкой слободы, Остоженки и Больших Грузин, Якиманки и Ордынки, город-соединение и именно потому — сердце всей России — Москва боится чумы национализма! На парапете Воробьевых гор, как раз напротив лужниковской площади, хранящей слово Сахарова, уже написано «Hitler's Boys» — «Парни Гитлера». Многие мечтают, чтобы парней в черных рубахах звали их именем.

Ложь — и гнусная! — будто у антисемитизма в Белокаменной глубокие корни. Москва наших духовных отцов есть город, где Лев Толстой высоко ценит Леонида Пастернака, Антон Чехов дружит с Исааком Левитаном, а Павел Третьяков с Саввой Морозовым опекают и поддерживают Марка Антокольского. Вполне допускаю, что сегодняшнему заполнению скамьи подсудимых эти имена ничего не говорят, но Москве-то надо жить на людском кругу и дальше! Когда вспыхнуло разожженное черносотенным отребьем «дело Бейлиса», киевского приказчика, обвиненного в ритуальном убийстве, с призывом-протестом «К русскому обществу» обратились Короленко и Горький, Янка Купала и Леонид Андреев, Вера Засулич и Дмитрий Крачковский и сотни других. Правозаступник В. Г. Короленко идеологию антисемитов назвал коротко: «подлость». И если об уме, чести и совести эпохи, так именно гневные противники расовой розни составляли их в нашем пережитом.

Пустить по ложному следу и тем спасти подлинных преступников — испытанный прием. Объявить большевизм сионизмом, а ГПУ — ВЧК — НКВД скопищем еврейства — практическое применение этого приема.

М. Горький последним предоктябрьским летом писал:

«...Антисемитизм жив и понемножку, осторожно снова поднимает свою гнусную голову, шипит, клевещет, брызжет ядовитой слюной ненависти. ...видите ли, среди анархически настроенных большевиков оказались два еврея. Некоторые насчитывают семерых и убеждены, что эти семеро Самсонов разрушат вдребезги 170-миллионную храмину России.

...люди, верующие в кроткого Христа, полагают, что за грехи двух или семерых большевиков должен страдать весь еврейский народ.

Рассуждая так, следует признать, что за Ленина, чистокровного русского грешника, должны отвечать все уроженцы Симбирской губернии, а также и смежных с нею». (18 июня 1917 г., «Несвоевременные мысли»).

Объявить теорию и практику большевизма национальным делом еврейства, сионизма значит снова развести мосты, пресечь возвращение России в число правовых государств, цивилизованных обществ. Как ни ретушируй, как ни маскируй, а антисемитизм плодит сначала Мюнхен и теорию Розенберга, затем блицкриг и Дахау. Или — возможен вариант — сперва в геноциде коллективизации будут виноваты жиды, а затем пойдут ссылать — и, конечно же, «справедливо» — поляков, чечен, татар, балкарцев и болгар.

Граждане судьи, этот процесс уникален еще и тем, что в поворотную для общества пору, когда закладываются самые общие, определяющие этические черты реформированного и, надеемся, правового государства, так или иначе ответит на вопрос, каково будет человеку жить в этой столице и в этой России. Защитит ли государство прирожденные (а не кем-то дарованные) права человека, обеспечит ли оно равенство наций, культур и возможностей или средством отстоять свое человеческое достоинство останется отъезд «за бугор»?

Горе экономике с очередями вообще, десятикратное горе — с «хвостами» к иноземным посольствам. Национализм есть чума с легко исчисляемым экономическим уроном. Эмиграция уже разорила СССР на десятки миллиардов долларов, обогатив страны, давшие кров беглецам, на большую сумму. Подготовить ныне физика, музыканта или врача, который бы представлял подлинную, то есть общечеловеческую, ценность, стоит громадных денег. «Утечка мозгов» есть обескровливание государства; вытеснение, высылка талантов — это способ кретинизации социума, насильственного вывода его из состязания в мировом сообществе. Гитлеровский «третий рейх» лишился своего бытия в мае 1945-го (за что отдал жизнь и мой отец), но будущее свое перечеркнул еще в 1933-м — изгнанием еврея Альберта Эйнштейна.

На беду свою, мы уже знаем, что́ получается, когда взбешенной толпе сто раз подряд безнаказанно говорят: «Ваш враг — армянин», «Все беды от месхетинца», «Бей узбека, спасай Киргизстан». Возникают Сумгаит, Фергана и Ош. С Москвы хватит! Она умеет учиться. Она пока Белокаменная и не хочет видеть Красную площадь впрямь ало-красной. Как проспект Руставели после саперных лопат. И если интеллектуалам понятен обещанный подсудимыми автомат, то и рабочий человек знает: шовинизм, фашизм так же гарантирует народу беду, как коллективизация — голод. «Россия для славян, Москва для русских, евреи — в Израиль» — это ныне просто камуфлированный призыв к гражданской войне.

Обвиняемый — сам он себя называет старым хорьком, попавшим в капкан,— желает выдать данный процесс за политический, а себя, следовательно,— за мученика идеи. Так любой поджигатель мог бы претендовать на звание светоносца! Нет, перед нами уголовный преступник, осознанно и — увы — безбоязненно нарушавший священные права человека. И первое среди них — чтить отца своего и матерь свою за то, что родили тебя в своем народе, языке и культуре, сознавать себя равным и уважать государство за гарантию этого равенства. Этот уголовный преступник совершал, цитирую Кодекс: умышленные действия, направленные на возбуждение национальной или расовой вражды..., на унижение национальной чести и достоинства... (статья 74).

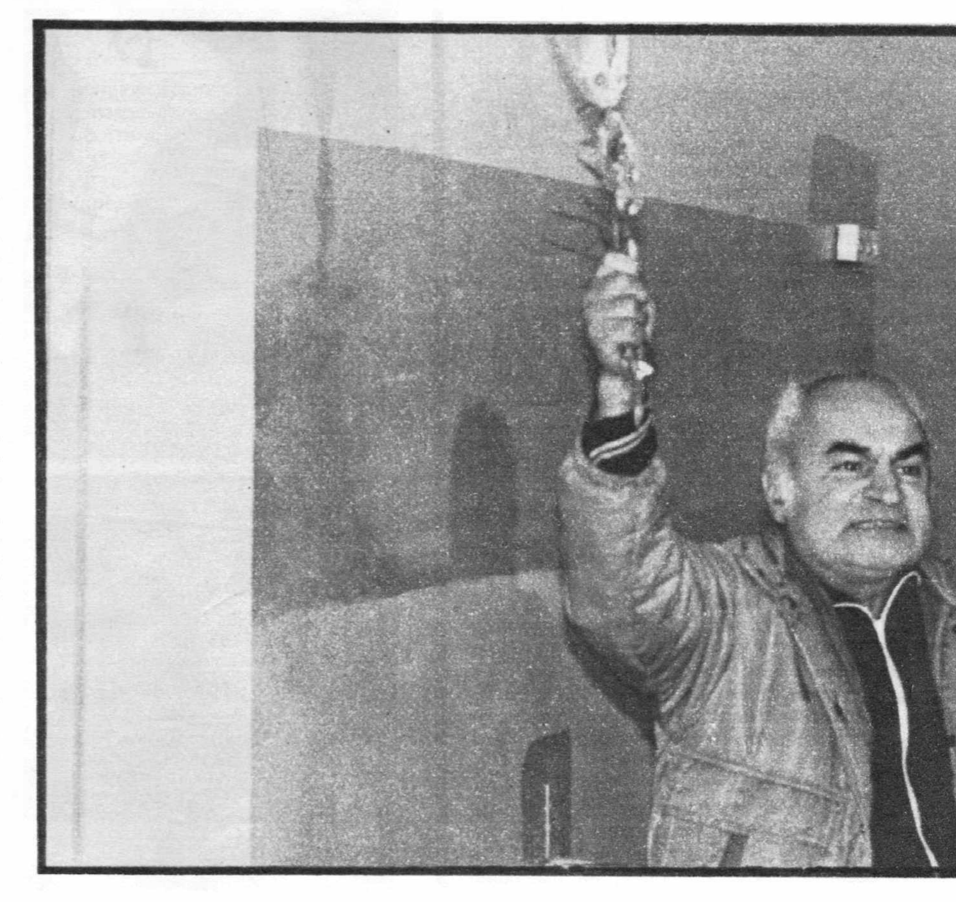
Он не скрывает долготы и постоянства своей практики и сами судебные заседания старался использовать для пропаганды расистских идей. Достаточно вспомнить его вопросы: «Свидетель, вы какой национальности?», «Судья, а вы кто по национальности?» — абсолютно непредставимые для всякого цивилизованного человека и незаконные где бы то ни было.

Перед нами прошли и живые последствия его деятельности: молодые члены «Памяти», считавшие обвиняемого «человеком чести». Растление молодых умов, уродование душ, заражение неокрепших поколений дурной болезнью национализма — какой статьей квалифицировать несомненное достижение подсудимого и иже с ним? А в том древнем-древнем тексте, где сказано «несть ни Еллина, ни Иудея», соблазнение «малых сих» приравнивалось к тягчайшим преступлениям — и лучше им было бы, если бы привязали им жернов на шею и утопили в пучине морской.

Правда, в той же степени, как и растлитель, он жертва соблазна — идейной обработки. За спиной обвиняемого незримо предстают перед судом идеологи антисемитизма, те, чьи имена стотысячными тиражами воспроизводят списки редколлегий, кто возглавляет печатные издания, сидит на казенных местах в министерствах социалистического реализма. В традициях русской литературы — считать проектировщика преступления, идейного толкателя злодейства преступником не меньшим, но большим, чем прямой исполнитель. Обычно такой дирижер умнее и трусливее исполнителя — и его поимка с поличным редка. Но, слушая сегодня это незаурядное дело, они наверняка отметят про себя, что скамья на удивление просторна, и если в стране впрямь утвердятся нетелефонное право и внепартийный суд, их практика станет небезопасной.

И все же — «каждому по делам его». Хорошо сознавая, что перед нами акция, не доступная в исполнении одиночке, понимая, что рядом с обвиняемым были не менее его виновные злоумышленники, что только особые умения следствия предоставили скамью подсудимых в единоличное пользование, я прошу коллегию городского суда российской столицы ввести в реальное действие статью 74 Кодекса РСФСР, назначить реальное наказание подсудимому.

Граждане судьи, Москва демократии и права просит вашей защиты. Столица свободного слова ждет помощи. Россия смотрит на нас — и пусть каждый исполнит свой долг.

К. СМИРНОВ-ОСТАШВИЛИ: «Я МНОГОМУ НАУЧИЛСЯ»

...Это моя последняя речь, поэтому попрошу еще несколько минут.

...Вот только сейчас я вспомнил. Есть такой очень честный депутат, директор 1-го часового завода Самсонов. Он может подтвердить, что на его предвыборной кампании я также был с мегафоном и также в зале его защищал... Но нигде не звучал этот так называемый антисемитизм. Потому что там не было оскорблений. А разница между антисемитизмом и антисионизмом — это как между небом и землей.

Тут только что сказал обвинитель Макаров: то, что сейчас он видит,— это зарождение фашизма наподобие в Гер-

ПО ПРОСЬБЕ АГЕНТСТВА «ПОСТФАКТУМ»

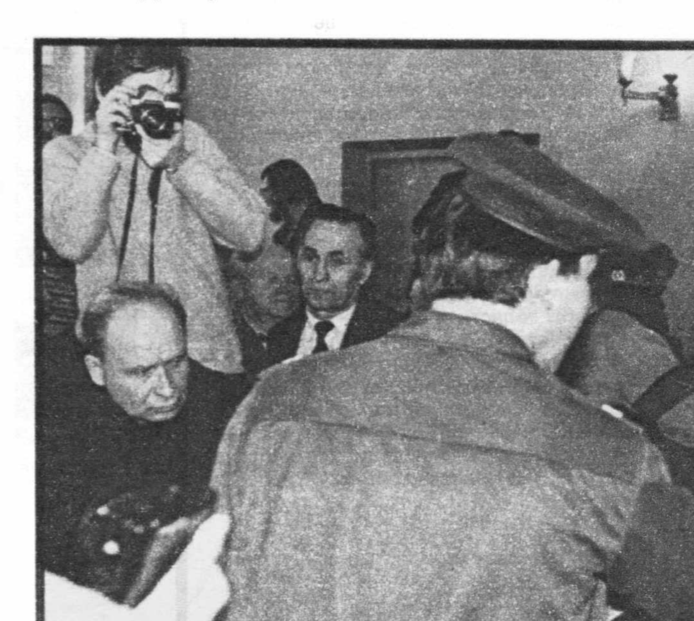
результаты судебного процесса комментируют:

Лидер организации «Память» Валерий ЕМЕЛЬЯНОВ:

«На судебном процессе все надуманные факты были подтверждены «в законном порядке». Это совершенно наглая фальсификация, ведь факты были в ходе судебного следствия опровергнуты. Тем не менее суд на это не обратил внимания.

Во время двухдневного перерыва суд, видимо, совещался с представителями высших сионистских сфер. Фактически «дело Осташвили» есть бытовой инцидент, который не стоит и выеденного яйца».

Лидер Национально-патриотического фронта «Память» Дмитрий ВАСИЛЬЕВ:

Мосгорсуд, 12 октября 1990 года. Фото Юрия Грипаса («Собеседник»)

мании. Точно так же я могу сказать, что то, что сейчас происходит... это захват власти сионистами. И к чему это приведет, к какой крови — мы уже этот прецедент знаем: 17-й год, ЧК и пытки в лагерях, концлагерях, Троцкий и так далее. Поэтому еще про Германию-то мы кое-как поговорим! Это еще неясно... а вот про сионистов, с кем я боролся,— резолюция Генеральной Ассамблеи признала их фашистами,— это я точно могу сказать! Это дело времени. И запылают не только костры, а будут вешать на всех этих самых...

Все шел сплошной экспромт (в ЦДЛ.— **Ред.**). Эти фразы все сказаны с чувством юмора. И никакого разжигания... И я не разжигал ненависти ни к какой нации!.. Шел попросту базар, квартирные склоки. Какая там, 131-я статья подходит? И тут же политику ввернули, даже национальную. Поэтому я обращаюсь к суду и прошу еще раз рассмотреть мое выступление. Прошу рассмотреть мою жизнь!.. Прошу учесть, что у меня не было намерения заранее это делать. Прошу учесть состояние моего здоровья. Мою рабочую характеристику. Состояние моей семьи. И не лишать меня свободы, как просит прокурор. Конечно, если есть Высший Суд и Высшая Справедливость, то должна быть оправдательная и наказательная в смысле «Апреля» резолюция.

...Со своей стороны, я, конечно, вы понимаете, за это время многое обдумал, многое понял, многому научился и, естественно, сделаю соответствующие выводы. О чем я вас заверяю с полным основанием.

«Судить нужно было Осташвили и писательский клуб «Апрель» одновременно. Осташвили стал пешкой в руках темных сил. Им воспользовались, чтобы раздавить национальное русское движение, хотя Осташвили, собственно, не принадлежит к «Памяти». Он просто никудышный политик и, возможно, психически больной человек. Но второго рейхстага и «дела Дрейфуса» не получится. Сегодня люди грамотные: все читали Протоколы сионских мудрецов и знают тайны механизма и пружины коммунистического сионо-масонского заговора, царящего в стране».

Член Политического совета организации советских сионистов «Иргун Циони» Эли ЛИВШИЦ:

«Результат суда, безусловно, недостаточен для того, чтобы как-то остановить волну антисемитизма, которая, по-видимому, вызревает в стране. Решение суда подано как осуждение лидера общества «Память» за антисемитизм, и тем самым как бы закрывается этот вопрос. Суду не предан ряд других участников дебоша в Центральном Доме литераторов. Более того, по-видимому, осужден человек не вполне нормальный, явно манипулируемый, который превращен в «козла отпущения», чтобы показать, что Советское государство заботится о наказании антисемитов».

К ЧИТАТЕЛЯМ

В многочисленных письмах читатели жалуются, что литприложение к «Огоньку» становится все менее доступным. Да, с 1,7 миллиона экземпляров волею планирующих органов тираж снижен до 800 тысяч. Увы, по-прежнему много недостатков и в распространении приложения.

Учитывая просьбы читателей, редакция рассматривает вопрос о том, чтобы в зависимости от итогов подписки на «Огонек», то есть в зависимости от финансового положения журнала, предоставить возможность тем, кто подписался на весь год, приобрести собрание сочинений А. Дюма. Для этого предстоит решить проблемы бумаги, краски, полиграфических мощностей... Все это не просто.

Мы уже сообщали о том, что «Огонек» приступил к издательской деятельности. На 1991 год запланирован выпуск ряда интересных, на наш взгляд, книг. Мы хотим установить такой порядок, чтобы постоянные читатели журнала имели возможность приоритетного приобретения этих изданий. Сейчас готовятся к выпуску двухтомник Василия Аксенова («Ожог» и «Остров Крым»), воспоминания генерала А. Орлова «Тайная история сталинских преступлений», книга Гордона Маквэя «Есенин и Айседора», сборники сочинений Саши Соколова, В. Войновича, Андрея Синявского, сборник «репрессированной литературы» — «Хранить вечно», в который войдут арестованные произведения Платонова, Бабеля, Булгакова, Клюева... Рассматривается с учетом заявок читателей и возможность публикации произведений ряда других популярных авторов. Уточненный список мы сообщим дополнительно.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Условная линия, делящая земной шар на северное и южное полушария. 9. Пушной зверек. 10. Головной убор с переговорным устройством. 11. Город в Якутии. 13. Часть здания. 16. Роман Ф. М. Достоевского. 17. Оборот речи, присущий только данному языку. 18. Украинский писатель, публицист. 19. Наука о законах и формах мышления. 20. Тренога, подставка для приборов. 22. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина. 23. Плод деревьев, кустарников с твердой скорлупой. 27. Река в Южной Корее. 28. Деятельность государственной власти, партии. 29. Герметический аппарат для проведения физико-химических процессов. 30. Болотное ягодное растение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Отступление от главной темы для освещения побочного вопроса. 2. Ударный самозвучащий музыкальный инструмент. 3. Подвижная деталь в цилиндре двигателя. 5. Часть речи. 6. Русский живописец-пейзажист, передвижник. 7. Столица государства в Южной Азии. 8. Русская актриса. 11. Американский петрограф и геохимик, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР. 12. Опорная конструкция для крепления деталей узлов к стене. 14. Приток Витима. 15. Объявление о спектакле, концерте, лекции. 19. Государство в Западной Африке. 21. Народный духовой музыкальный инструмент. 24. Русский писатель XIX века. 25. Русский живописец, передвижник. 26. Шлифовка и полировка ювелирного камня.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Караван. 8. Ермолин. 9. Капюшон. 12. «Сампо». 13. Чибис. 14. Аракс. 15. Телец. 17. Дюрер. 19. Верещагин. 22. Овсюг. 23. Аргун. 24. Минин. 25. Эланд. 27. Дроги. 29. Атакама. 30. Маримба. 31. Гаршнеп.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Парус». 2. Карамель. 3. «Садко». 4. Френч. 5. Мольберт. 6. Фикус. 10. Перспектива. 11. «Шоколадница». 15. Тесло. 16. Цвейг. 17. Джида. 18. Радон. 20. Исландия. 21. Огбомошо. 25. Экран. 26. Дамба. 27. «Даная». 28. Истец.

Советско-Британская Творческая Ассоциация
представляет

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ГОЛЛИВУДА ФИЛЬМ

GONE WITH THE WIND

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Премьерные просмотры в Москве, Тбилиси и других городах сопровождаются гала-программами и благотворительными базарами, средства от которых поступят в Фонд «ОГОНЕК» — АнтиСПИД».

Тел: 229-05-74 и 229-69-01
Телефакс: 2004249

40 коп. Индекс 70663